

Вестник

РЯЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

ISSN 0869-6446

Научный журнал

Год 2013, №3/40

ISSN 0869-6446

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина»

В е с т н и к
Р я з а н с к о г о
г о с у д а р с т в е н н о г о
у н и в е р с и т е т а
и м е н и С . А . Е с е н и н а

Научный журнал

№ 3/40

Журнал выходит с 1993 года

Посвящается
95-летию со дня рождения
А.И. Солженицына

Рязань 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 3 ноября 2011 года. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-47143.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПУПКОВ С.В., д-р пед. наук, проф., и. о. ректора РГУ имени С.А. Есенина,
ЛИФЕРОВ А.П., д-р пед. наук, проф., акад. РАО, президент РГУ имени С.А. Есенина, советник ректора по стратегическому развитию РГУ имени С.А. Есенина,
ЕРЁМЕНКО Т.В., д-р пед. наук, проф., первый проректор РГУ имени С.А. Есенина,
КИРЬЯНОВА Е.А., д-р ист. наук, проф., проректор по учебно-методической и воспитательной работе РГУ имени С.А. Есенина,
СТРАХОВ В.В., канд. ист. наук, проф., проректор по мониторингу деятельности, лицензированию и аккредитации РГУ имени С.А. Есенина.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Эрлихсон И.М., д-р ист. наук, проф. (гл. редактор), **Решетова А.А.**, д-р филол. наук, проф. (зам. гл. редактора), **Минаев А.И.**, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора), **Коненков А.Н.**, д-р физ.-мат. наук, проф. (отв. секретарь), **Агапова Н.Г.**, д-р филос. наук, проф., **Байкова Л.А.**, д-р пед. наук, проф., **Болысов С.И.**, д-р геогр. наук, проф., **Борисова Е.А.**, д-р биол. наук, проф., **Воевода Е.В.**, д-р пед. наук, проф., **Гаврилов К.Н.**, д-р хим. наук, проф., **Ганин В.Н.**, д-р филол. наук, проф., **Голодов А.Г.**, д-р филол. наук, проф., **Голубкова Е.Е.**, д-р филол. наук, проф., **Григорьева Е.И.**, д-р культурологии, проф., **Давыдова И.Ю.**, д-р биол. наук, проф., **Ельцов А.В.**, д-р пед. наук, проф., **Казакова М.В.**, д-р биол. наук, проф., **Карвицкая Г.В.**, канд. экон. наук, доц., **Козлов Г.Я.**, д-р ист. наук, проф., **Коненков Н.В.**, д-р физ.-мат. наук, проф., **Костикова Л.П.**, д-р пед. наук, проф., **Кривцов В.А.**, д-р геогр. наук, проф., **Ламзин С.А.**, д-р пед. наук, проф., **Левченко В.В.**, д-р пед. наук, доц., **Лосев Ю.И.**, д-р ист. наук, проф., акад. РАЕН, **Мартишина Н.В.**, д-р пед. наук, проф., **Маунитс Б.**, д-р философии по прикладной математике, проф., **Моос Е.Н.**, д-р техн. наук, проф., **Назиев А.Х.**, д-р пед. наук, проф., **Нижнева Н.Н.**, д-р пед. наук, проф., **Никитин О.В.**, д-р филол. наук, проф., **Подоль Р.Я.**, д-р филос. наук, проф., **Решетов В.Г.**, д-р филол. наук, проф., **Силаева Т.Б.**, д-р биол. наук, проф., **Соловьёв А.В.**, д-р филос. наук, проф., **Степанов В.А.**, д-р физ.-мат. наук, проф., **Терёхин М.Т.**, д-р физ.-мат. наук, проф., **Травников С.Н.**, д-р филол. наук, проф., **Шейна И.М.**, канд. филол. наук, проф., **Чикалова И.Р.**, д-р ист. наук, проф., **Хасан А.Х.С.**, д-р геолог. наук, проф., **Эрлихсон М.**, д-р философии по прикладной математике, проф., **Ямашкин А.А.**, д-р геогр. наук, проф.

Журнал выходит четыре раза в год.

Адрес редакции:

390000, Рязань, ул. Свободы, 46.

Тел. (4912)281924; e-mail: vestnik@rsu.edu.ru; i.erlihson@rsu.edu.ru; a.reshetova@rsu.edu.ru.

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией.

Ссылка на журнал «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина» обязательна.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписной индекс издания № 36249 в каталоге «Роспечать».

- © Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2013
- © Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ. ПЕДАГОГИКА

Лазарев Ю.В.

- Оттепель в школьном преподавании литературы
(к истории изучения творчества
А.И. Солженицына в школе) 5

Климушина Ю.А.

- «Вектор человеческой судьбы...»
(изучение духовно-нравственных аспектов жизни
и творчества А.И. Солженицына в школе) 17

Щетинина Н.П.

- Духовно-нравственный потенциал литературного
наследия А.И. Солженицына 23

ФИЛОСОФИЯ. ТЕОЛОГИЯ

Азинцев С.Е.

- Российский социум и Солженицын:
опыт частного взгляда 29

Белопольская Е.В.

- А.И. Солженицын и преподобный Иоанн Лествичник:
к проблеме духовно-нравственного возвышения
(на материале романа «В круге первом») 52

ИСТОРИЯ

Козляков В.Н.

- Отражения: А.И. Солженицын о драматической
трилогии А.К. Толстого 61

Темпест Р.

- Военный палимпсест: личность маршала Жукова
в интерпретации Александра Солженицына 67

Стрелец М.В.

- Правозащитное движение в СССР в эпоху Л.И. Брежнева:
некоторые аспекты истории 77

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Аркатова А.Е.

- «Чудо духовности» Веры Гангарт (о поэтике одного женского персонажа в повести А. Солженицына «Раковый корпус») 89

Смыковская Т.Е.

- Женские образы А. Солженицына в контексте пасхальной традиции (на примере эпопеи «Красное колесо») 97

Гуськов В.В.

- «Бесконечны, безобразны, в мутной месяца игре...» (типология персонажей-бесов в исторической эпопее А. Солженицына «Красное колесо») 105

Моторин С.Н.

- Лагерный быт и бытие в пьесе А.И. Солженицына «Республика труда» 119

Соколова Р.А.

- Тема ГУЛАГа в творчестве М.М. Пришвина и А.И. Солженицына 129

Сафронов А.В.

- После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы конца XX века) 139

ЛИНГВИСТИКА

Злобин А.А.

- Ключевое слово А.И. Солженицына: семантический потенциал и его реализация 155

Князькова В.С.

- Творчество А.И. Солженицына в восприятии словацких читателей 169

- Сведения об авторах 183

- Информация авторам 189

УДК 372.882

Ю.В. Лазарев

ОТТЕПЕЛЬ В ШКОЛЬНОМ ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ШКОЛЕ)

Дана характеристика процессов, происходивших в 60-е годы XX века в сфере образования вообще и в области методики преподавания словесности в частности, позволивших изучать произведения А.И. Солженицына на уроках литературы в советской школе. Особое внимание уделяется дискуссиям, проходившим на страницах газет и журналов. Автор рассматривает частные проблемы в контексте общих проблем школьного литературного образования. Привлечен новый материал, позволяющий дополнить историю становления школьного литературного образования.

Солженицын А.И., история литературного образования, педагогическая публицистика.

Принято считать, что изучение творчества А.И. Солженицына в нашей стране началось в конце 80-х годов XX века ¹. Однако еще в советской школе на уроках литературы учителя обращались к произведениям автора. В экспериментальной программе по литературе для 8–10 классов, предназначенной для специализированной физико-математической и химической школы-интерната при Новосибирском государственном университете, опубликованной в 1966 году (и уже апробировавшейся в школе в течение двух лет), среди прочих авторов для изучения указан и А.И. Солженицын. В 9 классе предлагается его рассказ «Случай на станции Кречетовка» ².

Начало 1960-х годов – период обновления содержания школьного литературного образования. В это время при Академии педагогических наук создается программная комиссия, разрабатывающая новые программы и учебники. В жур-

¹ Лазарев Ю.В. Изучение А.И. Солженицына в школе в контексте проблем современного литературного образования (по материалам полемики в СМИ) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2011. № 3/32. С. 35–48.

² Гольденберг И.З. О преподавании литературы в школе. Новосибирск, 1966. 54 с.

нале «Литература в школе» публикуются для обсуждения проекты учебных программ³. Школьный курс дополняется произведениями Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, С.А. Есенина, на несколько десятилетий исключенных из программ. Вводятся уроки внеклассного чтения и факультативные занятия.

Конечно же, произведения А.И. Солженицына, и в первую очередь рассказ «Один день Ивана Денисовича», всколыхнувший советское общество, привлекали внимание творчески работающих учителей, заставляли их говорить и о писателе, и о тех трагических событиях нашей недавней истории, которые художественно осмыслил автор.

Именно в это время, в 1962 году, при Новосибирском государственном университете создается физико-математическая школа-интернат как учебное заведение, нацеленное на фундаментальную подготовку учащихся для более раннего вхождения их в науку. Преподаватели-энтузиасты, разрабатывая учебные курсы и программы, в том числе по литературе, подходили к процессу творчески. «Мы считаем, – заявлял учитель-словесник И.З. Гольденберг, – совершенно нетерпимым и глубоко ошибочным существование только одной программы по литературе для всех учеников и учителей страны. Единственная программа, даже составленная крупными специалистами, не может учесть всего многообразия вкусов и интересов школьников и преподавателей.

Было бы гораздо естественней (и нам кажется, что это требование самой жизни), если бы существовало несколько официально утвержденных программ и учитель имел бы право выбора»⁴.

Результаты исследования, проведенного социологами Сибирского отделения Академии наук СССР и Новосибирского университета, показали, что школа не только не оказывает влияния на формирование эстетических вкусов и потребностей учащихся, но и закрепляет стереотипное мышление и схематическое восприятие художественных произведений. Школьные программы по литературе не соответствуют современным задачам эстетического воспитания ни со стороны содержания, ни со стороны методики. Интерес у школьников возникает лишь тогда, когда они знакомятся с внепрограммными произведениями, связанными с проблемами современности⁵.

Составители программы в связи с этим отказались от жесткого следования традиционному историко-хронологическому принципу, так как, по их мнению, этот принцип не учитывает возрастные особенности учащихся, игнорирует условие от простого к сложному, ориентирует в основном на классику и не предусматривает органического включения в программу современных литературных фактов и явлений. Программа, сочетая два принципа – тематический и историко-хронологический, позволила связать школьный курс с теми произведениями, которые учащиеся читают дома, соединить классическую и современную литературу.

Программа 9 класса предлагает для изучения в первом полугодий произведения советских писателей, позволяющие «...рассмотреть характер советского чело-

³ Проекты новой программы // Литература в школе. 1965. № 2. С. 27–39.

⁴ Гольденберг И.З. О преподавании литературы в школе. С. 15.

⁵ Там же. С. 3.

века в историческом развитии, проследить изменение его психологии, расширение и совершенствование его духовного мира»⁶. Это повесть Б. Балтера «До свидания, мальчики», затрагивающая важнейшие проблемы жизни как личного, так и общественного плана. Дальнейшая судьба «мальчиков» прослеживается на примере произведений о Великой Отечественной войне: «Звезда», «Двое в степи», «При свете дня» Э. Казакевича, «Случай на станции Кречетовка» А. Солженицына и др. И здесь важно, по мнению составителей, показать суровую правду войны во всей сложности обстоятельств, в которые попадает молодой человек.

Рассказу А.И. Солженицына в программе дается следующая аннотация:

«А.И. Солженицын «Случай на станции Кречетовка» – 2 часа. Сходство героя рассказа Васи Зотова с героями Балтера и Казакевича; его моральная чистота, чувство долга, преданность Родине. Противоречия в характере Зотова как результат столкновения революционного романтизма с жизнью. В чем вина Зотова? В чем его трагедия?».

Изучая эти произведения, «учащиеся должны усвоить понятие о диалектике и противоречиях жизни, о сложности человека; перед ними выступит ряд ситуаций и конфликтов, настраивающих на спор, на дискуссию, не допускающих простого, однозначного решения.

В ходе дискуссий будут затронуты вопросы о классовости и человечности, о своеобразии различных этапов развития советского общества и человека, о нравственном долге и личном счастье, о любви и дружбе и множество других проблем, имеющих большое значение для коммунистического воспитания»⁷.

Необходимо сказать несколько слов о преподавателе литературы Новосибирского государственного университета и физико-математической школы-интерната, составителе программы Иосифе Захаровиче Гольденберге. По отзывам учеников и друзей, он прекрасный знаток русской и мировой поэзии, поэт. В феврале 1968 года вместе с 46 сотрудниками Новосибирского научного центра И.З. Гольденберг подписал письмо протеста против нарушений законности в ходе «процесса четырех» (один из самых громких политических процессов против «диссидентов» А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, А. Добровольского, В. Лашковой). Письмо было адресовано Верховному суду РСФСР и Генеральному прокурору СССР, а копии направлены Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР и Председателю Совета Министров СССР и в редакцию газеты «Комсомольская правда». Текст письма 23 марта был опубликован в «Нью-Йорк Таймс», а 27 марта передан по «Голосу Америки» с указанием подписавших его лиц, среди которых были известные ученые, люди с активной жизненной позицией. После письма И.З. Гольденберг был отстранен от преподавания, уволен, переехал в Подмоскowie, работал библиотекарем в академическом институте.

Общественно-педагогический подъем начала 60-х годов прошлого века, разбудивший творческую активность учителей-словесников, сопровождался

⁶ Гольденберг И.З. О преподавании литературы в школе. С. 20.

⁷ Там же С. 32.

многочисленными дискуссиями и привел к обновлению содержания школьного литературного образования.

Споры о преподавании словесности – единственного учебного предмета в смысле эмоционального воздействия на подрастающее поколение средствами искусства – ведутся то усиливаясь, то стихая со времени его появления в школе.

В середине 50-х годов XX века началась одна из самых острых и продолжительных дискуссий, в которой приняли участие ученые, педагоги, психологи, социологи, писатели, по проблемам целей и задач изучения словесности, методов достижения этих целей, содержания школьного курса и принципов его построения.

В ряде полемических статей⁸, опубликованных в «Литературной газете», отмечается, что одной из существенных причин недостатков преподавания литературы является отставание методики литературы от требований жизни. Осуждается вульгарный социологизм, когда на уроках литературы господствует примитивное толкование текста, подменяется глубокий анализ идейно-художественного содержания литературного произведения вульгарно-социологическими формулировками; формализм и схематизм, при котором вне зависимости от тематики, идейного содержания, жанра, неповторимого художественного своеобразия произведения применяются одни и те же раз и навсегда установленные приемы разбора; неумение рационально использовать время.

Практически весь первый номер специализированного журнала «Литература в школе» за 1956 год является откликом на упреки в отношении учителей-словесников. «Именно эти крупные недостатки в литературном развитии учащихся, – отмечено в передовой статье, – обращают на себя пристальное внимание советской общественности. С тревогой пишут об этом писатели, научные работники, библиотекари, учителя и родители учащихся – люди разных профессий, чьи статьи и высказывания публикуются в общей и педагогической печати»⁹.

Методист главного управления школ Министерства просвещения РСФСР М.А. Шильникова также указывает на серьезные недостатки в преподавании литературы. «Литературная газета» своевременно подняла вопрос. Но в «догматизме, формализме, начетничестве»; по ее мнению, виноваты сами учителя¹⁰. В публикации В. Гриценко сообщается о прошедшем совещании по вопросам преподавания литературы в средней школе, где также звучали претензии в адрес учителей (формально относятся к преподаванию, не учитывают возрастные особенности школьников, не повышают культурный уровень учеников и не заботятся о развитии речи, не прививают любовь к книге, плохо готовятся к урокам и т. д.), рассматривались вопросы подготовки к новому широкому совещанию с участием не только учителей и методистов, но и литературоведов, писателей и представителей литературной об-

⁸ См. напр.: Теплинский М. Шаблоны и творчество // Литературная газета. 1955. 2 авг. ; Войтинская О. Воспитание или дидактика? // Литературная газета. 1955. 29 нояб.

⁹ Поднять уровень методической работы // Литература в школе. 1956. № 1. С. 4.

¹⁰ Шильникова М.А. О некоторых серьезных недостатках преподавания литературы в школе // Литература в школе. 1956. № 1. С. 29–39.

щественности¹¹. О схематизме, о большом объеме литературы в старших классах, о несоответствии произведений возрастным особенностям школьников пишут и другие словесники¹².

Одновременно в ряде статей присутствует стремление защитить и школьного учителя, и школьную литературу, тем более что нередко в публицистике односторонне, с пренебрежением освещается учительский труд. «Почему бы не подумать, – с возмущением пишет заслуженная учительница, – о наших журналах мод, особенно о московском «Журнале мод» издательства «Гизлегпром», настойчиво рекламирующем обнаженные плечи и мужские костюмы типа «стиляги». Как это получилось, что непременным признаком изящества и хорошего тона у женщин стали накрашенные губы и подведенные глаза?»¹³.

Словесник В.В. Литвинов, соглашаясь с обвинениями в схоластике и казенщине, упрекает чиновников от образования: «Мне кажется, что в пороках преподавания литературы не так сильно повинны учебники, еще менее повинна школьная программа... Лица, контролирующие работу учителя, его уроки, сплошь и рядом придирчиво ставят учителя литературы в узко ограниченные рамки организационных и формальных требований методики. Директора школ, завучи, инспекторы, а иногда и методисты нередко оценивают уроки не по их подлинным достоинствам, не по творческому своеобразием их, а по мелким формальным признакам»¹⁴.

К середине 50-х годов XX века укрепилась тесная связь преподавания литературы в школе с партийной идеологией, находящей отражение в выступлениях на партийных съездах и пленумах, в их материалах, в постановлениях ЦК и т. д. Почти каждый номер журнала «Литература в школе» открывается передовой программной статьей, формулирующей очередные задачи в области преподавания литературы «в свете исторических решений очередного съезда».

Вот и XX съезд партии и последующие события ставят перед школьной литературой новые задачи: бороться с догматизмом и школярством, теснее связывать литературу с жизнью, оживить внеклассную работу¹⁵, преодолеть культ личности и его последствия¹⁶. Историк методики преподавания литературы Я.А. Роткович так пишет о том времени: «Исторические решения XX съезда КПСС, развенчание культа личности оказали колоссальное влияние на дальнейшее развитие науки и просвещения в нашей стране. Перед советской методикой

¹¹ Гриценко В. Совещание по вопросам преподавания литературы в средней школе // Литература в школе. 1956. № 1. С. 90–93.

¹² См. напр.: Каретникова М.С. К решению проблемы эстетического воспитания учащихся на уроках литературы // Литература в школе. 1956. № 1. С. 94–95; Кузнецова Р.М. Пятнадцатилетний человек изучает литературу // Литература в школе. 1956. № 1. С. 95–96.

¹³ Бугайко Т.Ф. Глазами учеников // Литература в школе. 1956. № 2. С. 26.

¹⁴ Литвинов В.В. Заметки учителя // Литература в школе. 1956. № 2. С. 43–45.

¹⁵ Преподавание литературы в школе на уровень новых задач // Литература в школе. 1956. № 2. С. 3–6.

¹⁶ До конца преодолеть последствия культа личности в преподавании литературы // Литература в школе. 1956. № 5. С. 3–8.

также встала настоящая задача – преодолеть последствия культа личности в преподавании литературы. Учительство с большим энтузиазмом откликнулось на этот призыв партии»¹⁷. Правда, спустя 10 лет, когда тема культа личности и преодоления его последствий в СССР уже была под запретом, профессор по-иному, без пафоса, описывает эти же самые процессы: «XX съезд КПСС оказал большое влияние на дальнейшее развитие науки и просвещения в нашей стране. Перед советской методикой встала настоящая задача – претворить в жизнь решения съезда...»¹⁸.

И как один практически все учителя, даже те, кто до этого в своих публикациях насаждал схематизм, переориентировались. «XX съезд партии, – пишет московский словесник С.А. Гуревич, – поставил перед школой задачи трудового воспитания и подготовки учащихся к работе на производстве. Теперь, разбирая произведения Радищева, Пушкина, Льва Толстого, Некрасова, Глеба Успенского, Короленко, Чехова, мы подробнее и внимательнее, чем раньше, подчеркнем трудолюбие народа, красоту труда»¹⁹. «Основная задача, поставленная XX съездом партии перед школой, – вторит Шильникова, – усиление связи обучения и воспитания с жизнью, выдвинула перед учителями-словесниками вопрос о необходимости критического пересмотра сложившихся за последние годы методов преподавания литературы. Отрыв от жизни сказывался прежде всего в том, что получаемое в школе образование нередко даже под руководством опытных педагогов носило книжный характер, далекий от живых вопросов современности»²⁰. «Зрелые методисты (такие, как М.А. Шильникова), – с иронией отмечает Е. Пономарев, – быстро перестроились и, не поведя бровью, стали учить учителей не партийности литературы и не типичности эпохи, а преодолению догматизма и формализма в преподавании – с такими же установочно-авторитетными интонациями, какие были у них и в 1952 году»²¹.

Бурный отклик среди методистов и учителей вызвало и выступление Н.С. Хрущёва «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». В многочисленных статьях подчеркивается исключительно важное значение этого директивного партийного документа для преподавания литературы в школе, анализируются его основные положения, ставится вопрос о необходимости серьезного повышения качества преподавания литературы²².

¹⁷ Роткович Я.А. Очерки по истории преподавания литературы в советской школе : пособие для учителей. М. : Просвещение, 1965. С. 74.

¹⁸ Роткович Я.А. История преподавания литературы в советской школе : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1976. С. 81.

¹⁹ Гуревич С.А. О всесторонней подготовке словесника // Литература в школе. 1956. № 3. С. 4.

²⁰ Шильникова М.А. Ближайшие задачи преподавания литературы // Литература в школе. 1957. № 1. С. 3.

²¹ Пономарев Е.Р. Методика оттепели // Нева. 2010. № 11. URL : <http://magazines.russ.ru/neva/2010/11/po10.html>

²² См. напр.: За партийность в преподавании литературы // Литература в школе. 1957. № 6. С. 3–7 ; Бражник Н.И., Гуревич С.А., Бельский Г.И. Отклики на статью Н.С. Хрущёва «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» // Литература в школе. 1957. № 6. С. 39–46 ; К.Л. В Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР // Литература в школе. 1957. № 6. С. 90–92.

«Быстрый неуклонный рост советского общества» потребовал совершенствования всей системы литературного образования, и в первую очередь школьных программ. В 1957 году редакция журнала «Литература в школе» начинает публикацию материалов по коренным вопросам содержания обучения в школе и предлагает читателям и педагогическим коллективам высказаться. Дискуссию открывает публикация доклада методиста Н.И. Кудряшева «Об основных принципах построения курса литературы в средней школе»²³. Изменение содержания школьного литературного образования, указывает Н.И. Кудряшев, обуславливают следующие обстоятельства: введение общего десятилетнего обучения; политехнизация школы, приведшая к сокращению часов на литературу и язык в старших классах; снижение возраста учащихся на один год. Недостатки в преподавании литературы, справедливая неудовлетворенность учителей и общественности состоянием литературного образования требуют обсуждения следующих вопросов содержания и построения курса литературы:

- 1) цель литературного образования в средней школе;
- 2) содержание литературного образования и в соответствии с этим содержание литературы как предмета преподавания в школе;
- 3) принципы отбора материала для курса литературы, включая вопрос о круге чтения учащихся;
- 4) принципы построения курса литературы.

Дискуссия, организованная журналом «Литература в школе» по проблеме содержания и структуры курса литературы в 1957–1959 годах, была достаточно активной²⁴. На страницах журнала выступило более 70 человек. Были опубликованы мнения участников, проекты программ. Предложенные проекты программ для восьмилетней и средней школы подверглись многочисленным обсуждениям в Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР, Институте мировой литературы имени М. Горького, Ленинградском научно-исследовательском институте Академии педагогических наук РСФСР, на городском научно-методическом семинаре преподавателей литературы в городе Куйбышеве и т. д., итоги которых оперативно публиковались в журнале «Литература в школе».

В 1958 году в журнале «Вопросы литературы», органе Союза писателей СССР и Института мировой литературы имени Горького, опубликована в поряд-

²³ Об основных принципах построения курса литературы в средней школе (краткое изложение доклада Н.И. Кудряшева, прочитанного в Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР 12 февраля 1957 года) // Литература в школе. 1957. № 2. С. 52–59.

²⁴ См. напр.: Грищенко В.Н. Обсуждение программы по литературе в Институте методов обучения АПН // Литература в школе. 1957. № 3. С. 59–65; Заметки о программе по литературе // Литература в школе. 1957. № 3. С. 66–71; Романовский А.П. Некоторые вопросы изучения русского языка и литературы в политехнической школе // Литература в школе. 1957. № 3. С. 72–76; Снежневская М.А. О курсе литературы VIII класса // Литература в школе. 1957. № 3. С. 76–80; Бессонов Л.П. О школьных программах по литературе // Литература в школе. 1957. № 3. С. 81–83; Бражник Н.И. Несколько замечаний по программе по литературе // Литература в школе. 1957. № 3. С. 84; Голубков В.В., Воробьев П.Г., Колокольцев Н.В. Об усовершенствовании программ по литературному чтению и литературе в средней школе // Литература в школе. 1957. № 4. С. 63–67; Никренц М. О программах по литературе // Литература в школе. 1957. № 4. С. 67–69.

ке обсуждения статья Г. Бровмана «Назревший вопрос»²⁵, в которой автор делится мыслями о преподавании литературы в школе, осуждает сложившуюся систему анализа художественного произведения и его образов, которая разрушает непосредственное живое впечатление от чтения произведения. Редакция журнала предложила обсудить статью литературоведам, писателям, учителям литературы²⁶.

Следующая волна упреков в адрес методистов, программ и учебников по литературе в формализме, рассудочности, трафарете, шаблоне, схематизме, отсутствии эмоциональности приходится на лето – осень 1960 года. Теперь уже не только в специализированных (педагогических и филологических) периодических изданиях, но и в газетах²⁷.

В центре очередной дискуссии, развернувшейся в конце 1962 года, стал вопрос о задачах преподавания литературы в школе. Начало полемике дала статья «Если не любить...» учителя-словесника из Сибири С.П. Титова (отца космонавта Германа Титова), опубликованная в «Литературной газете»²⁸, выступившего против перегрузки программы, обилия материалов «запоминающего» характера, сухих схоластических знаний. Вопрос «Для чего мы преподаем литературу?», волнующий сельского учителя, нашел отклик в публикациях ученых, писателей, учителей.

Уже 17 ноября словесник Л. Рыбак²⁹ выступил в поддержку требования развивать индивидуальность ученика, его художественное образное мышление. Педагог и писатель Н. Долинина (дочь литературоведа Г.А. Гуковского) высказалась против исторического принципа в изучении литературы. Она предложила изменить программу с учетом возраста школьника и ограничить количество изучаемых авторов: «Пусть каждый год ребята изучают творчество четырех-пяти (не более, а может, и меньше) писателей... И каждый год современные книги, современные стихи, современные пьесы. И каждый год – нравственные проблемы современного дня»³⁰. О схематизме анализа писал и К. Чуковский. Школьники должны размышлять над художественными произведениями, понимать и любить литературу, сопереживать, а не просто пересказывать чужие мысли³¹.

²⁵ Бровман Г. Назревший вопрос // Вопросы литературы. 1958. № 9. С. 182–193.

²⁶ См. отклики на статью: Нестурх Я.Г. Методику преподавания литературы на уровень высших требований времени // Литература в школе. 1959. № 1. С. 67–69; Бражник Н. Несколько возражений // Вопросы литературы. № 2. 1959. С. 90–92; Платонов И. О научности преподавания литературы // Вопросы литературы. 1959. № 3. С. 67–69.

²⁷ Рубайло А. Школа чувств и мыслей // Известия. 1960. 15 мая; Кленницкая И. Путь к уму и сердцу // Известия. 1960. 30 мая; Турбин В. Не сколько, а зачем // Известия. 1960. 8 июня; Преподавание литературы – творчество. Речь А.Т. Твардовского на Всероссийском съезде учителей // Литературная газета. 1960. 9 июня; Ковалёва Л. Шаблоны всегда впереди прогресса // Учительская газета. 1960. 13 сент.; Сарнов Б. Равносильно утрате счастья // Литературная газета. 1960. 1 окт.

²⁸ Титов С.П. Если не любить... // Литературная газета. 1962. 20 окт.

²⁹ Рыбак Л. Баба-Яга и урок словесности // Литературная газета. 1962. 17 нояб.

³⁰ Долинина Н. А какова цель? // Литературная газета. 1962. 22 нояб.

³¹ Чуковский К. Еще о Бабе-Яге // Литературная газета. 1962. 8 дек.

О необходимости дифференцировать обучение, в том числе и по литературе, размышляет вице-президент Академии педагогических наук РСФСР Н. Гончаров. По его мнению, в серьезных изменениях нуждается и содержание программы по литературе: «Отдавая должное классическим произведениям, непреходящим культурным ценностям, мы должны вместе с тем воспитывать нашу молодежь в большей мере на книгах современных авторов. Нельзя забывать, что интересы и запросы нынешних подростков исторически и социально обусловлены»³².

Об отказе от учебника в его традиционном виде, ограничивающего творчество учащегося, с возмущением пишет Л. Ковалева. «Многое изменилось в жизни: оценки, трактовка произведений, требования к искусству. Изменилась позиция журналов, характер газетных статей. Изменилась моральная атмосфера во всех областях жизни! И только школьный учебник литературы тот же»³³.

О перегибах в современных дискуссиях о преподавании литературы пишет учитель литературы и русского языка, писатель, публицист Л. Кабо. Несмотря на имеющиеся недостатки, нельзя отказываться, по его мнению, от исторического принципа, как предлагают некоторые в пылу полемики. Среди предложений Л. Кабо и пересмотр школьных программ: «Нужно существенно изменить школьные учебные программы, не в том смысле изменить, в каком до сих пор применяли: такого-то писателя, дескать, отныне считать в русской литературе не существовавшим... просто на программе надо раз и навсегда написать: программа примерная. Хочет учитель отступить от нее – пожалуйста. Лишь бы остался в кругу ведущих проблем того времени, о котором идет речь, лишь бы творчество писателя, о котором он говорит, сверкало перед учащимися важнейшими своими гранями»³⁴.

Однако проблема не только в том, что мы преподаем, важна и роль учителя. Талантливый учитель обойдет программу, не отошлет ребят к плохому учебнику и не будет читать казенных методик. Такому учителю будет под силу самая современная литература, «...этот прибор современной литературы, бьющийся у наших ног: Вера Панова и Виктор Некрасов, Илья Эренбург и Константин Симонов, и знаменитые главы последней поэмы Твардовского, и повесть *Солженицына* (курсив мой. – Ю.Л.), и бондаревская «Тишина»...»³⁵.

С призывом к советским писателям повернуться лицом к учителям и школе, обсудить проблемы преподавания литературы на пленуме правления Союза писателей СССР обращается в открытом письме группа заслуженных учителей РСФСР³⁶. Писатели должны идти в аудитории педагогических институтов, создавать для школьников специальную книгу для чтения, высказывать свое компе-

³² Гончаров Н. Не просмотреть бы Ломоносовых // Литературная газета. 1962. 11 дек.

³³ Ковалева Л. Нужен ли учебник? // Литературная газета. 1962. 29 нояб.

³⁴ Кабо Л. Вдохновение или выучка // Литературная газета. 1962. 20 дек.

³⁵ Там же.

³⁶ Топоров А.М., Титов С.П., Брусникина Р.Д., Гуревич С.А., Панфилова Т.С., Рукавишников Т.А., Костяшкин Э.Г. Открытое письмо правлению Союза писателей СССР // Литературная газета. 1962. 1 дек.

тентное мнение о месте современной литературы в школьном курсе, участвовать в создании современных учебников.

Заканчивает дискуссию статья С.П. Титова «Учитель, ученик, учебник...»³⁷. Острые и бурные споры, развернувшиеся на страницах журналов, в школах, кабинетах писателей и ученых, не пройдут бесследно. Истина в полемике, конечно, не была найдена. Но участники едины в одном: школьное преподавание литературы нуждается в перестройке: следует бороться с вульгаризаторским толкованием художественных произведений, казенщиной и схематизмом, с отсутствием творческой атмосферы на уроке литературы, скованностью педагогов-словесников, ограниченностью школьных программ и учебников.

Показательно, что словесники и методисты в откликах на дискуссию, частично признавая справедливость высказанных в их адрес упреков, нередко встают на охранительные позиции по отношению к традиционной методике³⁸. Отмечая, что многие авторы статей в «Литературной газете» негативно оценивают постановку преподавания литературы в нынешней советской школе, они в свою очередь обрушиваются с критикой и на критиков: «Преобладает броская сенсационность и безапелляционность, чувствуется явное сгущение красок, когда речь заходит о недостатках преподавания литературы, и удивительная робость, когда речь заходит о причинах этих недостатков, что происходит зачастую от неглубокого знания предмета спора»³⁹.

В ходе дискуссии конца 50-х – начала 60-х годов высказывались разные, нередко прямо противоположные точки зрения, но в оценке общего состояния преподавания литературы в школе все были единодушны – оно никого не удовлетворяет. Критикуется школьная программа за традиционный подход и плохой учет достижений культурной жизни последних лет (практически нет произведений писателей-современников, наиболее близких подрастающему поколению), вульгаризаторский подход к литературе, сверхдетальный анализ текста, его препарирование, казенщина. При этом преодоление этих негативных явлений чаще всего связывают с борьбой против последствий культа личности в области общественных наук, литературоведения, педагогики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонов, Л.П. О школьных программах по литературе [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 3. – С. 81–83.
2. Благой, Д. Готовить читателя... и только? [Текст] / Д. Благой, Л. Тимофеев, В. Голубков // Литературная газета. – 1963. – 15 янв.
3. Бражник, Н. Несколько возражений [Текст] // Вопросы литературы. – № 2. – 1959. – С. 90–92.

³⁷ Титов С.П. Учитель, ученик, учебник... // Литературная газета. 1963. 16 февр.

³⁸ Благой Д., Тимофеев Л., Голубков В. Готовить читателя... и только? // Литературная газета. 1963. 15 янв.

³⁹ Ю.З. и С.Ш. Обсуждение дискуссионных материалов «Литературной газеты» (о преподавании литературы в школе) // Литература в школе. 1963. № 2. С. 89.

4. Бражник, Н.И. Отклики на статью Н.С. Хрущёва «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» [Текст] / Н.И. Бражник, С.А. Гуревич, Г.И. Беленький // Литература в школе. – 1957. – № 6. – С. 39–46.
5. Бражник, Н.И. Несколько замечаний по программе по литературе [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 3. – С. 84.
6. Бровман, Г. Назревший вопрос [Текст] // Вопросы литературы. – 1958. – № 9. – С. 182–193.
7. Бугайко Т.Ф. Глазами учеников [Текст] // Литература в школе. – 1956. – № 2. – С. 22–27.
8. Войтинская, О. Воспитание или дидактика? [Текст] // Литературная газета. – 1955. – 29 нояб.
9. Голубков, В.В. Об усовершенствовании программ по литературному чтению и литературе в средней школе [Текст] / В.В. Голубков, П.Г. Воробьев, Н.В. Колокольцев // Литература в школе. – 1957. – № 4. – С. 63–67.
10. Гольденберг, И.З. О преподавании литературы в школе [Текст]. – Новосибирск, 1966. – 54 с.
11. Гончаров, Н. Не просмотреть бы Ломоносовых [Текст] // Литературная газета. – 1962. – 11 дек.
12. Грищенко, В. Сопровождение по вопросам преподавания литературы в средней школе [Текст] // Литература в школе. – 1956. – № 1. – С. 90–93.
13. Грищенко, В.Н. Обсуждение программы по литературе в Институте методов обучения АПН [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 3. – С. 59–65.
14. Гуревич, С.А. О всесторонней подготовке словесника [Текст] // Литература в школе. – 1956. – № 3. – С. 3–11.
15. До конца преодолеть последствия культа личности в преподавании литературы [Текст] // Литература в школе. – 1956. – № 5. – С. 3–8.
16. Долинина, Н. А какова цель? [Текст] // Литературная газета. – 1962. – 22 нояб.
17. За партийность в преподавании литературы [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 6. – С. 3–7.
18. Заметки о программе по литературе [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 3. – С. 66–71.
19. К.Л. В Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 6. – С. 90–92.
20. Кабо, Л. Вдохновение или выучка [Текст] // Литературная газета. – 1962. – 20 дек.
21. Каретников, М.С. К решению проблемы эстетического воспитания учащихся на уроках литературы [Текст] // Литература в школе. – 1956. – № 1. – С. 94–95.
22. Кленицкая, И. Путь к уму и сердцу [Текст] // Известия. – 1960. – 30 мая.
23. Ковалева, Л. Нужен ли учебник? [Текст] // Литературная газета. – 1962. – 29 нояб.
24. Ковалева, Л. Шаблоны всегда впереди прогресса [Текст] // Учительская газета. – 1960. – 13 сент.
25. Кузнецова, Р.М. Пятнадцатилетний человек изучает литературу [Текст] // Литература в школе. – 1956. – № 1. – С. 95–96.
26. Лазарев, Ю.В. Изучение А.И. Солженицына в школе в контексте проблем современного литературного образования (по материалам полемики в СМИ) [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2011. – № 3/32. – С. 35–48.
27. Литвинов, В.В. Заметки учителя [Текст] // Литература в школе. – 1956. – № 2. – С. 43–45.

28. Нестурх, Я.Г. Методику преподавания литературы на уровень высоких требований времени [Текст] // Литература в школе. – 1959. – № 1. – С. 67–69.
29. Никрен, М. О программах по литературе [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 4. – С. 67–69.
30. Об основных принципах построения курса литературы в средней школе (краткое изложение доклада Н.И. Кудряшева, прочитанного в Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР 12 февраля 1957 года) [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 2. – С. 52–59.
31. Платонов, И. О научности преподавания литературы [Текст] // Вопросы литературы. – 1959. – № 3. – С. 67–69.
32. Поднять уровень методической работы [Текст] // Литература в школе. – 1956. – № 1. – С. 3–8.
33. Пономарев, Е.Р. Методика отстпели [Электронный ресурс] // Нева. – 2010. – № 11. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/neva/2010/11/po10.html> (дата обращения: 25.05.2013)
34. Преподавание литературы в школе на уровень новых задач [Текст] // Литература в школе. – 1956. – № 2. – С. 3–6.
35. Преподавание литературы – творчество. Речь А.Т. Твардовского на Всероссийском съезде учителей [Текст] // Литературная газета. – 1960. – 9 июня.
36. Проекты новой программы [Текст] // Литература в школе. – 1965. – № 2. – С. 27–39.
37. Романовский, А.П. Некоторые вопросы изучения русского языка и литературы в политехнической школе [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 3. – С. 72–76.
38. Роткович, Я.А. История преподавания литературы в советской школе [Текст] : учеб. пособие. – М. : Просвещение, 1976. – 336 с.
39. Роткович, Я.А. Очерки по истории преподавания литературы в советской школе [Текст] : пособие для учителей. – М. : Просвещение, 1965. – 361 с.
40. Рубайло, А. Школа чувств и мыслей [Текст] // Известия. – 1960. – 15 мая.
41. Рыбак, Л. Баба-яга и урок словесности [Текст] // Литературная газета. – 1962. – 17 нояб.
42. Сарнов, Б. Равносильно утрате счастья [Текст] // Литературная газета. – 1960. – 1 окт.
43. Снежневская, М.А. О курсе литературы VIII класса [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 3. – С. 76–80.
44. Теплинский, М. Шаблоны и творчество [Текст] // Литературная газета. – 1955. – 2 авг.
45. Титов, С.П. Если не любить... [Текст] // Литературная газета. – 1962. – 20 окт.
46. Титов, С.П. Учитель, ученик, учебник... [Текст] // Литературная газета. – 1963. – 16 февр.
47. Топоров, А.М. Открытое письмо правлению Союза писателей СССР [Текст] / А.М. Топоров, С.П. Титов, Р.Д. Брусникина, С.А. Гуревич, Т.С. Панфилова, Т.А. Рукавишникова, Э.Г. Костяшкин // Литературная газета. – 1962. – 1 дек.
48. Турбин, В. Не сколько, а зачем [Текст] // Известия. – 1960. – 8 июня.
49. Чуковский, К. Еще о Бабе-яге [Текст] // Литературная газета. – 1962. – 8 дек.
50. Шильникова, М.А. Ближайшие задачи преподавания литературы [Текст] // Литература в школе. – 1957. – № 1. – С. 3–10.
51. Шильникова, М.А. О некоторых серьезных недостатках преподавания литературы в школе [Текст] // Литература в школе. – 1956. – № 1. – С. 29–39.

52. Ю.З., С.Ш. Обсуждение дискуссионных материалов «Литературной газеты» (о преподавании литературы в школе) [Текст] // Литература в школе. – 1963. – № 2. – С 89–92.

Yu.V. Lazarev

THE REFLECTION OF KHRUSHCHEV'S THAW IN LITERATURE. STUDYING A.I. SOLZHENITSYN AT SCHOOL.

The author of the article maintains that in the 1960s A.I.Solzhenitsyn's works were already treated as a part of the school curriculum. The author characterizes educational policy of the period, focusing on the methodology of teaching literature. The article analyzes literary discussions published by magazines, literary journals and newspapers of the period. The author treats some new material which allows one to get new data on teaching literature at schools.

Solzhenitsyn A.I., history of literary education, pedagogical publicistic articles.

УДК 37.034

Ю.А. Климущина

«ВЕКТОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУДЬБЫ...» (ИЗУЧЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ АСПЕКТОВ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ШКОЛЕ)

В статье анализируются духовно-нравственные аспекты жизни и творчества А.И. Солженицына, осмысление которых дает ключ к глубокому, сущностному их пониманию. Рассмотрены возможности использования фактов биографии и произведений писателя как на уроках литературы в старших классах, так и в рамках занятий школьного курса «Основы православной культуры». Особое внимание уделяется характеристике «узловых точек» духовных исканий автора на основе произведений разных жанров (рассказы «Пасхальный крестный ход», «Матрёнин двор», пьеса «Свеча на ветру (свет, который в тебе)», лирическая миниатюра «Молитва»).

духовный смысл творчества, вера, житийные традиции, смысл человеческой жизни, духовная автобиография, Солженицын А.И., «Пасхальный крестный ход», «Матрёнин двор», «Свет, который в тебе», лирическая миниатюра «Молитва».

Изучение духовного смысла жизни и творчества А.И. Солженицына в школе представляется чрезвычайно важным, поскольку дает ключ к сущностному, глубокому пониманию произведений автора, позволяет проследить эволюцию его мировоззрения. По сути своей все созданное писателем направлено

на раскрытие внутреннего мира личности, в котором происходит осмысление важнейших вопросов бытия, законов совести и справедливости, добра и зла, поиск смысла человеческой жизни.

Жизнь и творчество А.И. Солженицына служат прекрасным материалом, помогающим в процессе его изучения формировать духовно-нравственные ценности у подрастающего поколения. Это «доныне актуальный материал для политического, эстетического и нравственного диалога»¹.

Биографию А.И. Солженицына, одновременно и типичную для его поколения, и особую, представляющую исключение из правил, отличают крутые повороты судьбы и события, поражающие особым высоким смыслом. Обыкновенный советский школьник, студент, комсомолец, участник Великой Отечественной войны, отмеченный за боевые заслуги правительственными наградами, узник ГУЛАГа, учитель физики и математики в средней школе, человек, вышедший победителем в борьбе со страшной болезнью – раком, и с тех пор уверовавший в то, что, пока он пишет, ему свыше дарована жизнь. Художник, создавший собственную концепцию истории России XX века и воплотивший ее в творчестве. Эмигрант поневоле, высланный из родной страны и никогда не признававший добровольной эмиграции. Известный всему миру писатель, лауреат Нобелевской премии, страстный публицист, слово которого будоражит, заставляет спорить, искать ответы на самые трудные вопросы времени.

Жизненным кредо писателя по праву можно считать знаменитые слова Л.Н. Толстого: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, начинать и бросать... а спокойствие – душевная подлость». По воспоминаниям первой жены Солженицына Н.А. Решетовской, в молодости они любили роман английского писателя XX века О. Хаксли «Контрапункт», идеи которого так или иначе оказали влияние на мировоззрение Александра Исаевича: «Солженицына в свое время поразила мысль о том, что все случающееся с человеком неизбежно похоже на него самого. Он стал проверять это на своей жизни и поразился меткости замечания. Многие «случайности», если разобраться, – всегда плод, отпечаток природы человека, с которым эти случайности происходят»². Пережив лагерный опыт и преодолев онкозаболевание, писатель придет к убеждению, что вся его жизнь имеет вектор, направляется Всевышним.

«Узловые точки» духовных исканий Солженицына проходят через религиозное воспитание в семье, отвержение Бога и новое обретение Его. Уже в младших классах высмеивался за ношение крестильного крестика и нежелание вступать в пионеры, получал выговор за посещение церкви³. Под влиянием школы принял коммунистическую идеологию, вступил в комсомол. Будучи заключенным, разочаровался в марксизме, со временем поверил в Бога и стал сторонником православно-патриотических идей (полное отрицание коммунистиче-

¹ Сафронов А.В. Комическое в книге о народной трагедии (пародийная глава в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына) // Вестник Рязанского государственного университета. 2012. № 1/34. Стр. 126.

² Решетовская Н.А. В споре со временем. М. : Изд-во Агентства печати «Новости», 1975. С. 6.

³ Сараскина Л.И. Александр Солженицын. 2-е изд. М. : Молодая гвардия, 2009. С. 105.

ской идеологии, роспуск СССР, создание славянского государства на территории России, Белоруссии и части Украины, установление в новом государстве авторитарного строя с постепенным переходом к демократии, уделение особого внимания духовно-нравственному развитию народа, приоритету духовного начала над материальным).

Рассмотрим некоторые солженицынские произведения с точки зрения целесообразности их изучения в школе. О человеческом сердце, о нравственном выборе, о вере и безверии размышляет писатель в рассказе «Пасхальный крестный ход». Рассказ написан 10 апреля 1966 года, в первый день праздника Пасхи. В основе произведения впечатления автора от посещения пасхальной службы. Уже в начале рассказа обозначен резкий контраст между высоким предназначением Пасхального крестного хода «на земли... чистым сердцем» Бога славить и циничным поведением глумящейся над самым главным православным праздником толпы.

«Топталовку при танцплощадке» напоминают автору эти развязные «девки в цветных платочках и спортивных брюках» и парни, «все почти в кепках, шапках... каждый четвёртый выпимши, каждый десятый пьян, каждый второй курит...». С болью Солженицын говорит о том, что среди так называемых верующих людей была утрачена внутренняя суть праздника, осталось внешнее соблюдение обрядов. Людей захватило чувство страха: «Растеснённые к ограде кладбища и к церковным стенам, верующие не то чтоб там возражать, а озираются, как бы их ещё не пырнули, как бы с рук не потребовали часы, по которым сверяются последние минуты до воскресения Христова». «Ударяет колокол над головой крупными ударами – но подменный: жестяные какие-то удары вместо полнозвучных глубоких».

В рассказе показан и «подлинный крестный ход» людей с истинной верой, не зависящей от внешних обстоятельств. «Женщины пожилые, с твёрдыми отрешенными лицами, готовые и на смерть, если спустят на них тигров». Среди них и ровесницы тех, которые столпились с парнями, «но как очищены их лица, сколько светлости в них».

В «Матрёнином дворе» (1963) в художественной форме раскрывается одухотворяющая весь рассказ библейская мысль о праведнике. Анализируя это произведение, можно уделить внимание традициям жанра жития, которые проявляются в рассказе на уровне подтекста, обнаружить переключки и пересечения с агиографическим жанром.

О житийных и тяготеющих к ним персонажах можно сказать: «Живут не для радости, а для совести». Они совершают не те поступки, которые приносят выгоду, а те, которые диктует им внутреннее ощущение правды. Так, Матрёна совершенно *не видит* и никогда не задумывается о том, что и соседи, и близкие просто используют ее в своих интересах. Зовут помочь – значит надо помогать. «И Матрёна не могла отказать. Она покидала свой черед дел, шла помогать соседке...», «Тем более без Матрёны не обходилась ни одна пахота огорода». А вот самой Матрёне помощи ждать было не от кого: «родные ей помогали мало».

Точно так же, как и святые, она бескорыстно помогала людям. «Не берет она денег», – говорили про нее. Нестяжание – еще одна важная характеристика

праведного человека. «От трудов праведных не наживешь палат каменных», — гласит русская пословица. Так, в житии блаженной Ксении Петербургской говорится о том, что все свое имущество она раздала бедным, а сама ходила в лохмотьях. И Матрёна «не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни». Голова ее была обвязана «старческим слинявшим платочком».

В соответствии с русской агиографической традицией героини житий, подражая Христу, покорно принимают страдания и унижения, которые, как правило, сами на себя навлекают своим безрассудным, с точки зрения рационального человека, поведением. Мотив отверженности святого миром, который звучит в житиях Андрея Константинопольского и Прокопия Устюжского, находим и в отношении к Матрёне окружающих.

Герой жития встречается на своем жизненном пути множество испытаний. При этом не озлобляется, а смиряется. То же можно сказать и о Матрёне. «Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам, золовкам...». Автор подчеркивает деталь: лучезарная, добрая улыбка героини, которая была дороже хлеба насущного. Здесь можно усмотреть точки соприкосновения с житием княгини Анны Кашинской, потерявшей мужа и сыновей, но не утратившей смирения, веры и любви к ближнему.

В житиях многих святых (Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Дивеевских блаженных, преподобного Герасима) дается описание особых взаимоотношений святого и животных. Последние становились ручными и служили святым. Убить даже насекомое считалось грехом. Так, старец Силуан, нечаянно убивший муху, три дня переживал и плакал. И в рассказе «Матрёнин двор» нельзя не обратить внимания на то, что полноправными жильцами Матрёниной избы становятся тараканы и мыши. Повествователь пишет, что свыкся с их шуршанием, «ибо в нем не было ничего злого, в нем не было лжи».

Чрезвычайно любопытным представляется и следующее обстоятельство — выбор имени для своей героини. Известно, что прототипом образа послужила Матрёна Васильевна Захарова, у которой Солженицын квартировал. Но здесь важно и другое: современницами писателя были женщины, получившие признание и любовь народа и уже при жизни ставшие святыми (впоследствии их канонизировали). Это праведная блаженная Матрона Московская (Никонова), блаженная Матрона Анемнясевская (Белякова), Христа ради юродивая и др.

Именно авторская позиция, его отношение к судьбе Матрёны превращают жизнь этой женщины в житие (или в некое его подобие). Именно он, напоминая, что не стоит село без праведника, утверждает в качестве такового Матрёну — человека, «у которого грехов было меньше, чем у ее колченогой кошки».

В пьесе «Свеча на ветру (свет, который в тебе)», написанной в 1960 году, отчетливо прослеживается следующая мысль: смысл человеческой жизни определяется ее направлением или, по выражению автора, *вектором*, что и выражает в конечном итоге свободу или несвободу личности. По-настоящему свободны те солженицынские герои, для которых приоритетны духовные, а не материальные ценности. Это Алекс Коризэл, Альда, тетя Христина, Тербольт. В диалоге-споре

героев раскрывается понимание главного, настоящего вектора человеческой судьбы – служение людям, развитие и совершенствование в самом себе духовно-нравственного начала.

Ф и л и п п. Да все материальные богатства, созданные человечеством, не через науку ли созданы?

А л е к с. И это не ответ. А зачем нам богатство? Богатство улучшает разве человека? Я не замечал.

Ф и л и п п. ...все блага материальные на нашей планете, вся цивилизация, вся культура – всё создано наукой, всё!! О чём тут спорить?

А л е к с. О том, что, хвастаясь, как много благ теперь совокупно добываем мы, не упоминают – а чего нам это добывание стоит? Ответ будет ужасен: весь человеческий интеллект до конца уходит на добывание благ! Все духовные силы наши – до исчерпа! Вру, ещё остаётся часть, чтобы давить друг друга».

«Жить по совести» (позже Солженицын определит свое человеческое и писательское кредо как «жить не по лжи») – вот, по убеждению автора, подлинный жизненный принцип. Именно им и руководствуется Алекс Кориэл, для которого сохранение человеком своего нравственного внутреннего мира становится смыслом жизни. Необходимо «...помочь донести эстафетку. Колеблемую свечечку нашей души», передать её двадцать первому веку. Не физическая гибель, по убеждению автора, является самым страшным, что может случиться с человеком, а духовная, связанная с потерей совести.

В рамках школьного курса «Основы православной культуры» в средних и старших классах можно изучать солженицынскую лирическую миниатюру «Молитва» (1963) в контексте традиций святоотеческой литературы. Используя элементы церковной молитвы, А.И. Солженицын наполняет свое творение автобиографическим содержанием. Солженицынская «Молитва» представляет собой благодарение Бога за возможность «легко жить» и «легко верить», осознавая во всем Мудрость и Любовь Всевышнего, Промысел Божий о человеке.

По сути «Молитва» – это духовная автобиография, где писатель соединяет три временных пласта: прошлое, настоящее и будущее, причем настоящее анализируется сквозь призму прошлого и будущего. «Когда расступается в недоумении или сникает ум мой...» – «На хребте славы земной я с удивлением оглядываюсь на тот путь через безнадежность – сюда...» – «И сколько надо будет...», «А сколько не успею...». Основой подлинной молитвы святоотеческая мудрость называет смирение. Творение А.И. Солженицына пронизано этим чувством, являющимся одной из важнейших христианских добродетелей. Смирение выражается в принятии писателем своей жизни такой, какой она является, то есть посланной Богом, в осмыслении Божественной Любви, помогающей человеку и направляющей его: «...Ты позаботишься, чтобы не все пути добра были закрыты». Смиренное чувство помогает А.И. Солженицыну уповать на Бога, укреплять свою веру в торжество справедливости.

Просьба к Творцу об исполнении просимого связана не с земными благами (здоровье, долголетие, счастье, облегчение жизненного пути), а с Творчеством в высоком, духовном его понимании. Оно воспринимается как дар Божий,

как отражение Божественной Истины. «Отблеском лучей Твоих», то есть Божиих, называет автор свои произведения – все то, что смог через нечеловеческие испытания донести до читателя.

Таким образом, изучение духовно-нравственных аспектов жизни и творчества А.И. Солженицына в школе представляется чрезвычайно важным, поскольку являет собой для подрастающего поколения образец глубоких раздумий о высоком призвании человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лопухина-Родзянко, Т.А. Духовные основы творчества А.И. Солженицына [Текст]. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1974. – 180 с.
2. Решетовская, Н.А. В споре со временем [Текст]. – М. : Изд-во Агентства печати «Новости», 1975. – 207 с.
3. Сараскина, Л.И. Александр Солженицын [Текст]. – 2-е изд. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 935 с. : ил. – (ЖЗЛ: Биография продолжается: сер. биогр.; вып.15).
4. Сафронов, А.В. Комическое в книге о народной трагедии (пародийная глава в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына) // Вестник Рязанского государственного университета. – 2012. – № 1/34. – С. 120–126.
5. Солженицын, А.И. Рассказы и крохотки [Текст] : Собр. соч. в 30 т. : М. : ВРЕМЯ, 2006. – Т. 1. – 164 с.
6. Солженицын, А.И. Пьесы и киносценарии [Текст]. – Paris : YMCA-PRESS, 1981. – 590 с.

Yu.A. Klimushina

« A VECTOR OF HUMAN FATE...» TEACHING MORAL AND SPIRITUAL ASPECTS OF A.I. SOLZHENITSYN'S LIFE AND WORK AT SCHOOL

The paper focuses on spiritual and moral aspects of A.I. Solzhenitsyn's life and work. The author maintains that A.I. Solzhenitsyn's biography as well as his literary works should be studied by high school students in the course of Literary Studies and in the course of the Fundamentals of Orthodox Culture. The author maintains that A.I. Solzhenitsyn's biography, though in many aspects similar to those of his contemporaries, is a unique phenomenon. The author analyzes A.I. Solzhenitsyn's works of different genres: stories («The Easter Procession», «Matryona's House»), plays («The Light Which is in Thee»), lyric miniatures («Prayer» (1963)). The author analyzes the works through the prism of eternal issues. For instance, «The Easter Procession» deals with moral choices, «Matryona's House» dwells on true piety, «The Light Which is in Thee» focuses on the meaning of life. As for Solzhenitsyn's «Prayer», it is analyzed as a spiritual autobiography.

spiritual meaning of work, orthodox culture, faith, piety, traditions, spiritual autobiography, Solzhenitsyn A.I., "The Easter Procession", "Matryona's House", "The Light Which is in Thee".

УДК 8Р2+37

Н.П. Щетинина

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Исследуется проблема духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения средствами литературного наследия А.И. Солженицына на основе его миниатюрных рассказов «Крохотки», в которых выделено несколько проблемно-тематических блоков (философские проблемы, отношение к окружающей природе, общечеловеческие отношения, представления о высших ценностях личности, проблемы красоты и творчества). Определены воспитательные возможности произведений писателя в процессе изучения литературы, русского языка в средней школе и во внеклассной воспитательной работе с учащимися. Предложены некоторые формы организации воспитательной работы с учащимися по изучению жизни и литературного наследия писателя.

Солженицын А.И., «Крохотки», духовно-нравственное воспитание, духовно-нравственные ценности.

Каждая историческая эпоха оставляет в светлой памяти человечества своих героев, которые правдиво, смело и ярко освещали ее насущные проблемы, трудности, противоречия, самобытно проявляли себя не только в определенной предметной области научного знания, но и были носителями высоких духовно-нравственных ценностей, воплощали в себе идеал личности, на которую нужно равняться.

Такой личностью был Александр Исаевич Солженицын, творчество которого выходило далеко за пределы литературы и выводило читателя на проблемы философского, исторического, социологического, культурологического, психологического и педагогического аспектов.

Православное мировоззрение писателя сформировалось еще в детстве. Вместе с родителями он посещал храм, и на протяжении всей своей жизни и творчества постоянно обращался к Богу. Бог – это источник, из которого человек черпает силу, мужество, веру и надежду в самых сложных, а порой и невыносимых жизненных обстоятельствах. Неслучайно в своих произведениях, к какой бы проблеме ни обращался писатель, он рассматривал ее с позиций христианско-православных ценностей: веры, любви к человеку, к Родине, к церкви, ко всему живому, истины, доброты, сострадания, самопожертвования, свободы. Показателен в этом отношении цикл его произведений под названием «Крохотки», которые создавались в разное время: 1958–1960 и 1996–1999 годы. Тематически эти небольшие рассказы можно разделить на несколько групп:

- посвященные философским проблемам;
- описанию окружающей природы;

- лучшим качествам человека, общечеловеческим отношениям;
- красоте и творчеству.

В рассказе «Дыхание» автор описывает собственные ощущения свежести воздуха после ночного дождя, как «сладкого духа, который напавает воздух», как волю, которая позволяет дышать. «Никакая еда на земле, никакое вино... не слаще мне этого воздуха, этого воздуха, напоенного цветением, сыростью, свежестью»¹. Человек свободен, пока он может еще дышать, а значит жить!

Проблема ценности свободы в жизни поднята писателем и в рассказе «Шарик». Когда перед песиком Шариком встает выбор: погрызть косточки, которые ему предложил герой произведения, или побегать по двору, он выбрал второе, то есть свободу. Так и людям нужна свобода.

Тема Родины, преданности ей и самопожертвования ради ее спасения поднимается автором в рассказе «Муравьи». Муравьи поселились в гнилом бревнышке, а когда его бросили в огонь, они стали разбегаться, но не убегали от костра. «Какая-то сила влекла их назад, к покинутой родине! – и были многие такие, кто опять взбегали на горящее брёвнышко, метались по нему и погибали там...»².

Тема Родины – связующая нить рассказов «Озеро Сегден», «Город на Неве», «Мы-то не умрём». Так, в рассказе «Озеро Сегден» писатель повествует об озере, о котором нигде не пишут и его никто не знает, оно – запретная зона для обыкновенных людей, собственность «земной власти», и наслаждаться его красотами могут лишь избранные – сильные мира сего. Однако, однажды пробравшись сюда потаенными тропами, «это место на земле излюбишь ты на весь свой век»; «Тут душа, как воздух дрожащий, между водой и небом струилась бы, и текли бы чистые глубокие мысли»; «Милое озеро. Родина...»³.

В рассказе «Город на Неве» Родина – это Ленинград с его великолепными архитектурными памятниками, проспектами, которые и есть «наше самое славное великолепие!», созданное на костях наших предков.

О забытой памяти о тех, кто положил свои жизни в трех войнах и покоится на заброшенных кладбищах, повествуется в крохотке «Мы-то не умрём». А ведь это тоже часть Родины.

Умиротворяющее значение русского пейзажа – основа рассказа «Путешествия вдоль Оки». Красота русской природы – в церквях. Для усиления эмоционального воздействия красоты русского пейзажа на читателя писатель использует такие стилистические приемы, как сравнение («церкви – царевны белые»), олицетворение и повторение («церкви издалека – издалека кивают друг другу»), эпитет («колокольни стройные») и др.

Во всех крохотках для выражения авторского отношения к той или иной теме рассказа используются различные стилистические приемы: сравнение, повторение, олицетворение, эпитет и др.

Необходимо отметить особенность тематического наполнения крохоток – в каждой из них отчетливо прослеживается несколько проблемно-тематических

¹ Солженицын А. Дыхание // Рассказы и крохотки. М. : АСТ : АСТРЕЛЬ, 2009. С. 237.

² Там же. С. 247.

³ Там же. С. 238.

линий. Например, восхищаясь красотой русского пейзажа в рассказе «Путешествия вдоль Оки», А.И. Солженицын одновременно отмечает запустение русских сел, заброшенность церквей и кладбищ вокруг них.

Мотивы удивления и восхищения красотой пейзажа окского косогора в рассказе «На родине Есенина» перекликаются с мотивом заброшенности села – родины великого русского поэта.

Сила человеческого духа, огромное стремление к жизни раскрывается в рассказе «Вязовое бревно», где автор сравнивает жизнь бревна с жизнью человека. Бревно много раз распиливали на части, кидали в баржи и кузова, накатывали в штабели и сваливали на землю и, наконец, хотели распилить. Но оно не сдавалось. «Оно пустило из себя свежий зелёный росток.... Ведь оно тоже хочет жить! Ведь вот как оно хочет жить – больше нас!»⁴. Так и человек под тяжестью различных жизненных обстоятельств падает, потом поднимается и вновь находит в себе силы продолжать жить.

Время написания «Крохоток» совпало с педагогической деятельностью А.И. Солженицына в качестве учителя физики и астрономии в рязанской школе № 2. Возможно, этот период его жизни дал ему много ценных наблюдений, которые стали основой его миниатюрных рассказов «Крохотки».

Новый учитель не был похож на других школьных педагогов, старался избегать общих разговоров, не участвовал в праздничных сборах. Он прекрасно знал свой предмет и мог доступно изложить даже самые сложные вещи. «Стремительная походка, редкостная пунктуальность, экономия времени на всём... интенсивная работа все 45 минут урока, энергичные блиц-опросы. Контрольная работа, где одна из задач формулировалась так, чтобы ученик мог показать собственное понимание материала... Не любил рассуждений вокруг да около, требовал точного попадания в тему, не терпел, когда что-то отвлекало от занятий, морщился от постороннего шума. Проявлял принципиальность и никогда не «тянул» ученика, превращая текущие «неуды» в годовые тройки. При этом внушал школьникам веру в свои силы, поощрял их словом и оценкой. Ученикам запомнилось его трепетное отношение к русской речи – то, как морщился он при любых искажениях языка»⁵.

Значительный воспитательный потенциал содержится практически в каждом литературном творении А.И. Солженицына, например, в рассказе-притче «Матрёнин двор», в «Одном дне Ивана Денисовича» и др. На примере героев своих произведений писатель раскрывает самобытные черты русского национального характера: трудолюбие, смекалку, находчивость, отзывчивость, страдание, умение оставаться самим собой в страшных и трагических условиях жизни, умение выстоять и продолжать жить любой ценой. В рассказе «Матрёнин двор» писатель рассматривает вечные ценности русской духовной культу-

⁴ Солженицын А. Дыхание. С. 241.

⁵ Сараскина Л. Александр Солженицын. Ч. 5 : Перед прорывом. Гл. 2 : Рязань: две стороны «тихого житья». (Жизнь замечательных людей : сер. биография продолжается). URL : http://www.modernlib.ru/books/saraskina_lyudmila/aleksandr_solzhenicin/read (дата обращения 7.04.2013).

ры: праведность, нестяжательство, естественность, простоту, человечность, смирение и терпение.

Идея нравственного урока, который дают произведения писателя, подчеркивается исследователями его творчества и учителями-словесниками. «В современной ситуации обесценивания моральных норм, помутнения духовных ориентиров опыт нравственного возмужания личности, раскрываемый... в романах и повестях... А.И. Солженицына, приобретает особый этический смысл. Вдумчивое изучение его творческого наследия может способствовать формированию у подрастающего поколения положительного духовного идеала, научить видеть красоту, ориентироваться на традиционные для отечественного мировоззрения ценности семьи, труда, взаимной поддержки. На значительный воспитательный потенциал солженицыновского рассказа-притчи «Матрёнин двор» специально обратил внимание учителей-словесников А.И. Княжицкий в своих «Материалах к изучению рассказа А.И. Солженицына «Матрёнин двор» на уроках литературы»⁶. Кроме того, нравственный урок, который дают произведения А.И. Солженицына, «представляется чрезвычайно важным и для современного российского общества, болезненно нуждающегося в яркой и духовно-непререкаемой национальной идее. Найденный... Солженицыным ещё в середине прошлого века ответ на вопрос о состоятельности русского национального характера, о тех народных нравственных принципах, которые признаются исконными для этноса, может и, вероятно, должен быть услышан и осмыслен современными школьниками. Исторический оптимизм и гуманизм... писателя», его «художественная честность в описании народного бытия, органично сплавленная с убеждением в непререкаемой правоте добра, вызывают и чувство справедливой гордости, и уважение к собственной нации, к свойственному ей нравственному кодексу»⁷.

В настоящее время творчество А.И. Солженицына изучается в курсе русской литературы XX века (повесть (рассказ) «Матрёнин двор» и «Один день Ивана Денисовича», 11 класс) и в рамках других учебных предметов (русского языка и развития речи, в курсе отечественной истории XX – начала XXI века).

На уроках русского языка в воспитательном отношении рекомендуется использовать миниатюры «Крохотки», рассуждения А.И. Солженицына о русском языке, об искусстве слова, о литературе.

В курсе отечественной истории XX – начала XXI века задачи гражданско-нравственного воспитания молодежи, формирования ее исторического сознания и мышления можно решать в процессе изучения главного произведения писателя «Архипелаг ГУЛАГ». В «Методических рекомендациях по расширению изучения творческого наследия А. И. Солженицына в общеобразовательных учреждениях» отмечается: «Изучение в курсе отечественной новейшей истории жизни и деятельности А.И. Солженицына, его подвижничества, служения Родине, его литературного, культурно-исторического и философского наследия может

⁶ Солдаткина Я.В. Русский национальный характер в прозе М.А. Шолохова и А.И. Солженицына // Русская словесность. 2009. № 6. С. 29.

⁷ Там же. С. 31.

и должно способствовать реализации главной цели общего исторического образования – гражданскому воспитанию российской молодёжи, содействовать становлению школьника как духовно-нравственной, свободной, саморазвивающейся личности, её социализации в демократическом обществе»⁸.

Осмысление нравственных ценностей в литературном творчестве А.И. Солженицына не ограничивается рамками учебной работы, но должно выходить и за ее пределы, получая продолжение во внеклассной воспитательной работе с учащимися. Важное место здесь должен занять материал о личности писателя, его опыте семейного воспитания детей. Классными руководителями и воспитателями может быть организован цикл мероприятий по ознакомлению с жизнью и литературным творчеством писателя в самых различных формах: беседы, дискуссии, литературные гостиные, устные журналы, защиты проектов, презентации книг, интеллектуальные аукционы, экскурсии и др. В воспитательной работе с учащимися и молодежью необходимо использовать образовательно-воспитательный потенциал музея А.И. Солженицына в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина. Материал, представленный в музее, позволяет проследить творческий путь писателя; каждый этап его жизни и творчества может стать предметом самостоятельного изучения, становления мировоззрения писателя, его жизненной, нравственной, гражданской, патриотической позиции.

Целесообразно использовать материал о воспитании детей в семье писателя. Семья А.И. Солженицына была патриархальной. Детей воспитывали в строгости, большое внимание уделялось воспитанию средствами природы. Как и во многих других патриархальных семьях, значительное место в воспитании занимало чтение. Сознвая, что, находясь в эмиграции, дети могут вырасти без полноценного владения русским языком, в семейной традиции были вечерние чтения вслух. Сначала это были сказки русских и зарубежных писателей, а потом и произведения отца.

Все три сына оказались очень талантливыми, скромными и порядочными людьми и самореализовались в жизни.

Последние годы жизни писатель вел довольно закрытый образ жизни, но при этом принимал активное участие в общественной жизни, занимался благотворительностью. Он ежегодно вручал Литературную премию А. Солженицына, которая в отличие от других негосударственных премий России финансируется из семейного бюджета писателя за счет его мировых гонораров за «Архипелаг ГУЛАГ». Материальный размер пенсии составляет 25 тысяч долларов; в год по два три человека награждаются ею. Ежегодно он помогал тысячам заключенных; жертвовал на покупку книг для провинциальных библиотек 150 тысяч долларов в год; выделял средства на проведение юбилеев жертвам политических репрессий и на другие мероприятия.

До последнего своего часа, передвигаясь по квартире в инвалидной коляске, он работал над своими воспоминаниями и делом всей своей жизни – много-

⁸ О методических рекомендациях по расширению изучения творческого наследия А.И. Солженицына в общеобразовательных учреждениях // Образование в современной школе. 2008. № 10. С. 9.

томным произведением «Красное колесо» об истоках и вызревании революции, которая привела Россию к страшному падению и безбожии⁹.

Как духовное завещание живущим и последующим поколениям звучат слова писателя: «Без устойчивой системы духовно-нравственных ценностей не устоит ни село, ни город, ни Земля наша...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Исаевич Солженицын. Великий русский писатель. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.solzhenicyn.ru/modules/pages/Semya_zhena Natalya Solzhenicyna Synovya Solzhenicyna.html](http://www.solzhenicyn.ru/modules/pages/Semya_zhena_Natalya_Solzhenicyna_Synovya_Solzhenicyna.html) (дата обращения 8.04.2013).

2. О методических рекомендациях по расширению изучения творческого наследия А.И. Солженицына в общеобразовательных учреждениях [Текст] // Образование в современной школе. – 2008. – № 10. – С. 3–10.

3. Сараскина, Л. Александр Солженицын [Электронный ресурс]. – Ч. 5 : Перед прорывом. – Гл. 2 : Рязань: две стороны «тихого житья». (Жизнь замечательных людей: сер. : биография продолжается). – Режим доступа : [http://www.modernlib.ru/books/saraskina lyudmila/aleksandr solzhenicin/read](http://www.modernlib.ru/books/saraskina_lyudmila/aleksandr_solzhenicin/read) (дата обращения: 7.04.2013).

4. Солдаткина, Я.В. Русский национальный характер в прозе М.А. Шолохова и А.И. Солженицына [Текст] // Русская словесность. – 2009. – № 6. – С. 29–31.

5. Солженицын, А.И. Дыхание [Текст] // Рассказы и крохотки. – М. : АСТ : АСТ-РЕЛЬ, 2009. – 458 с.

N.P. Shchetinina

SPIRITUAL AND MORAL POTENTIAL OF A.I. SOLZHENITSYN'S LITERARY HERITAGE

The article focuses on spiritual and moral education of young people with the help of A.I. Solzhenitsyn's literary heritage. The educational potential of A.I. Solzhenitsyn's literary legacy is illustrated by the analysis of his miniatures, which center on a number of issues: philosophical problems, one's attitude to nature, human relationships, spiritual values, beauty and creativity. The paper deals with spiritual values of A.I. Solzhenitsyn's works (faith, patriotism, freedom, goodness, compassion) and their pedagogical interpretation. The author maintains that A.I. Solzhenitsyn's works have a great educational potential, and should be used in both curricular and extra-curricular courses of the Russian language and literature. The article proves that A.I. Solzhenitsyn's literary heritage should be used as a means of spiritual and moral education of young people.

spiritual and moral education, spiritual and moral values, faith, patriotism, freedom, goodness, compassion.

⁹ Александр Исаевич Солженицын. Великий русский писатель. URL : [http://www.solzhenicyn.ru/modules/pages/Semya_zhena Natalya Solzhenicyna Synovya Solzhenicyna.html](http://www.solzhenicyn.ru/modules/pages/Semya_zhena_Natalya_Solzhenicyna_Synovya_Solzhenicyna.html) (дата обращения: 8.04.2013).

ФИЛОСОФИЯ. ТЕОЛОГИЯ

УДК 304.9

С.Е. Азинцев

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ И СОЛЖЕНИЦЫН: ОПЫТ ЧАСТНОГО ВЗГЛЯДА

Российский социум времен Солженицына рассматривается как сложная диссипативная система, находящаяся в навязанной извне жесткой системе координат авторитарного режима и, тем не менее, подверженная нестабильности. В нестабильных диссипативных системах даже малое воздействие на критическую точку может привести к турбулентностям и бифуркации. Одна из критических точек российского социума сформирована напряжением, вызванным отсутствием свобод во всех взаимосвязанных проявлениях и квинтэссенцией несвободы – репрессиями. Феномен Солженицына 1962 года – это прорыв словом писателя плотины их замалчивания. Возникшая в связи с этим бифуркация в ряду других изменила социум, в том числе понизила чувствительность и к слову. В 1990-е годы и далее предполагаемая востребованность Солженицына как одного из основоположников перемен не состоялась из-за отклонения вектора развития российского социума от ожидаемой траектории.

история, диссипативная система, сознание, творчество, конформизм, бифуркация, авторитаризм, свободы, репрессии, «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ», 1990–2000-е годы.

Введение

Автор не относится к литературоведам, политикам, филологам, биографам, литературным критикам, архивистам – всем тем, кто имеет профессиональные основания претендовать на тему «Солженицын» и время от времени эти претензии удовлетворяет. Не будем, однако, забывать, что Солженицын – это уже история, а ее, думается, должны отражать не только специально обученные «летописцы», которым поручен очередной «краткий курс».

Изучать историю по одной-двум книгам – то же, что изучать структуру заболеваний в стране по нескольким историям болезни. Кроме того, объективность любого гуманитарного, в частности исторического, текста ограничена

системой взглядов автора, что относится и к предлагаемому ниже тексту. На эту систему налагается система взглядов заказчика, цензора и т. п., что к предлагаемому нами тексту не относится. Объективной может быть лишь научная формула, ибо ее справедливость можно проверить в воспроизводимых опытах. (Даже в этом случае справедливость формулы ограничена областью познанного – вне этой области ее приходится модифицировать.) Исторический же опыт не воспроизводим, а изучать его по летописным «формулам», содержащим органично авторские или навязанные ему конъюнктурные искажения, просто опасно: без усвоения *истинного* опыта сложные системы не выживают – ни организмы, ни социумы. Адекватные опыту мутации предостерегают от повторения ошибок и способствуют формированию поведения, соответствующего изменяющейся обстановке. Собственно, именно это и входит в определение понятия «жизнь».

Истинная история – это история *народа* и, следовательно, полифония, интеграл от частных взглядов на событие или фигуру.

Обсуждать творчество выбранной нами фигуры можно по-разному. Представляется, что наиболее значим аспект свободы: именно в этом аспекте творчество Солженицына коснулось значительно большей части социума, чем вышеназванные профессиональные сообщества. Особенно наглядно это проявили те индивиды, кто «Солженицына не читал, но...».

Александр Исаевич прожил яркую жизнь: война, награды, тяжелое заболевание, литературное творчество, «диссидентство», лагеря, эмиграция. Нельзя сказать, что такой перечень распространен, и все же он характерен для России. Тем не менее, в силу особенностей «жизни и судьбы» роль Солженицына в событиях оказывалась более значимой, чем других персонажей отечественной истории со схожими биографиями. Такое «попадание» в события, особенно остро проявившееся в ноябре 1962 года, и стало темой настоящей работы. Поскольку Солженицын *воздействовал* тогда на российский *социум* как некий импульс к *свободе*, следует определиться с видением выделенных нами курсивом понятий. При этом мы будем исходить, в частности, из следующего: «Иван Денисович» коснулся лишь одной стороны несвободы, которая, однако, автоматически влечет за собой другие, ибо «свобода» – понятие *связное* и *многомерное*.

Выбранная в данной работе система отчета для гуманитария непривычна. Кроме того, как и всякая база, она абстрагирована от конкретики. Поэтому на некоторое время нам придется забыть и о Солженицыне, и о России и обсудить, что вообще есть влияние человека на социум. Тут возможен специфический взгляд, который перебрасывает мостик от истории и социологии к другим наукам.

1. Социум

Социум состоит из структурных единиц, содержащих от двух (вступившие в брак) до порядка миллиарда (Китай) индивидов. Характеристики таких единиц формируются под воздействием целого ряда факторов: национальных и территориальных; сложившейся культуры; изменяющихся толкований истории; текущего социально-экономического и психологического состояния страны, облас-

ти, микроколлектива; влияния масс-медиа и политических сил. Все характеристики имеют относительно постоянные и переменные составляющие, причем функции распределения по какому-либо одному признаку могут влиять на функции распределения по другому признаку. Например, политическая или покупательная активность многих граждан в день значимого футбольного матча заметно меняется.

Группы, анклавы и кластеры социума неоднородны: их разделяют природные условия, жизненные уклады, менталитет, профессиональные особенности и т. д. Однако, как организм более высокого порядка, социум стремится увязать все свои фрагменты в жизнедеятельность, способствующую выживанию целого. Эта непростая задача требует не только эффективного использования ресурсов, но и относительной стабильности – своеобразного «гомеостаза». Поэтому социум консервативен не менее чем живой организм, но именно в этом и заключаются основные его проблемы и основные отличия от живого организма. Сама по себе стабильность бесперспективна – она нужна лишь как база и сдерживающий фактор развития, без которого социум погибает. Ключевую роль в дихотомии «стабильность – развитие» играют системы управления. К сожалению, методы их формирования и качества существенно «обогащаются» привходящими факторами, унаследованными от пращуров не лучшими для социума человеческими свойствами управленцев. Поэтому они далеки от уровня систем управления того же живого организма, которые формируются эволюцией путем выбора оптимальных решений.

Теми, или иными методами к рычагам управления приходят «убежденные» демократы или иные, не менее «убежденные» индивидуумы (консерваторы, исламисты, «зеленые», «красные» и пр.). Однако, как говорил Л. Толстой, нет убеждений тверже тех, что основаны на личной выгоде. Оказавшиеся у власти озабочены нередко не столько жизнедеятельностью социума, сколько использованием и пролонгированием в личных целях достигнутого привилегированного положения¹. Проявления этих «здоровых убеждений» личности, наделенной властью, редко ограничены ее собственной мудростью, государственностью, креативностью, скромностью, совестью, великодушием и т. п., гораздо чаще – только ограничительными барьерами социума. У несовершенно социума эти барьеры низки, за что сам он и расплачивается стагнацией или (и) авторитаризмом. Последний, являясь вождельной вершиной «природных убеждений», доводит коллизию до логического конца, навязывая социуму уже не общественно важные, а свои собственные шаблоны поведения и пресекая не соответствующее им инакомыслие.

В отношении подобных процессов социум часто инертен, гражданское общество не развито и узурпации власти вполне «отвечает» природная склонность большинства к конформизму, подчинению, растворению в массе: такое большинство составляет с властью закономерную пару. Природный конформизм

¹ Азинцев С.Е. Локальность и глобальность // Экономические стратегии / Институт экономических стратегий ООО РАН. 2012. № 4–6.

подмечают и психологи. «Хорошая приспособленность часто достигается лишь за счет отказа от своей личности... Индивид перестает быть собой, — подчеркивает Э. Фромм, — полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, исчезает различие между собственным «я» и окружающим миром... превращается в робота, подобного миллионам других... Мы... живем под влиянием иллюзии, будто мы самостоятельные индивиды... психологический робот живет лишь биологически, эмоционально он мертв»². Этим «винтикам машины... хорошо накормленным и хорошо одетым автоматам» автор противопоставляет художников, ученых и философов, у которых все еще встречаются, хотя и весьма редкие, проявления индивидуальной свободы. Однако оптимизма в отношении значимости таких проявлений он не испытывает.

Поскольку «винтиком» человек не рождается, подавление любой социальной моделью свободных проявлений индивидов начинается на уровне воспитания. «Воспитание и образование слишком часто приводят к уничтожению непосредственности и к подмене оригинальных психологических актов навязанными чувствами, мыслями и желаниями», — отмечает З. Фрейд³.

Маленького человека вынуждают подавлять в себе свободные интенции, вступающие в конфликт с социальными табу. Об этом же пишет и Р. Ошо: «Все дети творческие. Мало-помалу мы разрушаем их творчество... навязываем неправильные верования... отвлекаем... делаем их более и более экономическими, политическими и амбициозными... Мы делаем 99 % людей нетворческими... Все творческие источники... заткнуты, заблокированы, разрушены, и вся твоя энергия... силой направлена в деятельность, которую общество считает достойной оплаты... Деньги, власть, престиж — это... не только не творческие, но и разрушительные виды деятельности... Преуспеть в так называемом мире — значит потерпеть глубокое поражение... в мире внутреннем... С детского сада до университета... наше обучение... — это попытка разрушить правое полушарие и помочь левому. Где-то между семью и четырнадцатью годами мы добиваемся успеха, и ребенок убит, ребенок разрушен... Он становится гражданином... учится путям дисциплины, языка, логики, прозы... Его больше и больше интересуют власть, деньги, он начинает думать, как стать более образованным, чтобы получить больше власти... больше денег... большой дом... он смещается»⁴.

Большинство индивидуальных сознаний стабилизируется в той нише, где между внешними влияниями и внутренними направленностями устанавливается динамическое равновесие. Стоит из него выпасть — и человек дестабилизируется, например, пенсионер, занимавший в социуме достойное место, но вырванный из привычной информационной среды, динамического стереотипа поведения и привычного психологического давления социума.

² Фромм Э. Бегство от свободы : моногр. / пер. с англ. Г.Ф. Швейника. М. : Прогресс, 1990. 267 с.

³ Фрейд З. Психология бессознательного : моногр. / пер. с нем. М. : Просвещение, 1989. 447 с.

⁴ Ошо. Творчество : моногр. / пер. с англ. И. Потаповой. СПб. : Весь, 2004. 192 с.

Разумеется, в таком огромном статистическом ансамбле, как социум, встречаются и флуктуации – отклонения от единообразия и «нормы». К примеру, нынешний уход детей и части взрослых в виртуальный мир в какой-то степени объясняется именно стремлением вырваться из стандартов к свободе, которую в компьютерной игре можно проявлять без опасений. Там можно делать якобы что угодно, без прессинга социума. Однако на самом деле это иллюзия, которую сам же социум и насаждает. Это еще один его стандарт. Истинные отклонения – от хиппи и бомжей до слишком прогрессивных изобретателей, мыслителей и политиков – социум отвергает, в самом гуманном варианте вытесняя их на обочину. Это и вынуждает многих членов общества к конформизму и подчинению, доходящему порой до абсурда. Вот яркая зарисовка из записок М. Гаспарова:

– Дурак! – крикнул попугай.

– Виноват, Ваше благородие! Я думал, что Вы птица.

Не правда ли, в жизни встречаются подобные диалоги и без участия птиц?

А вот тот же религиозный мыслитель Ошо: «Так называемые признанные люди, уважаемые люди полны мусора... которым хочет набить их общество, – и общество компенсирует это, выдавая им награды... Если ты уважаем идиотами, это означает, что ты ведешь себя в их стиле, согласно их ожиданиям. Быть уважаемым этим больным человечеством означает, что тебе придется быть еще более больным, чем они... Видели ли вы уважаемого человека, который сделал бы что-то творческое? Он пугается. Если он сделает что-то неправильно, что будет с его престижем? Он не может себе этого позволить»⁵.

Было бы странно, если бы власть предрержащие не пользовались описанной склонностью большинства к конформизму, и такие странности возникают нечасто. Тем не менее, любая стагнация рано или поздно заканчивается или социум погибает. Причины этого, а также механизмы переходных процессов, связанных в том числе с феноменом Солженицына, требуют рассмотрения социума в качестве так называемой диссипативной системы.

2. Диссипативная система

Понятие «диссипативная система» адекватно самым разным объектам бытия: физическим, химическим, биологическим, экономическим, социальным и др. Термин происходит от «диссипация», означающей *рассеяние*. Например, автомобиль с выключенным двигателем продолжает двигаться по инерции, но в конце концов останавливается. Причина – рассеяние: кинетическая энергия его направленного движения (упорядоченный процесс) рассеивается, преобразуясь в теплоту – неупорядоченное движение молекул воздуха и дорожного покрытия. Подобно этому, какой-нибудь «информационный повод», например избрание папы римского, захватывает и направляет в узкую область интересы миллионов людей. Однако после «белого дыма» и объявления имени внимание к Сикстинской капелле быстро рассеивается и переключается на разнонаправленные житейские «информационные поводы».

⁵ Ошо. Творчество.

Кроме рассеяния, диссипативные системы отличает и *нелинейность*, то есть результат воздействия на систему не пропорционален воздействию: он может быть не только далек от ожидаемого, но и противоположен ему. Ярким примером могут служить итоги борьбы с алкоголизмом или горбачевской перестройки в СССР.

Еще одно важное обстоятельство: эффективность воздействия на диссипативную систему зависит не только и не столько от его «силы», сколько от *направленности*, так как среди возможных направлений изменения системы (ее степеней свободы) есть определяющие. Их называют «*параметрами порядка*». В результате изменения какого-либо из них в диссипативной системе могут возникнуть *области неустойчивости*. Это наиболее вероятно при воздействии на *критические точки* системы, которые подобны точкам акупунктуры живого организма. Даже незначительные воздействия на такие точки могут привести к внезапному *когерентному* (согласованному) поведению составляющих системы и резкому ее переходу в новое состояние. Поскольку траектория перехода и конечное состояние системы могут ветвиться, такой переход называют «*бифуркацией*» («би» – два).

Когерентное поведение миллионов составляющих системы означает, что они проявляют себя не как простая сумма единиц, а как нечто, приобретающее совсем иное качество. Квант света (фотон) может пройти сквозь среду, содержащую огромное число атомов, почти не «замеченным» или может быть рассеян ими в любом направлении. Однако, если среда находится в некоем особом состоянии, он может вызвать лавину себе подобных – именно так работает лазер. Подобно этому, из одной точки вскипает или кристаллизуется жидкость, возникают ядерный взрыв или социальные катаклизмы. Люди толпы под воздействием какого-нибудь лозунга могут повести себя непредсказуемо, проявляя несвойственное каждому из них в отдельности поведение. Таким образом, «критическими точками» диссипативной системы могут служить не только центры кипения или конденсации жидкости, но и человек – Марат, Наполеон, Суворов, Солженицын и т. д. Это то, что на быденном языке называют «оказаться в нужное время в нужном месте».

«Арабская весна» началась с тунисского торговца, доведенного до публичного самосожжения социальными проблемами. В личном плане это событие, конечно, огромное и трагическое, но в масштабе страны, тем более конгломерата ближневосточных стран, – не слишком, увы, значительное. Однако в данном случае личная трагедия оказалась настолько адекватна критической точке неустойчивой диссипативной системы, что привела к бифуркации не только в Тунисе, но и в других арабских странах.

Этот пример ярко иллюстрирует также и содержание самого термина «бифуркация», указывающего на возможное ветвление траектории скачка. За «жасминовой» тунисской революцией последовали другие революции «арабской весны». Их названия, как и «оранжевая» в Украине, отражали ожидания перехода к демократическим свободам западного образца, развитию экономики и т. п. Однако прогнозисты забыли, что если всколыхнуть застойную воду, то со дна

неизбежно поднимается муть, в том числе с дубинами, зажигательной смесью – «коктейлями Молотова», мешками награбленного, национализмом, шовинизмом... При турбулентном состоянии социума каждый получает возможность играть на том инструменте, которым владеет, «жирные караси» мечутся в беспокоестве и теряют насиженные позиции, а разного рода «рыбаки» разбрасывают приманки, в том числе пахнущие отнюдь не цветущим жасмином.

В арабской весне смешались разные времена года и разные виды когерентного поведения различных слоев многомерного общества: и сторонники западной демократии, и исламисты, и нищая улица, и криминал. Насколько в подобной обстановке были оправданы ожидания, желающие могут гадать, но как в Тунисе, так и в других арабских странах переходы пошли по совсем иным траекториям. Типичной оказалась радикальная исламизация, разочаровавшая многих участников и наблюдателей революций.

Когерентное поведение митингующих толп свойственно далеко не только арабским странам. В последние годы оно не раз возникало, например, на площадях столиц республик бывшего СССР – Москвы, Киева, Тбилиси и др. Влияние на происходящее сложившихся обстоятельств и активных индивидуумов определяется внутренними связями диссипативной системы. Разные люди обладают различной социальной «валентностью», то есть связаны с разным числом окружающих: президент страны и хуторянин, хирург и уборщица клиники, автор статьи и наборщик газеты. Отсюда и разная степень влияния каждого из них на социум. Это напоминает особенности плазмы, содержащей свободно движущиеся, но тесно связанные электрическим полем положительные и отрицательные заряды в равных концентрациях (ионы и электроны). Если в плазме возникает *избыточный* заряд, то к нему тут же устремляются противоположные заряды, экранируя его в сфере некоторого объема – такого, чтобы сумма зарядов противоположного знака была равна избыточному заряду. Чем больше избыточный заряд, тем больше этот объем, больше «радиус экранирования», то есть с большим числом других зарядов он связан взаимным влиянием. В контексте такой метафоры степень влияния человека на общество определяется его «социальным зарядом».

В каждом социуме устанавливается некоторое распределение величины «социальных зарядов» индивидов. Социум и его правители стараются по-разному использовать это распределение в интересах собственного выживания, однако такое стремление не всегда может противостоять естественным, хоть и скрытым законам эволюции диссипативных систем. Флуктуации (проявления свободы) неизбежны, а их редкость в какой-то мере компенсируется возрастанием их значимости как основы будущих бифуркаций. Пессимизм Э. Фромма, З. Фрейда, Р. Ошо в вышеприведенных цитатах, а также не упомянутый О. Шпенглер (о «закате Европы»), П. Бьюкенена (о «смерти Запада»), как и теория «тепловой смерти Вселенной», явно преувеличен. Как и всякая живая система, социум автоматически закладывает зерна свободы уже на стадии появления очередного поколения.

Вышеописанное – это и есть та база, на основе которой мы попытаемся оценить причины и характер влияния А.И. Солженицына на российский социум.

3. Объект творчества Солженицына

Режиму, в котором довелось жить и творить А.И. Солженицыну, посвящены сотни исследований. В сущности, мы не добавим ничего нового, но обязаны вычленить некоторые стороны его «свобод», поскольку Солженицын послужил одним из катализаторов связанных с ними процессов.

Как противники, так и сторонники режима не отрицают его тоталитарность – расходятся лишь в оценках. Сторонники говорят о его «эффективности», и они правы в своей системе отсчета, если под эффективностью понимать валовое развитие промышленности и обороноспособность. Однако в современном понимании эффективность определяется не наличием заводов-пароходов, а соотношением «цена – качество» в производстве продукции, повышающей уровень жизни. В такой системе отсчета осовремененный рабовладельческий режим далекого прошлого вряд ли выдерживает критику. Достаточно упомянуть, что в названном соотношении «цена – качество» первый компонент часто содержал и человеческие жизни. Человек системы становился заложником неких абстракций, идей «особого пути», меняющихся в зависимости от политической конъюнктуры, диктуемой «самодержцем».

В Древней Греции одно из толкований понятия «гражданин» состояло в том, что в отличие от раба гражданин мог себя защитить. В СССР не мог защитить себя никто, кроме одного человека, которому защищать себя было не от кого. Таким образом, гражданское общество, способное контролировать избранную им власть в своих собственных интересах, отсутствовало. Режим кормился за счет крестьян, у которых изымалось все, включая право покинуть резервации, именуемые колхозами; промышленная (порой и научная) продукция производилась в том числе и силами эзков, но уже в других резервациях – лагерях и шарашках. Для тех, кто находился по другую сторону колючей проволоки, ограничений было меньше, но счастье такой дислокации в любую минуту могло оказаться в прошлом.

История знает не одну диктатуру, и каждая уникальна по-своему. Советский социум в отличие, например, от послевоенного восточноевропейского формировался так долго, что его несвобода поддерживалась уже не только извне, но (частично) и изнутри – самой психологией человека. Люди в массе своей не осознавали ни характера своей зависимости от режима, ни существования в природе альтернативы по той причине, что среда, в которую попадаешь с рождения, принимается как естественная независимо от уровня ее свобод, воспитание и образование закрепляют убежденность в такой «норме», а иные среды остаются неизвестными. (Именно поэтому после войны Сталин опасался своего «народа-освободителя», невольно познакомившегося с иной жизнью.)

Упоминание соотношения «цена – качество» требует коснуться и второго компонента, который также оставлял желать лучшего, за исключением части

оборонной и связанной с нею продукции (приоритет режима). Причина — в низкой производительности труда из-за отсутствия свободы творчества и свободы внедрения плодов науки в производство. Научных и технологических идей в СССР было не меньше, чем в передовых странах, однако на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы тратились чрезмерные ресурсы, а полученные в них достижения упирались в непреодолимые технологические и бюрократические барьеры.

В централизованной системе управления есть плюсы и минусы, что зависит, как всегда, от их соотношения. Управление всеми компонентами и связями огромной страны из одной точки, будучи естественным следствием диктатуры, противоречило общеизвестным основам экономики. Даже в пределах отдельного организма мозг, «возглавляющий» центральную нервную систему, не считает возможным заниматься каждой царапиной на ноге — с этим вполне справляется периферическая нервная и сосудистая системы.

Нельзя сказать, что необходимость повышения производительности труда не осознавалась и не провозглашалась, однако четкого понимания проблемы так и не возникло, поскольку существовала взаимоисключающая мотивация. С одной стороны, естественным было стремление делать больше и лучше, а с другой — повышение производительности труда порождало конкуренцию рабочей силы, то есть безработицу, которая исключалась априори. Работать были обязаны все, ибо неработающий «элемент» выпадал из системы контроля и даже преследовался по закону. Один из ярких примеров — поэт Иосиф Бродский — и «тунядец», и Нобелевский лауреат.

Из-за двойственного отношения к производительности труда технологические прорывы реально не поддерживались, поэтому деловая активность была демотивирована, а ее скрываема реализация грозила не поощрением, а наказанием.

Контролировать все сущее, тем более непредсказуемо возникающее, для подобного режима желательно, но невозможно, поэтому перечень контролируемого вынужденно был конечным. По этой причине не приходится удивляться, что, начиная с «философского парохода», режим выкорчевывал или подрезал все торчащее «не туда», любые ростки свободной мысли, несмотря на то, что именно они могли способствовать оздоровлению и процветанию социума. Их же полагали не только не нужными, но и вредными, препятствующими сдвигу массового генофонда назад — в сторону психологии подчинения, которая в России насаждалась веками. Это была апелляция к некоему симбиозу казарменного и архаичного сознания, например, к тем бунтам после отмены крепостного права, в которых крестьяне требовали вернуть помещиков. К такому предпочтению несвободы как нельзя лучше подходит и психология осажденной крепости, насаждающая «армейское» состояние сознания в мирное время. Эта управленческая находка позволяет в какой-то мере компенсировать отсутствие нормального управления нормальной экономикой. Если социуму приказано «ощетиниться» в адрес неизбежного внешнего врага, то с колбасой и телевизором можно — хоть и со вздохом — подождать, в крайнем случае можно съездить за ними в Москву.

Вырваться за пределы внутренних барьеров было так же невозможно, как и за их общий «железный занавес». Людей насильственно делали рабами навязчивой идеологии, основанной на базисном мифе «особого пути», который противоречит научным истинам, мировому опыту и задачам выживания в конкурентной среде. Под миф требовалось подгонять все позывы и проявления производства, науки, культуры и даже личной жизни. Впрочем, о науке разговор отдельный. Поскольку индивидуальную мысль регламентировать трудно, в головах советских ученых рождались идеи, в том числе мирового уровня. В отдельных случаях, когда речь шла об обороне страны, и ученых, и их идеи удавалось отстаивать на «колеях» относительной свободы (примеры – Л.Д. Ландау и С.П. Королев), однако это, скорее, флуктуации общей «нормы».

«Смотрящими» за соблюдением заданного «регламента» ставились специально обученные люди, подобранные так, чтобы ими было проще манипулировать. Чаще всего это были выходцы из рабоче-крестьянской среды, не отягощенные избыточным образованием. Были и индивиды, имеющие образование, не состоявшие в профессии, но жаждущие карьеры. Открывшиеся возможности и благодарность за неожиданные привилегии диктовали им норму поведения: преданно проводить назначенную «линию» без вопросов и изысков. Более образованные и изобретательные среди них иногда получали (или инициативно чувствовали) карт-бланш на интерпретацию мифов, пока сами не становились пищей карательных органов в силу самой природы режима. Тем более это относилось к тем из них, кто, вопреки системе и ее «линии», неожиданно прозревал и пытался что-то говорить или делать иначе. Революции пожирают не только своих детей (как Юпитер), но и их пролонгированные следствия.

Граждане великой страны, не репрессированные и не изгнанные изначально, получали привилегию подвергнуться этому позже. Они признавались (по социальному происхождению и некоторым иным признакам) пригодными в качестве экспериментального объекта управления. Они приглашались в подчинение новым идеям с простыми, понятными всем правилами жизни. Подчинение поощрялось нищенским, но гарантированным социальным статусом, содержащим в том числе периодическое понижение цен и минимальные меры социальной поддержки. Гарантированность выживания, с одной стороны, и иждивенчество – с другой, выхлещивают в сердцевине социума всякую инициативу и порождают уже не формальное, а истинное тунеядство: «вы делаете вид, что нам платите, мы делаем вид, что работаем». (В нынешней Западной Европе гарантированный социальный статус хлынувших в нее эмигрантов позволяет не работать вообще.)

Жесткую цензуру можно рассматривать как внешнее воздействие на колебательную систему. До поры до времени система реагировала вяло. Человек занят повседневными проблемами, получает целенаправленно искаженную информацию и не проявляет противоречащих ей гражданских позиций. Человека делает информация. Если с детства ему диктуют одни и те же мантры особого пути, то это приводит к интериоризации – внешнее становится внутренним, и люди в массе своей следуют навязанной «норме», пока их лично что-нибудь не заденет всерьез.

Что касается той части народа, которая видела шире и могла стать зародышем «гражданского общества», то в ней возникали: подчинение неизбежности; карьерное следование указанному тренду вплоть до резонансного реагирования с собственными инициативами; сопротивление – от потребления дополнительной информации («вражеские» голоса) и молчаливого ухода в нейтральную деятельность до заведомо обреченных публичных демаршей. Если вычесть (за малостью) сопротивление, то на остальное вполне могут опираться разного рода диктаторы, что и делают.

Вышеописанное, конечно, не означает, что советский период следует рисовать исключительно черной краской в той жесткой системе координат, в которую авторитаризм в целях самосохранения загнал родную диссипативную систему. Некоторые степени свободы в ней оставались неизбежно. Под любой глыбой – как бы ни придавливала землю – существует жизнь. Даже в пределах физической, морально-психической и духовной резервации, даже в лагере Ивана Денисовича падать духом и опускаться нельзя никак – загрызут и погибнешь. В самых жестких условиях природа находит или формирует в граните трещины: люди жили, любили, мечтали, творили, так или иначе воплощая органичный потенциал свободы. Поэтому в СССР было немало хорошего и даже замечательного, о чем справедливо печалются те, кто помнит обсуждаемые времена. Наряду с невольной, изнурительной, ненавистной работой, даже у лагерника Шухова может пробудиться элемент свободы – что-то вроде радости труда, свойственной крестьянину. Тем более она возникала по другую сторону проволоки – со всякого рода творчеством и энтузиазмом. «Несмотря на...», появлялись замечательные произведения искусства и литературы, научные работы и всякого рода прорывы (с разными судьбами авторов и их произведений). В лаборатории ученого внешний мир исчезал вообще, у музыканта и художника рождались образы вне официальных заказов, инженер изобретал электронику или конструкции, толковый рабочий выдумывал технологии и оснастки, летчик шел на новые головокружительные виражи...

Наряду с «подсидками», подозрительностью и преследованиями, на другом полюсе существовали взаимная поддержка, взаимовыручка, а понятие «совесть» гораздо реже, чем сейчас, имело товарное измерение и вызывало иронические ухмылки. Вообще, качество межличностных отношений было в среднем выше, чем нынешнее, модифицированное «обществом потребления». Заведомая невозможность материального преуспеяния смещала людей в интеллектуально-духовную сферу, которая сближает больше, чем конкуренция на рынке труда и пустая жажда обогащения. Наряду с «лакированными» фильмами, пьесами и книгами о всеобщем счастье, были истинные индивидуальные и народные радости, восторги юнг перед походом в плаванье, ликования по поводу Победы, полета Юрия Гагарина и т. д. Такие индивидуальные и когерентные проявления – это те степени свободы, по которым сохраняется возможность движения диссипативной системы вне проложенной колеи, в том числе к нестабильности, турбулентности и бифуркациям.

Кстати сказать, авторитарный режим необязательно и (или) не во всех отношениях ведет к полной стагнации и распаду. Он вполне может сохранять жиз-

неспособность, словно паровоз со старыми, но хорошо пригнанными и смазанными валами, колесами и шестернями, который катит по своим рельсам, не обращая внимания на пронсящиеся по разным путям локомотивы и поезда на воздушных подушках. Любопытно, как разошлись два восточных «прицепных вагона»: Китай, в конце концов, осознал тупик несменяемой единоличной власти и пошел существенно иным путем, а Северная Корея довела авторитаризм до карикатурного зеркала, в которое всем нам и особенно власть предержащим полезно иногда смотреть.

Любопытно, что диалектика технологического отставания содержала и позитивный для социума компонент: натуральные продукты, к которым не научились подмешивать красители, заменители, усилители вкуса; выбор того из технологических решений (без лишних предварительных затрат), которое победило на Западе в быстро развивающейся конкуренции, и т. д. По восточной поговорке умная птица летит сзади всех, однако в нашей стране отставание было не от «ума» – хотелось как раз быть «впереди планеты», а от невозможности пользоваться им из-за приоритета неограниченного властвования, выдаваемого за передовую идеологию. Такая позиция минимизирует возможность полнокровного развития ростков, которыми органично насыщено «тело» социума.

У авторитаризма есть и другие специфические плюсы. Он, например, может выстроить эффективную армию, которая по определению является авторитарной, то есть адекватной режиму структурой. Такой и была Советская армия во вторую половину войны и после нее – вплоть до времен, когда ей потребовались разнообразные высокотехнологичные (и высокочрезвычайные) ресурсы, создаваемые вне армии. Последнее требует сбалансированной передовой экономики, в противном случае страна «не тянет» гонку вооружений и либо разваливается, либо из перечня лидеров выбывает.

С ценой такой режим не считается, и потому вполне может мобилизовать социум и добиться цели в любом направлении в ущерб, разумеется, другим. Можно завалить человеческими костями болото и построить на них «окно в Европу». Можно через пару веков назначить для костей иное место – Беломорско-Балтийский канал. В целях решения военно-политических задач можно выстроить эффективную физико-математическую школу, школу внешней разведки и создать ядерное оружие. Даже и в космос можно первыми выйти («Зато мы делаем ракеты...»), что для режима важно не само по себе, а как аргумент в политике.

Тем более возможны достижения меньшего масштаба вроде спуска на воду ледокола, помпезной стройки, запуска высотного дирижабля, грандиозного фестиваля или перелета через Северный полюс. Такие события, и как, например, выигранный матч мирового первенства, вызывали когерентное чувство единства и «гордости за державу» – тонкая психологическая материя, которая, тем не менее, работала на режим, «склеивая» социум и понижая тем самым его бифуркационный потенциал.

В «органике» неподконтрольных степеней свободы диссипативной системы случались и такие критические точки, которые не только не были связаны с воздействием власти, но и возникали вопреки ее воздействиям и просчетам.

Нельзя, например, не вспомнить о поистине великой бифуркации, позволившей сломить чудовищного врага и добиться Победы. У колосса на глиняных ногах, который, по мнению агрессора, должен был тут же развалиться, оказались могучие подспудные жизненные соки. Обладая обширной разведывательной информацией, немецкие аналитики были все-таки не в состоянии просчитать все особенности диссипативной системы под названием СССР. К их изумлению, за родную землю самоотверженно сражались и верящие в мудрость вождя и (или) коммунистические догмы, и не верящие, и колхозники, и интеллигенты, и намеренные к лагерю, и после лагеря, и вместо лагеря, и тот же А.И. Солженицын, причем далеко не только из-за ока Народного комиссариата внутренних дел или ружей заградительных отрядов.

Разве могли немецкие стратеги и их «русоведы» предвидеть критические точки, дремлющие в подсознании чуждого им народа? О них не знали даже и сами носители будущих точек: непросто прогнозировать, что именно возникнет в душе, когда выяснится, что эйфория власти насчет «разобьем врага на его территории» окажется блефом? Разве можно предсказать, как подействует открывшаяся катастрофа, как поведут себя ленинградцы в блокаде или войска в окружении, связанном с просчетами власти, в том числе с репрессиями в армии. (О массовом сопротивлении агрессору автору настоящей работы известно не только из публикаций, но и из рассказов отца-фронтовика.) Разве можно было предвидеть, как будут действовать на души и мотивации поведения, например, песни военных лет – их слова, музыка и «народное» исполнение Лидии Руслановой или Марка Бернеса. Только открывшиеся в социуме степени свободы позволили ему переструктурироваться и выстоять на фронте и в тылу. В турбулентностях военного времени было всякое, но было и когерентное героическое поведение, особенно яркое в отдельных эпизодах...

Некоторая инерция обретенной социумом свободы, стимулируемая Великой Победой, сказывалась и в послевоенное время, проявляясь в ожиданиях иной жизни, в хождении непривычных для России заграничных предметов и фильмов, в популярности «запрещенных» песен В. Козина, А. Вертинского, П. Лещенко и т. д. Такого рода проявления свободы – запрещенные книги, пластинки, журналы, Высоцкий, «Битлы», заграничные тряпки, мода на напитки, стили поведения и т. п. – продолжались (и подавлялись) вплоть до развала СССР.

Все это, конечно, не только частные, но и беглые, причем весьма поверхностные наброски общеизвестных истин. Однако без их вычленения в сложной многомерной диссипативной системе было бы сложно обсуждать возможность продуктивного воздействия на нее отдельных смельчаков, способных бросаться на амбразуры власти, которые появляются неизбежно даже в атмосфере репрессий. Где-нибудь из некоего глубинного, несжимаемого уровня социума все же пробивается самосознание, росток свободы.

Казалось бы, что может отдельный смельчак? Однако вспомним о «параметрах порядка» сколь угодно сложной и громоздкой диссипативной системы. Если некая сила адекватна ее критической точке, то при всей ее малости со счетов ее сбрасывать уже нельзя.

4. «Новый мир»

Социум стабилен при соблюдении тонкого баланса в диалектической паре «ограничение – свобода» – избыток того или другого может вывести его из равновесия и повысить вероятность бифуркаций. История России – яркое тому свидетельство.

По названным выше причинам стабильность предполагает также наличие развития. Хотя общество и не равно сумме индивидуальностей, его развитие реализуется именно через индивидуальные устремления. В обсуждаемом социуме система управления развитию не способствовала. Естественное стремление крестьянина, мыслителя, предпринимателя, изобретателя к самореализации было задавлено. «Глубоко эшелонированные» шлагбаумы, «ежи», рогатки и шаблоны пронизывали всю толщу общества, начиная с ограниченных по тематике школьных сочинений по литературе, где требовалось анализировать образ Наташи Ростовской, «Малую Землю» и т. д. с определенных позиций. Способы планирования и распределения, празднования и осуждения, творческие работы (особенно в гуманитарной сфере), демонстрации, соцреализм, карьерные лестницы, выражение «партийности» и т. д. должны были следовать строго заданным алгоритмам. Каждый человек не только свои слова, но и мысли должен был соотносить с именем вождя или обращаться к его портрету – несоблюдение этого околорелигиозного ритуала вызывало у «смотрящих» подозрение.

Любопытно, что в ряде случаев люди *должны* были совершать свои действия *добровольно*: вступать в пионеры и комсомол; голосовать за «блок коммунистов и беспартийных»; собирать макулатуру и металлолом; осуждать «врагов» народа; выходить на демонстрации и субботники; участвовать в «социалистическом соревновании»; сдавать кровь и т. д. Тем самым власть отдавала дань врожденной потребности всех представителей фауны в свободе. Однако ее усеченный, уродливый вид («свобода по приказу») напоминал homo sapiens, что домашний жеребец отличается от дикого только привычкой к узде. Разве свобода не блеф, не мираж, стремиться к которому глупо и бессмысленно?

Интерпретация свободы у каждого своя, и социумы ищут общий знаменатель по-разному. Авторитаризм предлагает самое простое решение: нет свободы – нет проблемы, и от этого предложения трудно отказаться. Но он требует еще и «расслабиться и получать удовольствие» от того, что душа находится в коробочке под полным контролем! Насколько все это ему удалось, видно в том числе по феномену Солженицына.

В сущности, этот феномен основан на том, что сжатая со всех сторон пружина, призванная охранять стабильность, сама же и создавала «упругий» бифуркационный потенциал. Он стократно умножался преследованиями, «увязавшими» в один трагический узел – своеобразную критическую точку – все слои общества. Вокруг нее зловеще витала аура подозрительности, доносительства и страха, имевшего более чем серьезные основания.

Слово «отца народов», наделенное более, чем всякое другое, действительной силой, воплощало ее в форме моральных и физических репрессий – изнуритель-

ных, унижительных и кровавых. Чуть ли не каждая вторая семья – независимо от социального статуса – имела к ним то или иное отношение. Любого человека, даже искренне преданного режиму, легко могли «взять». Соседу понравилась квартира, друг захотел выслужиться, ученый, художник или военачальник увидел опасного конкурента? Не вопрос: личную проблему можно решить через заказ власти на врагов по текущей тематике. Ее задавали «сверху» очередной кампанией-игрой. За ней следовала игра более высокого порядка – по устранению «перегибов».

В дискурсе стабильности, основанной на несвободе, обсудим роль двух произведений Солженицына. Тема репрессий в его творчестве была «благодатной» в том единственном смысле, в котором это прилагательное здесь допустимо: сталинизм сделал ее неисчерпаемой. Репрессии – это логичный финал, квинтэссенция несвободы, которую обсуждаемый режим довел до максимума, внедрив для этого «ежовые рукавицы» контроля. В то же время всякий максимум, как знают представители точных наук, является положением неустойчивого равновесия, которое долго сохраняться не может. Впрочем, «долго» – понятие относительное, его может хватить не на одну человеческую жизнь.

Связанное с репрессиями напряжение, имевшее бифуркационный потенциал, пронизывало и охватывало *весь социум*, что отражалось даже в его фольклорных степенях свободы: лагерные термины, байки, песни и стихи, в том числе в «интеллигентных» вариантах («Товарищ Сталин – вы большой ученый...» и т. п.) ходили в народе как органичная составляющая жизни. «Срез» социума, приведенный в «Иване Денисовиче», показал, что в лагере сидит не только герой повести – крестьянин-фронтовик, которому случилось побывать в плену. Там заключены старый большевик, баптист, столичный деятель культуры, морской офицер, подросток, прибалт (очередная «неправильная» нация) и т. д. С другой стороны, с ними «сосуществуют», составляя своеобразный конгломерат, их антиподы – от «гражданина начальника» того или иного уровня до рядового вертухая. В солженицынской «капле воды» они также представляют заметный, притом весьма активный, значимый, мобилизованный на «очистку рядов», слой социума.

Если какие-то клетки неадекватны живому организму, то с ними борются лимфоциты, фагоциты и макрофаги. Фагоциты получают информацию о чужеродной клетке (или о собственной, но поврежденной или состарившейся), которая действует не во благо организму, и передают ее иммунной системе для выработки антител. Последние активно очищают среду от вредных компонентов, включая «шлаки». При нарушениях названного механизма развивается самоотравление продуктами собственной деятельности. Эта тонко настроенная важнейшая система обеспечивает здоровье (стабильность) организма и возможность его развития. Что-то вроде иммунной системы конструирует и нормальный социум в виде независимых систем власти, органов надзора и т. п. Случается, однако, что иммунитет организма воюет с собственными *здоровыми* клетками. Такое аутоиммунное заболевание приводит, в конце концов, к гибели органа или всего организма.

Случается такое и в социумах. Сталинские «макрофаги» пожирали не только необходимые для развития квантовую механику, нормальную историю, литературу, экономику, философию и генетику с кибернетикой, но и нормальных, то есть инициативных, крестьян, рабочих и предпринимателей. Пожирали они и самих себя. Даже размышления в одной голове – это, по сути, спор, опирающийся на доказательную базу. Здесь же требовалось единомыслие без размышлений, имевшее базой единственный, причем бессмысленный аргумент – преданность некой абстракции и ее персонификации, воплощенной в многочисленных живописных и скульптурных портретах. К чему все это приводит – общеизвестно, но выводы делаются и реализуются далеко не всегда.

Напряжение социума возникало не только из-за самого факта репрессий, но и в связи с чудовищной психологической асимметрией: при всей их массовости и накале связанных с ними страстей в информационном поле репрессий как бы не существовало, это была страшная «фигура умолчания». Случались, правда, чудовищные театральные спектакли московских процессов с раздавленными душами обвиняемых и обвинителей. Случались и официальные газетные истерии по относительно редким поводам, которые «сверху» назначили быть яркими, – журналов «Звезда и «Ленинград», «убийц в белых халатах» и т. п. Однако, что именно следовало после подобных выпадов и гораздо более тихих, но массовых, не только публиковать, но и обсуждать можно было только с зашитым ртом. Табуированность темы, придававшая ей какую-то inferнальность и особую чувствительность, сохранялась и после XX съезда КПСС, поскольку основы, на которых она стояла, разрушены не были. Стоит ли тогда удивляться, что № 11 «Нового мира» за 1962 год стал истинным взрывом, который помнит и автор настоящей работы! Если XX съезд – это землетрясение, то «Новый мир» – это своего рода вторичный толчок (афтершок), последовавший в связи с ним и вслед за ним. В образовавшуюся трещину хлынули боль и надежды социума, связанные не только с лагерями, но и с иными несвободами, которые тянутся друг за другом в клубке родственных составляющих. Феномен Солженицына служит ярким примером того, чем для социума может стать Слово, если оно попадает в критическую точку.

Можно ли утверждать, что бифуркацию вызвал А.И. Солженицын? И да, и нет. Да, поскольку именно он был автором опубликованного рассказа, названного повестью. Нет, поскольку одного только физического присутствия в социуме этого автора и этого текста было бы явно недостаточно для бифуркации. Такие же и даже куда более информативные и страшные тексты Варлама Шаламова, Евгении Гинзбург и других свидетелей происходящего существовали в рукописях без всякой надежды на публикацию.

Текст становится информацией, способной воздействовать на социум, когда распространяется по каналам, связывающим его с адресатами. «Иван Денисович» стал «малым возмущением» критической точки социума, благодаря усилиям не только автора. Здесь и окружение Александра Трифоновича Твардовского в редакции «Нового мира», и поддержка рассказа значимыми деятелями культуры, и сам Твардовский, проявивший незаурядную твердость и мужество

вопреки цензуре, и, конечно же, воля Н.С. Хрущёва. По понятным причинам, все свелось к личности автора, создавшего информационный повод, – усилия других остались в тени. Для обычной публикации это справедливо, менее справедливо – приписывать успех фильма актеру, игнорируя сценариста, режиссера и оператора. Но здесь случай особый.

«Социальный заряд» Солженицына вырос мгновенно до огромного размера, и дальнейшее вспыхнуло, как пожар. В высказывании А.А. Ахматовой о том, что эту повесть должен прочитать каждый из двухсот миллионов граждан СССР, необходимости не было: несмотря на взрывное тиражирование рассказа, в библиотеках стояли очереди на прочтение. В «один день Александра Исаевича» – 18 ноября 1962 года – он стал знаменит. Информационная дамба была пробита, и к автору «Денисовича» потекли письма со всех концов страны, побуждая его к расширению темы. Далеко не всякий выстоял бы под свалившейся на него глыбой славы, информации и ответственности. Далеко не всякий отважился бы продолжать методичную разработку страшной темы – сложную, трудоемкую, изобилующую массой преград, чреватую последствиями для исследователя...

К сожалению, описанную бифуркацию мы можем обсуждать только в общих чертах. Возможности точного анализа подобных социальных явлений весьма ограничены. Наука в этом отношении напоминает пока ситуацию в химии до Менделеева, когда в многообразии химических элементов и их соединений не улавливали закономерностей (то же происходило с многообразием элементарных частиц до появления системы их классификации). Математические модели поведения социума далеки пока от совершенства, хотя нынешний прогресс аналитического подхода к социальным явлениям отрицать нельзя.

5. После «Нового мира»

Как и всякая система после бифуркации, социум изменился. Ненавистники режима вздохнули с надеждой, почувствовав пресловутый «ветер перемен», который в нашем отечестве неизбежно меняет потом направление: видимо, не соответствует некой установившейся розе ветров. Что же касается сторонников режима, то, кроме озлобления в адрес публикации, у них возникли естественные опасения, которые оказались напрасными. Распределение первых и вторых по социуму имело важный для конечного результата перекосяк: во властных структурах преобладали вторые, ибо принадлежность к таким структурам по определению предполагала соответствующую «школу». В итоге импульс 1962 года стал не просто рассеиваться, что вообще свойственно диссипативным системам, – его стали последовательно превращать в компенсирующую противоположность (нечто подобное произошло потом и с демократизацией 1990-х).

Что же касается возмутителя спокойствия, то при таком «тренде» его судьба была предрешена: сначала А.И. Солженицына «провалили» в комитете по литературной (Ленинской) премии, потом, в дискурсе прежних времен, стали предавать анафеме, для чего у нас есть излюбленный прием – обвинение в от-

сутствии патриотизма: противник власти устами оной всегда приравнивается к противнику страны. Издания «Ивана Денисовича» как опасный раздражитель стали изымать из книготорговли и библиотек, уничтожать и даже преследовать тех, кого обнаруживали за запретным чтением (студентов, например, исключали из вузов).

Былой режим стряхнул внезапно свалившееся на него наваждение. Возможно, России свойственно волнообразное восстановление подобного режима в разных модификациях.

Дальнейшее хорошо известно и к нашей теме не относится. Остаются лишь два вопроса: в чем «сухой остаток» описанной бифуркации и что помешало тому же автору аналогичными средствами вызвать ее позже.

Несмотря на меры, принятые властью, хрущевская «оттепель» вообще и «Иван Денисович» в частности изменили «параметры порядка» социума, характер его неустойчивостей и новых критических точек. В сознаниях миллионов возник некий сдвиг к свободе, мыслящая часть общества потянулась к запрещенной информации, молодежь крутила пленки с запрещенной музыкой, народ «доставал» запрещенные книги, а «диссидентство» получило дополнительные основания, стало множиться и ветвиться. Количественно незначительная социально активная часть общества была важна качественно, поскольку определяла потенциал его будущих бифуркаций и его развитие.

Разумеется, одного Солженицына здесь было мало – его следует рассматривать в ряду других фигур, других обстоятельств и других событий. Более того, при всей грандиозности и значимости его нового произведения того же рода – «Архипелага», он не мог уже произвести в России того резонанса, который сопровождал «Денисовича». Несмотря на то, что это обширное исследование построено на огромном фактическом материале, ему в отличие от «Ивана Денисовича» уже не позволили сколь-нибудь заметно проникнуть в «тело» социума – он остался подпольным чтением диссидентских кругов и иной мыслящей, хотя и менее активной публики. Более глубокому и «чувствительному» проникновению в социум мешала также некоторая архивная «академичность» произведения, отдалявшая его от массового читателя.

Конечно, сведения, что, например, в 1919 году расстреливали по спискам и просто сажали в тюрьму научные, инженерные, университетские и литературно-художественные кадры, а также, например, «за сокрытие соцпроисхождения», звучат для непосвященных чудовищно. Информация, что с этого же года сопротивление расширенной продразверстке вызвало двухлетний поток арестов, также звучит не лучше. И вообще: «Не было такого поступка, который не мог быть наказан с помощью 58-й статьи. Ее 14 пунктов, как веер, покрыли собой всё человеческое существование».

Собранный в «Архипелаге» перечень персоналий, «дел» и массовых расстрелов производил угнетающее, давящее, страшное впечатление. Для сравнительно узкого круга читателей, которым «Архипелаг» был интересен и доступен, он подводил под их личные или известные им трагедии некий «общегосударственный базис», сконструированный сталинизмом. Однако по названным выше

причинам при всей масштабности исторической ретроспективы «Архипелаг» оказался много дальше от критической точки социума, чем весьма частный и «однодневный» «Иван Денисович». Да, он подпитывал одних и отторгался другими, но ни тех, ни других не мог изменить кардинально. Первые и без «Архипелага» уже были внутренними или активными диссидентами. Они могли цитировать друг другу абзацы и обсуждать, во что у Солженицына превратились «бесы» Достоевского – ведь Петр Верховенский и Игнат Лебядкин – это, в сущности, прообразы... и т. д. Но все это мало сказывалось на их жизни и деятельности, разве что в какой-то степени добавляло понимающих и сочувствующих сторонников. Что касается их преследователей и антиподов, то Солженицына и его труды они не воспринимали по определению. По всем этим причинам в «Архипелаге» уже не было того насущного социального запала, которым отличался «Иван Денисович». Если «Денисович» – это девятый вал, то «Архипелаг» – постоянно и грозно волнующееся море.

Тем не менее, такую книгу в отношении влияния на российский социум нельзя недооценивать: она сопоставима с некоторыми трудами других русских «диссидентов», возможно с «Что делать?» Н.Г. Чернышевского.

6. Девяностые и далее

«Вермонтский затворник» продолжал воздействовать на российский социум, а также на Запад и Восточную Европу трудами, статьями, письмами, интервью и фактом своего существования.

Роль Солженицына вроде бы актуализировалась для родной страны в 90-е годы прошлого века: с 1989 года его произведения вновь стали публиковать, а в 1994 году он и сам вернулся на родину. Несмотря на то, что герой 1962 года был у истоков событий нового времени, степень и характер его влияния на российский социум изменились существенно, что свойственно диссипативной системе: то, что влияло на нее до бифуркации, после нее может оказаться менее актуальным или вообще несущественным. Одна из причин уменьшения чувствительности России к Солженицыну – проявление корня «би» в слове «бифуркация».

В простых диссипативных системах, таких, например, как «ячейка Бена-ра», результат бифуркации вполне можно предвидеть: при таких-то условиях жидкость структурируется в виде ячеек, похожих на пчелиные соты. Если же пытаться прогнозировать поведение столь сложной системы, как социум, то без глубокого просчета трудно предсказать не только конечные плоды бифуркации, но и всех джиннов, которые выскочат при вытаскивании «пробки свободы». В России думать о просчетах было некому, некогда и «демократизировалась» она вовсе не так, как ожидали сбросившие режим массы во главе с новыми вождями. Не оправдала она и ожиданий Солженицына: он мыслил будущее России в одном из вариантов «особого пути» – своеобразной архаики и национализма такого рода, который совершенно не приемлем в многонациональном государстве. Однако до таких высот, как православные дружины, извлеченные из дале-

кого, причем не лучшего прошлого, или казачьи патрули в качестве рецензентов современного искусства, он не добрался...

Собственно, не только идею демократии, но и любую другую, сколь угодно важную легко дискредитировать, например, идею применения стволовых клеток. Для этого вполне достаточно создать медицинский центр, сулящий лечить любые болезни, не проведя перед этим глубоких клинических испытаний. В России 90-х не те стволовые клетки социума и (или) не так были «пересажены» для регенерации его больных органов, отсутствовала адекватная информированность и кооперация внутри огромных по численности и функционально разных по отношению к происходящему пластов турбулентной системы. Кроме того, свободы оказалось, увы, слишком много, чтобы этим не воспользовались асоциальные, в том числе уголовные, элементы социума и разного рода хищники.

Положение было критическим, к тому же не хватало времени для глубокого анализа. Однако социуму требуются не объяснения и оправдания, хотя «пикейные жилеты» с увлечением отдаются этому занятию. По большому же счету, ему важен сухой остаток, возникший после турбулентности, а он оказался таким, что в народном сознании идеи незнакомой доселе демократии обрели отталкивающий вид и оказались дискредитированы так, как не мог бы и мечтать иной манипулятор, сознательно поставивший себе подобную цель.

Собственно, на вопрос, что такое «демократия», получить внятный ответ непросто не только в России. Слово стерто, и в зависимости от места, времени, хода событий и их интерпретации на его «основе» может осесть что угодно, например, такие коннотации, как «демократизаторы»-дубины и прочие бандиты-олигархи. В результате А.И. Солженицын, как и другие мыслители и деятели, желавшие России добра и процветания и имевшие потенциал воздействия на нее, оказались далеки от ее новых «параметров порядка».

Возможно, вдали от родины Александр Исаевич чувствовал эти нюансы недостаточно точно. Возможно, действовал вопреки чувствам. Во всяком случае, в контексте наступивших перемен он был фигурой харизматичной – это не оценка, а констатация факта (авторские оценки не входят в цели настоящей работы). Он имел основания полагать себя кем-то вроде российского Вацлава Гавела и ожидать соответствующей востребованности, а такие вещи побуждают человека сместиться с писательства, имевшего лишь косвенное отношение к политике, на более активное ее поле.

Чувствуя себя нравственным поводырем, он проповедовал народовластие, хотя оптимизма по поводу будущего России не испытывал. В статьях, выступлениях и интервью он пророчествовал о ее «предгибельном» состоянии: после семидесятилетнего «обескровливания» ее возрождение невозможно по двум причинам. Во-первых, большевики «выжгли и вытоптали душу народа» и, во-вторых, «постсоветский режим центральной власти похож на коммунистический, а олигархия и безответственность правящей верхушки не даст народу подняться на социальный взрыв». При этом, по его мнению, не только советский, но

и постсоветский режим обречён, а «под его руинами будут погребены поколения вместе со всеми их надеждами и чаяниями»⁶.

Несмотря на столь «оптимистичный» прогноз, Солженицын все же хотел бы видеть будущее страны, основанное на нравственности, православной вере и национализме. «Мы должны строить Россию нравственную или уж никакую... Все добрые семена, какие на Руси ещё чудом не дотоптаны, – мы должны выбе-речь и вырастить...»⁷.

Слышали его плохо. И дело, по-видимому, не столько в том, что политика была для Солженицына не вполне органичным занятием, сколько в особенностях нового российского социума. Он оказался во власти многофакторной турбулентности и перманентных бифуркаций не лучшего свойства, но значительной интенсивности в результате различных воздействий на новые параметры порядка.

Один из них – материальная сторона бытия – неожиданно для большинства стал главным, что привело к расслоению общества по непривычным признакам. В результате для преуспевающих деятелей и новых властных структур Солженицын оказался почтенным человеком, произносящим, тем не менее, сентенции, малозначимые для реальной российской жизни. Что касается миллионов обедневших и униженных, которые не нашли в себе сил, чтобы начать свое дело или, опустив планку морали, влиться в доблестные ряды авантюристов и уголовников, то им было не до Солженицына. Чрезмерное количество долгожданной свободы диалектически обернулось качеством, противоположным ожиданию. Из поколения в поколение российский социум приучали к навязанным извне простым и понятным (хоть и не всегда приятным) правилам жизни, а открывшаяся бездна настоятельно требовала непривычных инициатив и создавала серьезный психологический дискомфорт.

Как уже упоминалось, интерпретация свободы у каждого своя, однако целый пласт социума оказался без интерпретации. Он лишь пассивно наблюдал происходящее, ощущая раздражение и нечто вроде потери идентичности, которая раньше определялась предсказуемостью будущего, принадлежностью к великой стране и ее ценностям. Даже если человек какие-то стороны жизни отвергал, это его тоже с ними соединяло – именно через привычное, многолетнее отрицание.

Конечно, привязанность к другу или врагу имеют разное содержание и порождают полярные эмоции, но в обоих случаях утрата объекта привязанности создает лауну – более или менее глубокую в зависимости от того, появляется ли другой объект. Здесь же в качестве другого объекта предлагалась лишь возможность наживы, презируемая в течение предшествующих десятилетий и к тому же ограниченная бандитскими способами изъятия собственности. В таких условиях у массы людей возникло разрушительное ощущение пустоты, сродни потере точки опоры. В каком-то смысле оно противоположно «гордости за державу». Отсюда совсем недалеко и до пробуждения руди-

⁶ Солженицын А.И. Публицистика. URL : www.solzhenitsyn.ru/proizyedniya/publizistika/

⁷ Там же.

ментов психологии крепостного права и пересмотра плюсов-минусов прежней жизни. В результате значительная часть народа – кто бы мог подумать! – стала ностальгировать по «сильной руке», гарантированному пайку, минимальной социальной защите и прежнему «порядку».

Никто не считал нужным «опускаться» до обедневшей и растерянной части социума, не объяснил, что порядок можно строить на иных основах, не нарисовал траекторию к нему, не вычленил на ней этапы с их плюсами и минусами, не озаботился структурами переходного периода и вовлечением народа в участие. «Объяснители» были заняты «обустройством России» вокруг собственного первичного накопления или спасением экономики от окончательного краха. Кто в таких случаях подбирает «бесхозный» народ? Правильно – тот, кто, апеллируя к базовым первобытным чувствам, указывает путь к простой и доступной деятельности. «Вон они – западники, которые продались и теперь разваливают!» – и народ бросается в антиамериканизм и прочие анти-, вместо того чтобы последовательно строить собственную жизнь. «Вон они – инородцы, ату их!» – и часть народа примыкает к фашистам, даже если с этими «инородцами» хлебали в окопе из одного котелка – в войне с теми самыми фашистами. «Вон они – гастарбайтеры, понаехали тут, работу отбивают и болтают не по-нашему!» «Вон они – новые буржуа!»...

Надо ли в таком контексте удивляться повышению рейтинга всенародно сброшенной коммунистической партии (на что не влияет даже ее перерождение)? Надо ли удивляться глухоте к ее ненавистнику Солженицыну, который в ряду с другими деятелями требует от народа каких-то собственных движений среди непонятной свободы, а она – вон уже к чему привела?

Эта, казалось бы, более чем странная для России трансформация имеет прямое отношение к одному из органичных свойств диссипативной системы – рассеянию, в данном случае – исторической памяти. Наряду с «чистой» диссипацией, связанной со «стрелой времени», здесь действуют еще и важные психологические факторы: неосознанное вычленение позитива прошлой жизни (как бы рассматриваемого под лупой) на фоне отторгаемого ее негатива. Такая аберрация свойственна не только коллективной, но и индивидуальной памяти. В результате воспоминания о репрессиях в среднем стираются (если их не освежают в новой жизни), а напоминания начинают «надоедать». Этому способствует приток поколений, только слышавших о такой стороне истории родного отечества, и некоторые интерпретаторы, внедряющие мысль, что численность репрессий преувеличена антипатриотическими силами, а их необходимость диктовалась «изломом» истории и «высшими» аргументами «особого пути».

Надо сказать, что это отнюдь не специфическое свойство одной только России. Например, Германия после Первой мировой войны представляла собой неустойчивую диссипативную систему, беременную бифуркациями разного рода. Одна из них и была реализована, благодаря умелому воздействию манипуляторов на чувствительные точки социума: возрождение занятости (неважно, под каким предлогом) и возможность реванша, корректирующая униженное самосознание.

Историческая память может вызывать гордость, но может нести и бремя, вызывающее естественное желание его сбросить. Той же Германии уже после

Второй мировой войны надоели бесконечные напоминания о вине перед Европой, миром, евреями. Где-то она откупилась, где-то признала вину. В законах, во внутренней и внешней политике старательно изымаются любые возможные аллюзии, связанные с прошлым, правительство демонстративно поддерживает усилия Израйля по укреплению своей безопасности. Однако если бы кому-то удалось сделать объективный срез внутреннего состояния немецкого социума, то картина оказалась бы много богаче. Об этом свидетельствуют отдельные всплески, прорывающиеся сквозь созданную оболочку. Достаточно упомянуть недавно на шумевшее стихотворение Гюнтера Грасса «О чем нужно говорить», которое вызвало весьма сильную и неоднозначную реакцию в немецком (и не только немецком) обществе – от резко осуждения до сдержанного дистанцирования.

Итак, для полярных слоев российского социума девяностых и двухтысячных Солженицын со всей своей достойной биографией борца и «страдальца за народ» и своим «обустройством России» пришелся не ко двору и оставался одинок. С «технологической» точки зрения такой итог не удивителен: трудно припомнить, чтобы один и тот же человек, не имевший отношения к рычагам власти, мог в разнесенных временем обстоятельствах с сопоставимой эффективностью воздействовать на диссипативную систему по имени «социум». Одного такого эпизода более чем достаточно, чтобы стать исторической фигурой, и А.И. Солженицын оказался в этом отношении на высоте.

Как состоявшаяся историческая фигура он вызывал и вызывает глубокое уважение одних, ненависть других и сложное отношение третьих. Для полноты картины сюда нельзя не добавить равнодушных, которые в социуме составляют большинство. Их влияние на его эволюцию недооценивать тоже нельзя: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательства и убийства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Азинцев, С.Е. Локальность и глобальность [Текст] // Экономические стратегии. Институт экономических стратегий ООО РАН. – 2012. – № 4–6.
2. Фромм, Э. Бегство от свободы [Текст] : моногр. / пер. с англ. Г.Ф. Швейника. – М. : Прогресс, 1990. – 267 с.
3. Фрейд, З. Психология бессознательного [Текст] : моногр. / пер. с нем. – М. : Просвещение, 1989. – 447 с.
4. Ошо, Р. Творчество [Текст] : моногр. / пер. с англ. И. Потаповой. – СПб. : Весь, 2004. – 192 с.
5. Солженицын, А.И. В круге первом [Текст] / [предисл. авт.] // Собр. соч. – Вермонт ; Париж : YMCA-Press, 1978. – Т. 1. – 418 с. – Т. 2. – 404 с.
6. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 [Текст] // Собр. соч. : в 9 т. / [ред. Н. Солженицыной]. – М. : Терра, 1999–2001. – Т. 4. – 607 с. – Т. 5. – 655 с. – Т. 6. – 594 с.

7. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича [Текст] // Новый мир. – 1962. – № 11. – С. 8–74.

8. Солженицын А.И. Публицистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.solzhenitsyn.ru/proizyedeniya/publizistika/

S.Ye. Azintsev

RUSSIAN SOCIETY AND SOLZHENITSYN: A PERSONAL INTERPRETATION

Russian Society contemporary with Alexander Solzhenitsyn is viewed as a complex dissipative system, unstable though living according to rigid rules imposed by the authoritarian regime. Unstable dissipative systems are exposed to turbulence and bifurcation. Russian society suffering from lack of freedom, absence of rights, and repressions, was severely shaken by Alexander Solzhenitsyn's revelations in 1962. Russian society has changed through Solzhenitsyn's literary work but it has also become less sensitive to literary influence. In the 1990s Solzhenitsyn was no longer able to initiate changes, partially because of changes in Russia's social development.

history, dissipative system, consciousness, creativity, conformism, bifurcation, authoritarianism, freedom, rights, repression, «One Day in the Life of Ivan Denisovich», «The Gulag Archipelago», the 1990s and 2000s.

УДК 241

Е.В. Белопольская

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН И ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК: К ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОЗВЫШЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»)

На материале романа А.И. Солженицына «В круге первом» (1968) выявляются примеры художественного воплощения христианской идеи духовного восхождения. Образ лестницы, встречающийся в Священном Писании, был взят за основу при описании пути подвижника к Богу преподобным Иоанном Лествичником. Его «Лествица, возводящая на небо» на протяжении долгих веков являлась непререкаемым авторитетом в духовном становлении многих поколений христиан всего мира. Погружение в русло христианской культуры, а точнее, классического произведения аскетической письменности, обогащает понимание художественного мира первого законченного прозаического произведения Солженицына. Помещённые в «золотую клетку» шарашки, арестанты вынуждены сделать моральный выбор в пользу добра или зла. Такие разные герои, как Рубин и Сологдин, в контексте «Лествицы» демонстрируют существенную близость: они не готовы воспринять выпавшие на их долю испытания как возможность духовного прозрения, их нравственные поиски ограничены вопросами земного благополучия. Ис-

тория Нержина словно подтверждает правильность ряда формулировок св. Иоанна относительно духовной жизни. Обратившись к процессу самопознания, герой выбирает многоступенчатый путь духовно-нравственного восхождения, и, постигая на собственном опыте христианские истины, приближается к аскетической свободе.

Солженицын А.И., Иоанн Лествичник, христианство, аскетизм, подвижничество, ступени «Лествицы», добродетели, пороки, духовная брань.

В размышлениях А.И. Солженицына о смысле человеческого существования, как правило, присутствует мысль о необходимости духовного усовершенствования. «Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рождён только для счастья, — он не был бы рождён и для смерти. Но оттого, что он телесно обречён смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлёб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом весёлого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения...»¹. Писатель склонен сравнивать человеческую жизнь с многоступенчатым подъемом в гору. «Наша жизнь — не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста. Вся наша земная жизнь есть лишь промежуточная ступень развития к высшей — и с этой ступени не надо сорваться, не надо и протоптаться бесплодно»². В идеале жизнь человека виделась Солженицыну как восхождение к ценностям горнего мира: «Цель жизни человека не в счастье, а в том, чтобы за долгий жизненный путь духовно подняться, стать к смерти существом духовно более высоким, чем родился»³.

Уподобление жизненного пути духовному движению по вертикали выражает христианскую идею возвышения к Богу. Как известно, образ лестницы достаточно часто встречается в Священном Писании. Самым запоминающимся примером из него можно назвать видение лестницы Иакову, наверху которой стоял Господь (Быт. 28:13). Путь деятельного восхождения к Богу подробно изображен в «Лествице, возводящей на небо» преподобного Иоанна Лествичника. Как писал в 1854 году игумен Герман (Осецкий), в творении святого Лествичника «изложено все нужное для жизни иноческой, и не только для иноческой, но и вообще для ищущих спасения. В нем заключаются правила, которые указывают истинный путь ко спасению и которые желающих восходить к вратам небесным, словно лестницей, без сомнения, туда возводят. Эта книга для иноков драгоценная и для мирян глубоко назидательная и многополезная»⁴. На протяжении долгих веков это произведение византийской аскетической письменности являлось непререкаемым авторитетом в духовном становлении многих поколений христиан всего мира.

¹ Солженицын А.И. Речь в Гарварде // Публицистика : в 3 т. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 327. (При цитировании сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.)

² Солженицын А.И. Темплтоновская лекция // Там же. С. 455.

³ Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 88.

⁴ Герман (Осецкий), игум. Лествица до врат небесных. Как читать «Лествицу» мирянину. М. : Изд-во. им. свт. Игнатия Ставропольского, 2001. С. 90.

Представление духовной жизни человека в виде лестницы указывает на необходимость духовного совершенствования и постепенность этого процесса⁵. Тридцать глав (степеней) книги, соответствующих определенным добродетелям или грехам, являют собой иерархию духовного преображения, «равночисленно-го возрасту Господнему во плоти», как говорится в Предисловии к «Лествице».

Говоря о необходимости духовной брани, святой Иоанн подчеркивал, что страсти находятся в отношениях борьбы друг с другом, следовательно, подвижник может победить одну страсть с помощью другой, более слабые – посредством главной. Преодолевая тот или иной порок, подвижник приобретает соответствующую добродетель.

Эта мысль близка представлениям Солженицына, считавшего принципиальным открытием в своей жизни идею о подвижности линии добра и зла в человеческом сердце. В известном высказывании прямо указывается на вытеснение пороков и добродетелей друг другом: «В течение жизни одного сердца линия эта перемещается на нём, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство расцветающему добру». Писатель признает трудность и, по существу, бесконечность этой борьбы в сердце человека: «И кто уничтожит кусок своего сердца?..»⁶.

В настоящей статье ставится цель выяснить, каким образом в романе «В круге первом» отразилась христианская идея духовного восхождения, ярко представленная в классическом произведении аскетической литературы.

В художественных произведениях Солженицын обычно помещает своих героев в экстремальную ситуацию, что позволяет выявить духовный потенциал каждого. Так, безусловной проверкой на прочность оказывается пребывание в «золотой клетке» шарашки, описанной в романе «В круге первом» (1968). Здесь арестанты поставлены перед моральным выбором: получить ценой компромисса с властями «свободу, чистый паспорт и квартиру в Москве»⁷ или же лично противостоять злу.

Заключение в тюрьму круто меняет жизнь трех друзей романа – Глеба Нержина, Льва Рубина и Дмитрия Сологодина.

Пожалуй, самым сложным героем романа является Дмитрий Сологдин. Двенадцатилетний опыт заключения не сломил, а, кажется, закалил его нравственно и физически. Набожность Сологодина, строгая система самовоспитания создают представление о нем как об истинном христианине, живущем по законам самоограничения. Но, постепенно раскрывая внутренний мир героя, Солженицын-художник показывает, что его подвижничество внешнее, демонстративное. Например, каждодневная борьба Сологодина с «птичьими» словами, если воспользоваться терминологией «Лествицы», есть не что иное, как упрощенно понимаемый подвиг против пороков языка. Усилия героя главным образом направлены на борьбу с внешними трудностями согласно его формуле «внешним

⁵ Герасименко Н.В., Орепкая И.А. Иоанн Лествичник // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. 2011. Т. 24. С. 404–431. URL : <http://www.pravenc.ru/text/471351.html> (дата обращения: 11.05.2011).

⁶ Солженицын А. Малое собр. соч. : в 7 т. М. : ИНКОМ НВ, 1991. Т. 5. С. 124.

⁷ Там же. Т. 1. С. 59.

условиям подчиняться нельзя, это оскорбительно»⁸. Самосовершенствование Сологодина носит в целом односторонний характер: развивая прежде всего волю и интеллект, он забывает о своей душе. Годы, проведенные в заключении, он считает потерянными, о тюрьме думает «только как о чистом проклятии, из-под которого надо же когда-то вырваться»⁹. Высокая оценка академиком Челновым работы Сологодина – конструкции абсолютного шифратора – приближает героя к юношеской мечте о миллионе. Жизненные интересы героя, как выясняется, сосредоточены на получении земных благ – богатстве, славе, власти и прочих атрибутах, по его же словам, «настоящей Большой Жизни»¹⁰. В контексте «Лествицы» это означает, что Сологдин находится под влиянием преступных страстей чрева – сребролюбия и любостяжания (степ. 16 и 17). Следует подчеркнуть, что они подразумевают под собой привязанность к земным благам в широком смысле. «...Сущность подвигов этих двух степеней состоит не в том, чтобы не иметь никакой собственности, – комментировал «Лествицу» игумен Герман, – а в том, чтобы не привязывать своего сердца ни к какому стяжанию»¹¹. К названным грехам примыкает сластолюбие (степ. 15), в чьей власти оказывается Сологдин в сцене с копировщицей Еминой. Низменный, плотский характер их отношений очевиден: «И – большой зелёный шерстяной тёплый ком дышал перед Сологдиным. Ждал распоряжения»¹².

Главной же бедой Сологодина становится тщеславие, переросшее в гордость: «В себе он слышал пение как бы вселенской победы – своей победы над целым миром, своего всесия»¹³. Тщеславие и гордость (степ. 22 и 23) Лествичник фактически не разделяет и считает страшнейшими внутренними духовными искушениями подвижника на всем пути спасения. Так, коварство тщеславия безмерно: «Например: тщеславлюсь, когда поцуюсь; но, когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым. Побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды, но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь. Стану говорить, побеждаюсь тщеславием; замолчу, и опять им же победился» (22:5). Тщеславие способно уничтожить достигнутое человеком, отбросив его назад, вниз с лестницы, что, собственно, и происходит с Сологдиным, яркой, одаренной личностью, превратившейся в рядового исполнителя власть придержащих. Его путь может быть выражен словами святого Иоанна: «Начало гордости – корень тщеславия, середина – уничтожение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвальства в сердце, ненависть обличения, а конец – отвержение Божией помощи, упование на свое тщание, бесовский нрав» (23:2).

Постоянным оппонентом Дмитрия Сологодина является Лев Рубин. Ему собственное положение в тюрьме видится «трагичным в аристотелевском смысле»¹⁴. Он глубоко переживает вынужденное противостояние властям, олицетворяющим,

⁸ Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 1. С. 209.

⁹ Там же. С. 164.

¹⁰ Там же. С. 206.

¹¹ Герман (Осецкий), игум. Лествица до врат небесных. С. 60.

¹² Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 1. С. 212.

¹³ Там же. Т. 2. С. 26.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 125.

по его мнению, «вполне верный, прогрессивный закон»¹⁵. В шарашке, как и до ареста, Рубин продолжает «спасать – идею. Спасать – знамя. Служить передовому строю»¹⁶. Будучи убежденным большевиком, он проповедует принципы коммунистической нравственности, базирующейся на противоположных христианству принципах. Добрый, способный к нравственному возвышению, он бессознательно ощущает ограниченность классово-морали, но при этом отказывается прислушаться к мнению своих идейных противников и пренебрегает собственным горьким опытом, боясь изменить свои жизненные установки.

Проект о «Гражданских Храмах» Рубина представляет собой неудачную попытку найти замену христианской церкви. Предложенный героем-атеистом вариант выхолощен, нацелен на решение злободневных (а не вечных) проблем. Следование бесчеловечным догмам «Передового Учения» порождает в Рубине душевный надлом. «Его душа подвергается постоянному расчленению – в нем постоянно доброе намерение превращается в злое. И это зло остается с ним, как неизлечимая болезнь, и мучит его»¹⁷. Потеснить зло в своей душе Рубину чрезвычайно трудно. Он, воспитанный в духе классовой ненависти, не может подавить гнева (степ.8), который, по мысли Лествичника, как и родственные ему вспыльчивость, раздражительность и досада, является первоначальным пороком сердца.

Ближайшим и самым опасным следствием гнева святой Иоанн называет памятозлобие (степ. 9). В идеале человек должен при виде врага, попавшего «в некое злосудие душевное или телесное», скорбеть «о нем, как о себе» (10:12). Такого рода душевное движение иногда появлялось у Рубина в минуты, когда, по словам Нержина, он рассуждал «от сердца»¹⁸, от сердца, свободного от ожесточения. Между тем главными побуждающими силами последнего поступка Рубина становятся ненависть и злопамятность. Решение о поимке Володина принимается Рубиным в конечном счете как возможность отомстить врагам Революции и конкретно Сологдину, серьезности идейных расхождений с которым он до определенного момента не предполагал. «Ему прояснялся тот единственный сокрушительный удар, который он мог нанести Сологдину и всей их своре. Ничем другим их не пробереешь, меднолобых! <...> Перемочь болезнь, слабость, нежелание – и завтра с раннего утра припасть, принюхаться к следу этого анонима-негодая, спасти атомную бомбу для Революции»¹⁹.

Как указывал святой Иоанн, тесным образом с пороками сердца связаны страсти языка – клевета, многоглаголанье (степ. 10 и 11) и особенно ложь (степ. 12), «ибо нет порока, против которого Всесвятой Дух произнес бы столь страшное изречение, как против лжи» (12:3).

Защищая социалистические мифы, Рубин оказывается в ситуации самообмана: «Сплетатель лжи извиняется благим намерением, и что в самом деле есть поги-

¹⁵ Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 2. С. 126.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 223.

¹⁷ Лопухина-Родзянко Т. Духовные основы творчества Солженицына. Frankfurt/Main : Possev-Verlag, 1974. С. 108–109.

¹⁸ Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 1. С. 41.

¹⁹ Там же. Т. 2. С. 121–122.

бель души, то он почитает за праведное дело» (12:11). Лишь бессонной ночью благодаря голосу совести Рубин на короткое время приближается к мысли о раскаянии. При этом вину за совершенные им грязные поступки во имя ложного смысла он склонен списывать на других. Ход мыслей героя обнажает безответственность и известную ограниченность его позиции. Он думает про себя: «Но если понял, что это было ужасно, но если никогда бы этого не повторил, но если уже отплачено? — как это считать с себя? Кому бы сказать: о, этого не было! Теперь будем считать, что этого не было! Сделай так, чтоб этого не было!..»²⁰.

Таким образом, столь разные персонажи демонстрируют существенную близость: они не готовы воспринять выпавшие на их долю испытания как возможность духовного прозрения, нравственные поиски приятелей-антагонистов касаются прежде всего вопросов земного благополучия.

Героем, образ которого отражает духовно-нравственные искания автора романа, является Глеб Нержин.

История Нержина словно подтверждает правильность ряда формулировок святого Иоанна относительно духовной жизни. Так, автор «Лествицы», не исключая возможности подвижничества в миру, настаивал на том, что достичь духовных высот можно только разорвав связи с миром. Именно удаление от мира (степ. 1), отсечение всех земных привязанностей (степ. 2) и уклонение от мира (степ. 3) помогают, по мнению святого Лествичника, устранить внешние преграды на пути подвижника. Обозначенные христианским богословом ступени являются характерными приметам тюремной жизни. Для Нержина заключение явилось отправной точкой самопознания. Это позволяет ему утверждать, что тюрьма — это «не только проклятье, она и благословенье»²¹. Правда, редкие свидания с женой убеждают героя в том, что у него «...тянется от сердца на волю еще вот эта живая струнка, никак не отомрет — любовь к жене»²². Он вынужден согласиться с Герасимовичем, предположившим, что «есть только один путь к неуязвимости: убить в себе все привязанности и отказаться от всех желаний»²³.

В размышлениях героя о годах, прожитых в тюрьме, слышится то, что можно назвать свободным отречением от своей воли: «По сути вовсе не жаль пяти просиженных лет. Еще даже не отдаляясь от них, Нержин уже признал их для себя своеобразными, необходимыми для его жизни... От скольких молодых шатаний, от скольких бросаний в неверную сторону оберегла его железная преукрашенная единственная тропа тюрьмы!»²⁴. Послушание (степ. 4) по Лествичнику «есть гроб собственной воли и воскресение смирения...» (4:3). При этом принципиальная роль в «Лествице» отведена достойному духовному наставнику, которого себе должен выбрать инок. Что же касается мирян, то, как замечает игумен Герман, их «руководителями ко спасению» могут быть и просто «люди

²⁰ Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 2. С. 130–131.

²¹ Там же. Т. 1. С. 164.

²² Там же. С. 225.

²³ Там же. С. 226.

²⁴ Там же. С. 331.

опытные, благоразумные и просвещенные»²⁵. На протяжении всего повествования Нержин жадно прислушивается к мнению своих собеседников – Рубина, Сологодина, Герасимовича, дворника Егорова. Надя вспоминает, как впервые после разлуки издала увидела своего мужа: «Такой же жёлтый, такой же исхудавший, как его товарищи, он весь сиял и с одобрением, с упоением слушал соседа – седобородого статного старика»²⁶. Общение с незаурядными, много выдавшими и испытывавшими в своей жизни людьми внутренне обогащает героя, заставляет его отказаться от прежних идейных убеждений.

С отрочества Нержина отличало «неумичивое чувство на отгадку исторической лжи»²⁷, которое и привело его в тюрьму. Уже здесь он остро ощутил личную ответственность за свои поступки: «Лишь бы меня не грызло...»²⁸. Нравственное кредо героя совпадает с настоянием святого Иоанна: «Целью и правилом во всех случаях да поставляем по Богу совесть нашу и, узнавши, откуда веют ветры, по ее указанию уже да распростираем и паруса» (26:7). Повышенная требовательность к себе, нетерпимость ко злу и лжи свидетельствуют о том, что герой уже «стяжал корень добродетелей», как говорится в резюме главы «Лествицы» о том, кто в себе победил ложь (степ. 12).

В сцене свидания с Симочкой Нержину удается справиться и с таким пороком, как сластолюбие. О сложности борьбы с пороками чрева Лествичник пишет особенно подробно, подчеркивая при этом, что победить их полностью человеку не дано, так как сражаться приходится со своей телесной природой. Это хорошо известно по собственному опыту арестантам шарашки, мечтающим «о двадцати двух неразумных, безумных женщинах, вольных сотрудницах, допущенных в это суровое здание»²⁹. Например, Нержин советовал молодому арестанту Доронину направить «энергию в другие сферы!»: «Занимайся философией – не нужно ни хлеба, ни воды, ни женской ласки». Однако, замечает автор, «философию представлял он Руське как убежище, но сам в том убежище был давно»³⁰. Однако после свидания с женой, оставшись наедине с Симочкой, Нержин старается быть предельно честным перед ней и самим собой: «Я считал бы себя негодяем, если бы сегодня... если бы... не исповедался тебе»³¹. В эти минуты «простегивало Глеба раскаяние»³² за легкомысленно поданную влюбленной в него девушке надежду, и он переживает глубокое сердечное сокрушение: «Прости меня! – забрало Глеба. – Прости меня! Прости меня!!»³³. Момент осознания Нержиним своего недостойного поведения соотносится с очередным покаением (степ. 5 «Лествицы»). Так, приобретенные героем добродетели помогают ему потеснить в сердце порочную страсть.

²⁵ Герман (Осецкий), игум. Лествица до врат небесных. С. 37.

²⁶ Солженицын А. Малос собр. соч. Т. 1. С. 235.

²⁷ Там же. С. 231.

²⁸ Там же. Т. 2. С. 240.

²⁹ Там же. Т. 1. С. 227.

³⁰ Там же. С. 77.

³¹ Там же. Т. 2. С. 237.

³² Там же. С. 238.

³³ Там же. С. 242.

Нержин приходит к признанию абсолютного значения духовно-нравственных ценностей. Поочередно получая от Яконова, Рубина и Сологодина предложения принять участие в разработке спецзаданий Министерства госбезопасности СССР, он практически сразу отказывается от соблазна стяжания, обещающего ему земные блага: «Для чего же жить всю жизнь? Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела? Милое благополучие! Зачем – ты, если ничего, кроме тебя!»³⁴.

«Беззаботная полувольная жизнь»³⁵ спецтюрьмы № 1 герою напоминает то, что его не устраивало «в *вольном* мире – поверхностном, благополучном» (курсив мой. – Е.Б.)³⁶, и он делает следующий шаг по пути «удаления от мира»: дает согласие Наде на развод и выбирает для себя лагерь. Авторское отступление о предстоящем Нержину этапе актуализирует характерный для Солженицына мотив «памятования о смерти» (степ. 7 «Лествицы»). «Этап всегда – миг напоминания, миг – «все там будем». Этап заставляет каждого, даже не тронутого им, эка подумать о бренности своей судьбы, о закланности своего бытия топором ГУЛАГа»³⁷.

В конце романа Нержин приближается к аскетической свободе. Он становится одним из тех, кого «ожидало только худшее. Но в душах их был мир с самими собой. Ими владело бесстрашие людей, утеревших *все* до конца, – бесстрашие, достигающееся трудно, но прочно» (курсив мой. – Е.Б.)³⁸. Такое душевное состояние непосредственно связано с отложением земных забот, когда человеку, по существу, не за что бояться, он ни к чему не привязан. Получается, что согласно идеям святого Иоанна, покидающие шарашку зеки преодолевают «малодушную боязливость», которой отводится 21-я ступень его книги. «Если мы от сокрушения сердца с преданностью Богу усердно ожидаем от Него всяких непредвидимых случаев, то мы воистину освободились от боязливости» (21: 9). Святой Лествичник говорит и о трудностях подъема на эту ступень: «Нельзя в одну минуту насытить чрево, так нельзя и боязливость победить скоро» (21: 8).

Таким образом, Нержин на собственном опыте постигает христианские истины. Его ссылка в разговоре с Герасимовичем на авторитет Библии не случайна. «Ведь помните: «В начале было Слово? Значит, Слово – исконней бетона? Значит, Слово – не пустяк?»³⁹. Перемену в мироощущении Нержина заметила и Надя, когда ее предположения о том, не начал ли он верить в Бога, муж не стал отрицать.

Солженицын мыслит человека способным отличить добро от зла и сделать осознанный выбор. Принципиально важным для писателя в этой связи становится понятие свободы: «Подлинно человеческая свобода – есть от Бога нам данная свобода *внутренняя*, свобода определения своих поступков, но и духовная ответственность за них» (курсив мой. – Е.Б.)⁴⁰. Данный взгляд, христианский

³⁴ Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 1. С. 52.

³⁵ Там же. Т.2. С. 289.

³⁶ Там же. С. 240.

³⁷ Там же. С. 294.

³⁸ Там же. С. 309.

³⁹ Там же. Т.2. С. 250.

⁴⁰ Солженицын А.И. Слово при получении премии «Фонда Свободы» // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 307–308.

в своей основе, проповедовал и автор той же «Лестницы», исходивший из того, что каждый человек обладает свободой воли и соответственно сам определяется в отношении к Богу.

Сделанные нами наблюдения уточняют представления о христианском дискурсе А.И. Солженицына, указывают на высоту духовно-нравственных установок писателя уже в его первом законченном прозаическом произведении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герман (Осецкий), игум. Лестница до врат небесных. Как читать «Лестницу» мирянину [Текст]. – М. : Изд.-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 2001. – 93 с.
2. Лопухина-Родзянко, Т. Духовные основы творчества Солженицына [Текст] : моногр. – Frankfurt/Main : Possev-Verlag, 1974. – 179с.
3. Православная энциклопедия [Электронный ресурс] / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. – 2011. – Т. 24. С. 404–431. – Режим доступа : <http://www.pravenc.ru/text/471351.html> (дата обращения 11.05.2011).
4. Солженицын, А.И. Малое собр. соч. [Текст] : в 7 т. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – Т. 1. – 352 с. ; Т. 2. – 320 с. ; Т. 5. – 432 с.
5. Солженицын, А.И. Публицистика [Текст] : в 3 т. – Ярославль : Верхне-Волжское книжное изд-во, 1995–1997. – Т. 1. – 720 с. ; Т. 3. – 560 с.

E.V. Belopolskaya

A.I. SOLZHENITSYN AND SAINT JOHN OF THE LADDER: MORAL AND SPIRITUAL DEVELOPMENT (BASED ON THE NOVEL «IN THE FIRST CIRCLE»)

The paper analyzes A. Solzhenitsyn's novel «In the First Circle» (1968) as a literary representation of Christian ideas of moral and spiritual development. The Christian image of the ladder, which was used by Saint John of the Ladder as a symbolic representation of one's way to God, has been a guiding star for numerous generations of Christians. To better understand the first prosaic work by A. Solzhenitsyn one should view it through the prism of Christian philosophy or, to be more specific, through the prism of asceticism. A. Solzhenitsyn's prisoners have to make a moral choice in favor of good or evil. Viewed through the prism of the Ladder such different characters as Rubin and Sologodin demonstrate considerable similarity. Both disregard moral and spiritual development and focus on earthly well-being. Nerzhin's story is an illustration of Saint John of the Ladder's philosophy. Having chosen to climb the long ladder of moral and spiritual development, the character gradually gains ascetic freedom.

Solzhenitsyn, Saint John of the Ladder, Christianity, asceticism, steps of the Ladder, virtues and vices, spiritual battle.

ИСТОРИЯ

УДК 82.95

В.Н. Козляков

ОТРАЖЕНИЯ: А.И. СОЛЖЕНИЦЫН О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ А.К. ТОЛСТОГО

Анализируется материал из «Литературной коллекции» А.И. Солженицына, посвященной драматической трилогии Алексея Константиновича Толстого, опубликованный в журнале «Новый мир» в 2004 году. Разбираются подходы А.И. Солженицына к исторической драматургии, оценки образов главных героев пьес А.К. Толстого: Ивана Грозного, Федора Иоанновича, Бориса Годунова. Показан интерес А.И. Солженицына к трактовкам пушкинского «Бориса Годунова» в сопоставлении с историческими драмами А.К. Толстого.

Пушкин А.С., Толстой А.К., Солженицын А.И., историческая драматургия, культурно-исторические образы, герои Смуты, русская история и литература.

Смутное время в истории России привлекало Александра Исаевича Солженицына как веха в жизни народа по ее очевидному сходству с пережитыми в XX веке временами. Начиная «Русский вопрос к концу XX века» (1994), он «оглядывается» и пишет: «В Смуту XVII века, после всех разорений Руси и разврата душ, – именно русский Север, с опорой на Поморье, сперва был надёжным тылом для отрядов Скопина-Шуйского, потом – ополчения Пожарского, принесшего Руси окончательное освобождение и замирение. И Платонов отмечает, что мучительный и душеразпадающий период Смуты принёс и благотельный переворот в политические понятия русских людей: в обстановке безцарствия, когда Русь перестала быть “вотчиной” Государя, а люди – его “слугами” и “холопами”, – государство не должно пропасть и без Государя, надо спасать и строить его самим. Повсюду усилилась местная власть, выносились постановления местных “миров”, происходила “обсылка” послов и вестей из города в город, в городах создались всесословные советы, они соединялись в “совет всея земли”. (Подобной же самодеятельностью было и 16-месячное стояние Троицкой

лавры и 20-месячное Смоленска.) Всё это – примеры поучительной русской народной организованности для нас, потомков»¹.

То, что Солженицын – историк, очевидно, хотя сам он, может быть, не только не согласился бы с такой аттестацией, но и опровергнул бы принадлежность к какому-либо корпоративному научному цеху. Здесь речь не об этом. Солженицын в «Красном колесе» – историк в том смысле, в каком историком является Л.Н. Толстой в «Войне и мире». Очень часто историческое чутье, опыт постижения истории своей страны более присутствуют у писателей, чем у историков. По крайней мере, писатель умеет осмыслить и выразить то, на что редко отваживается историк, скованный источниковедческими рамками своих занятий или – что много хуже – партийной предвзятостью взглядов вместе с поисками «единого» подхода, а по сути – ограничением мысли.

Добросовестность диктует писателю необходимость обращения к историческим трудам, посвященным изучаемой эпохе. Но в этом случае изучается не вся историография, а происходит поиск своего «камертона», задающего точное восприятие событий. Учитывается мнение классиков исторической науки, но не поначетнически, через поиск нужных цитат, а вдумчиво, разыскивая то, что отвечает запросу писателя, обладающего собственным видением истории. Возьмем, к примеру, приведенную характеристику Смуты, данную А.И. Солженицыным со ссылкой на труд С.Ф. Платонова «Смутное время» (Прага, 1924). С.Ф. Платонов – признанный авторитет в изучении Смуты, однако главная его книга «Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв.», выдержавшая с 1899 года несколько изданий (одно из них датируется даже 1937 годом), видимо, не вполне отвечала интересам А.И. Солженицына. Он предпочел обратиться не к исторической монографии, а всего лишь к общему очерку, в котором отразился опыт пережитой С.Ф. Платоновым революции 1917 года. Отсюда новые акценты, появившиеся в работе С.Ф. Платонова, изданной в эмигрантской Праге, увиденные и переданные А.И. Солженицыным: «переворот политических понятий», «народная организованность», роль Русского Севера – Поморья.

В постижении истории еще более важны для писателя опыты ее художественного осмысления. И здесь, после «Бориса Годунова» А.С. Пушкина и опер М.И. Глинки «Жизнь за царя» и М.П. Мусоргского на сюжет пушкинского «Годунова», – у Смуты конкурентов нет. Никакому другому периоду в русской истории не повезло в такой степени с гениальными воплощениями в искусстве. С одной стороны, всегда будет казаться, что этого вполне достаточно. Неслучайно вечный сюжет о власти и ответственности за деяния правителя, выраженный в «Борисе Годунове», сегодня «осовременивается» в кино и опере путем простой замены боярских шуб и шапок на модный костюм, а герои Смуты пересаживаются то на БТРы, то в президиумы условных государственных дум и съездов депутатов. «Безмолствующий» народ, слыша пушкинский текст, узнает себя в телевизоре или отождествляет себя с хором на оперной сцене. Все бы

¹ Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века // Новый мир. 1994. № 7. URL : http://solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_299.html (Здесь и далее тексты А.И. Солженицына цитируются по материалам, размещенным на персональном сайте писателя.)

ничего, если бы такое переодевание героев и «подверстывание» актуальных тем не вторгалось в замыслы гениев, не подминало под себя канонического текста ради минутной славы режиссеров.

Гораздо интереснее другая, идущая от самого А.С. Пушкина традиция – вживание в прошлое. Ей вполне соответствуют те труды, которые обратили на себя внимание А.И. Солженицына, собравшего «Литературную коллекцию», куда в том числе вошли и размышления об известной драматической трилогии Алексея Константиновича Толстого 1860-х годов «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Борис Годунов». Размышления А.И. Солженицына о произведениях А.К. Толстого были опубликованы в журнале «Новый мир» в 2004 году в разделе «Дневник писателя».

Характеризуя путь Алексея Толстого к своей драматической трилогии, А.И. Солженицын сначала разбирает, пожалуй, самый известный исторический роман писателя «Князь Серебряный» об эпохе опричнины и Ивана Грозного. При этом замечает: «Очень долго писался. Зато Алексей Толстой *вжился* в эпоху и удачно подготовился к трилогии» (курсив мой. – В.К.)². А.И. Солженицын краткими и точными замечаниями о сюжете романа, прорисовке характера эпохи и героев, языке литературных персонажей убедительно показывает поиск Толстым «верной манеры исторического повествования».

Переходя к характеристике драматических произведений Толстого, которые, как не без основания пишет А.И. Солженицын, оказались «недостаточно оцененными», писатель обозначает их главное содержание: *«Проблема цели и средств – единый стержень трилогии»*. Конечно, эта же проблема – основная и для человека XX века, несмотря на существенную историческую дистанцию: сначала между эпохой и автором пьес, а потом уже между А.К. Толстым и нами. Справедливо отмечается А.И. Солженицыным значение сопроводительных статей драматурга – «проектов постановки» трагедий. Действительно, в них проявляется «глубокое понимание характеров, событий и элементов своих пьес, не всякий драматург может дать такие разъяснения театрам».

А.И. Солженицыну, в наследии которого тоже остались драматургические произведения, важно видеть, как развивается действие, насколько интересно пьесу не только смотреть, но и читать, есть ли в ней идейная основа. С этой точки зрения трилогия А.К. Толстого безукоризненна. «Лаконичная динамичность, – начинает Солженицын. – Как сумел столь многое вместить на таком малом пространстве?» Заслужил похвалу писателя и язык трилогии Толстого: «Очень доподлинная речь – и вообще русский дух. Хороший, естественный чистый стих, пятистопный ямб (помоему, не уступает пушкинскому)». Но больше всего А.И. Солженицына интересуют характеры исторических героев. Он видит, что у А.К. Толстого один и тот же герой, например Борис Годунов, по-разному выглядел в каждой пьесе, причем верно отмечено, что заключительная часть трилогии, посвященная именно Годунову, оказалась все-таки слабее остальных.

² Солженицын А.И. Алексей Константинович Толстой – драматическая трилогия // Новый мир. 2004. № 9. (Серия. Из «Литературной коллекции»). URL : http://solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_1264.html

А.И. Солженицын воспринимает персонажей пьес А.К. Толстого не как статичных героев, а как живых людей, раскрывая суть «психологизма» писателя в собственных кратких, «мгновенных», дневниковых по стилю, записях «Литературной коллекции». Если же писатель замечает художественную недостоверность тех или иных ситуаций в пьесах А.К. Толстого, то тоже прямо пишет об этом. Например, высоко оценив начало трилогии «Смерть Иоанна Грозного» (1862–1864), А.И. Солженицын замечает: «А с волхвами и пересмотр сокровищ Иоанном перед смертью (лобово и не очень веришь) – отдаёт Шекспиром, и это ощущается как снижение. Вообще же эта драма – не ниже никакой шекспировской исторической хроники, а сплочена – и лучше иных»³. Кого-то может и смутить столь высокая точка отсчета, только речь ведь о преодолении условного шекспировского историзма, о чем, кстати, думал и А.С. Пушкин в «Борисе Годунове». В его набросках к предисловию «Бориса Годунова» хотя и говорилось о «подражании» Шекспиру⁴, но исследователи сходятся в том, что зависимость эта внешняя, речь идет о развитии жанра народной исторической драмы⁵.

«Вершиной трилогии» А.И. Солженицын называет драму «Царь Фёдор Иоаннович (1864–1868)», которая отнесена им к числу «лучших пьес русской драматургии». Особенная удача – психологически точное проникновение в характер главных героев: «Пронзительно верна разработка царя Фёдора. Получился – из самых значительных образов русской литературы». Точно так же, считает Александр Исаевич, удался и образ царицы Ирины. Угадывая следом за А.К. Толстым психологические основания всей драмы, А.И. Солженицын замечает: «У такой сестры – и брат не может быть примитивным злодеем. Годунов (особенно если взять всю трилогию в целом) разработан так ярко и убедительно, что невозможно забыть и трудно сопротивляться этой трактовке». Остались претензии писателя к «поверхностному» изображению «толпы», которая даже говорит у А.К. Толстого прозой, а не стихотворными монологами.

³ По мнению А.А. Севастьяновой, известие о пересмотре Иваном Грозным сокровищ перед смертью не придумано А.К. Толстым, а взято из записок о России XVI века англичанина Джерома Горсея, который описывает эту сцену. Возможно, что источник сведений А.К. Толстого – в статье Ю.В. Толстого, опубликованной в «Отечественных записках» в 1859 году. (Толстой Ю.В. Сказание англичанина Горсея о России в исходе XVI-го столетия // Отечественные записки. 1859. № 9. С. 99–156. Ср.: Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / пер. и сост. А.А. Севастьянова. М., 1990.)

⁴ «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые! Умел ли ими воспользоваться – не знаю, – по крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны»: Пушкин А.С. «Наброски предисловия к "Борису Годунову"» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 7 : Критика и публицистика. 1978. С. 112–116. URL : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v07/d07-112.htm>

⁵ Алексеев М.П. Пушкин и Шекспир // Пушкин. Сравнительно-исторические исследования / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 240–280. URL : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/a72/a72-240.htm>

В характеристике «Царя Бориса» (1868–1869) снова читаем о развитии характера Бориса Годунова: «Продолжается тщательная разработка образа Бориса (он участвует в девяти картинах из четырнадцати). Толстой удерживает его в большом диапазоне чувств: разумного мудрого государственного деятеля, полного интересами всей русской земли, с намерениями великодушными и благими...». И это несмотря на то, что драматург, как заметил А.И. Солженицын, все-таки присоединился к тем, кто считал Годунова виновником смерти царевича Дмитрия: «Алексей Толстой не только принимает без оговорок, что царевича Дмитрия убил Борис – но прямо и вкладывает ему это в уста».

Совпадение (иногда прямое) сюжетов пушкинского «Бориса Годунова» и трилогии А.К. Толстого позволило А.И. Солженицыну в своей «Литературной коллекции» обратиться и к сопоставлению этих произведений. А.И. Солженицын предположил, что сходство двух «Годуновых», возможно, объясняется следованием одним источникам и Н.М. Карамзину, однако отметил при этом самостоятельность А.К. Толстого и намеренный уход от пушкинского образа: «И притом Толстой пишет трагедию через 35 лет после Пушкина, с несомненностью имея её в виду постоянно, и где расходится с ней, то с полной сознательностью (и дерзостью?). Удивительное ощущение: прочесть один и тот же сюжет у двух столь выдающихся авторов. Увеличивает стереоскопичность твоего восприятия».

А.И. Солженицын сверяет свои оценки с трактовками пушкинистов В.С. Непомнящего, И. Сураг и С. Бочарова. Отдавая должное их свежим наблюдениям, сам Солженицын выбирает не обсуждение действия «незримых сил» и «тени Дмитрия», а обращается к традиционному *«сравнению исторической выверенности»* в трактовке образов главных героев, выявляя таким образом настоящее различие сюжетов у А.С. Пушкина и А.К. Толстого: «Конечно, объёмом трилогии Алексей Толстой избрал себе возможность последовательней, разносторонней, глубже и значительней разработать Годунова, чем Пушкин. А Пушкин, даже и в объёме одной своей трагедии, не захватывает побольше места для Бориса: из 24 пушкинских сцен Борис участвует всего только в шести, а Самозванец (видимо, по ходу работы, сильно увлекший Пушкина) – в десяти. У Алексея же Толстого – Самозванец вне пределов показа, он только слух и символ возникшего движения, не реальный персонаж. Толстой не занимается им и даже отвергает идентичность его с Гришкой Отрепьевым. (Это совпадение Пушкин, напротив, принимает безоговорочно.)».

Обращение А.И. Солженицына к малоизвестной по редкости эмигрантского издания работе О. Арановской, опубликованной в «Вестнике русского христианского движения» (1984. № 143), показывает, что у писателя был давний интерес к проблеме «вины Бориса Годунова в трагедии Пушкина»⁶.

⁶ Арановская О. О вине Бориса Годунова в трагедии Пушкина // Вестник русского христианского движения. 1984. № 143 (IV). С. 128–156. URL : http://imwerden.de/pdf/aranovskaya_o_borise_godunove_pushkina_vestnik_143_1984.pdf В этом же журнале был опубликован отрывок из «Красного колеса» А.И. Солженицына.

А.И. Солженицын очень точно определил грань, которую не перешел А.С. Пушкин: «Даже не сомневаясь, что царевича убил Борис, – Пушкин из одного чувства вкуса не мог бы вложить Борису такую тираду (прямое признание в убийстве Дмитрия. – В.К.), – справедливо замечает А.И. Солженицын. – Да, Пушкин не переступил прямо юридической черты, как она и не проведена в истории».

Сильная сторона образов А.К. Толстого выявляется по Солженицыну именно в развитии пушкинских сцен и подходов: «Пушкин только мельком упоминает о смерти жениха Ксеньи, самих молодых мы почти не видим, не ощущаем, они почти картонны. Как недостаток это ощущается не само по себе, а именно сравнением с Алексеем Толстым: без жены (её нет) и без взрослых детей в своей жизни, без сестры Борис Пушкина совсем одинок и оттого менее реален. Эту упущенную нить и подхватил Алексей Толстой как прямой – и во многом – последователь Пушкина».

Таким образом, мысли А.И. Солженицына стали еще одним «отражением», новым «зеркалом», усиливающим эффект от восприятия главных героев Смуты, существующих в бесконечном историческом и художественном контексте. И все зависит от того, насколько далеко можно пройти сквозь зеркала...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арановская, О. О вине Бориса Годунова в трагедии Пушкина [Электронный ресурс] // Вестник русского христианского движения. – 1984. – № 143 (IV). – С. 128–156. – Режим доступа : http://imwerden.de/pdf/aranovskaya_o_borise_godunove_pushkina_vestnik_143_1984.pdf
2. Алексеев, М.П. Пушкин и Шекспир [Электронный ресурс] // Пушкин. Сравнительно-исторические исследования / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 240–280. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/a72/a72-240.htm>
3. Горсей, Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. [Текст] / пер. и сост. А.А. Севастьянова. – М., 1990.
4. Пушкин, А.С. «Наброски предисловия к «Борису Годунову» > [Электронный ресурс] // Полн. собр. соч. : в 10 т. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 7 : Критика и публицистика. – С. 112–116. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v07/d07-112.htm>
5. Толстой, Ю.В. Сказания англичанина Горсея о России в исходе XVI-го столетия [Текст] // Отечественные записки. – 1859. – № 9. – С. 99–156.
6. Солженицын, А.И. «Русский вопрос» к концу XX века [Электронный ресурс] // Новый мир. – 1994. – № 7. – Режим доступа : http://solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_299.html
7. Солженицын, А.И. Алексей Константинович Толстой – драматическая трилогия [Электронный ресурс] // Новый мир. – 2004. – № 9. (Серия «Литературная лекция»). – Режим доступа : http://solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_1264.html

V.N. Kozlyakov

THE REFLECTIONS: A.I. SOLZHENITSYN ABOUT A.K. TOLSTOY'S DRAMA TRILOGY

The paper centers on the material from A.I. Solzhenitsyn's «Literary Collection» devoted to Aleksey Konstantinovich Tolstoy's historical drama trilogy published in 2004 by the literary journal «Novy Mir». The paper analyzes A.I. Solzhenitsyn's attitude to historical drama and his ideas about A.K. Tolstoy's characters, such as Ivan the Terrible, Feodor Ioannovich, Boris Godunov. The paper shows that A.I. Solzhenitsyn was interested in analyzing A.S. Pushkin's «Boris Godunov» and in comparing it with A.K. Tolstoy's works.

A.S. Pushkin, A.K. Tolstoy, A.I. Solzhenitsyn, historic drama, cultural and historic images, Time of Trouble heroes, Russian history and literature

УДК 82-32

Р. Темпест

ВОЕННЫЙ ПАЛИМПСЕСТ: ЛИЧНОСТЬ МАРШАЛА ЖУКОВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Солдаты – это цифры, которыми
разрешаются политические задачи.

Наполеон

В статье рассматривается концептуально-художественная трактовка образа маршала Г.К. Жукова в рассказе А.И. Солженицына «На краях». Особое внимание обращено на демифологизирующее начало в произведении, связь текста с мемуарной книгой маршала «Воспоминания и размышления» и репрезентацию в нем военной телесности и военной харизмы. Функция «двучастной» структуры рассказа. Текстуальные перерывы постепенности. Сравнительный анализ сцены встречи Г.К. Жукова с М.Н. Тухачевским и описания Наполеона в «Материалах для современной военной истории» Д.В. Давыдова. Повествовательно опосредствованная оценка полководческого искусства маршала в рассказе. Восприятие протагонистом Сталина. Солженицынский Жуков – фигура в историческом смысле подчиненная, а в нравственном – неавтономная. «На краях» и стихотворение И. Бродского «На смерть Жукова» как дополняющие одна другую художественные интерпретации личности маршала.

Солженицын А.И., «На краях», персонаж, маскулинность, телесность, военная история.

The conceptual and artistic treatment of Marshal Georgy Zhukov in the story «Times of Crisis» by Aleksandr Solzhenitsyn. Special attention is paid to the demythologizing element in the work, its representation of martial masculinity and martial charisma, and its connection to

Zhukov's book of memoirs, «Reminiscences and Reflections». The function of the story's binary structure. Textual discontinuities. A comparative analysis of the passage describing Zhukov's encounter with Tukhachevsky and the portrait of Napoleon in Denis Davydov's «Materials for a Modern Military History». The narratively mediated evaluation of Zhukov's generalship. The protagonist's attitude to Stalin. In a historical sense, Solzhenitsyn's Zhukov is a subaltern figure that lacks moral autonomy. «Times of Crisis» and Joseph Brodsky's poem «On the Death of Zhukov» as complementary literary interpretations of the marshal's personality.

Solzhenitsyn, «Times of Crisis», literary character, masculinity, bodies, military history.

В двухчастном рассказе «На краях» (1995) автор осуществил деконструкцию военно-патриотического мифа, героем которого является маршал Георгий Константинович Жуков. Как пример художественного текста, ориентированного на критическое осмысление этой видной фигуры новейшей истории, данное произведение стоит в одном ряду с «ленинскими» главами «Красного колеса». Его публикация совпала с полувековым юбилеем победы над нацистской Германией, в связи с которым покойный военачальник официально обрел статус национального героя, если не спасителя отечества. Благодаря этому процессу прославления, Жукову установлена конная статуя на Манежной площади в Москве. Станным образом сдвинутый к тыльной стороне Исторического музея, монумент маршалу стал очередным культурным объектом, водруженным не совсем там, где надо, мановением пухлой десницы власти.

В рассказе последовательно описаны четыре эпохи в жизни Жукова. Мы видим молодого кавалериста, сражающегося с врагами революции; генерала средних лет, проигрывающего и выигрывающего грандиозные сражения на Восточном фронте; маститого полководца, вознесенного Н.С. Хрущёвым после сталинской опалы, но вскоре им же смещенного; старого солдата, медленно угасающего на подмосковной даче в застойные брежневские годы. Первая часть произведения своим содержанием примыкает к другому позднему рассказу Солженицына – «Эго», ибо, как и в нем, главным описываемым событием здесь является Тамбовское восстание и его подавление. Во второй части действие происходит в период Второй мировой войны и последующих десятилетий.

Двучастные рассказы представляют собой очередной пример жанрового эксперимента в творчестве писателя. Каждое произведение состоит из двух частей, причем связь между ними не сюжетная, а тематическая, даже когда главный персонаж в них один и тот же. Читатель сталкивается с неожиданным, подчас шокирующим сопоставлением исторических обстоятельств и нравственных ситуаций. Семантический пробел между первой и второй частью выполняет функцию стержня или, если угодно, неартикулированной паузы. «Белизна» текстуального пропуска формально подтверждает, что «в центре всех этих рассказов находится тема отсутствия»¹. Заметим также, что «Эго» и «На краях» суть миниатюрные продолжения эпопеи «Красное колесо», в которых текстуализирова-

¹ Wakamiya L.R. Locating Exiled Writers in Contemporary Russian Literature : Exiles at Home. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2009. P. 94.

ны последующие узлы русской истории. «На краях» – вещь в своем роде не менее эпическая, чем солженицынский *magnum opus*, и являет сходные качества повествовательной сжатости, дробности и лаконизма.

К моменту начала работы над рассказом писатель давно уже утвердился в своем мнении о Жукове: «Несостоявшийся наш де Голль... холоп, как все маршалы и все генералы. До чего же пала наша национальность: даже в военачальниках – ни единой личности»². «На краях» можно рассматривать как художественное обоснование этого брутального суждения. Жуков представлен как личность неавтономная, несuverенная, но честолюбивая и в определенной степени – но лишь в определенной – одаренная. На протяжении десятилетий военной службы он неизменно послушен воле коммунистических руководителей, а за громкие его победы русский народ заплатил чудовищную цену кровью, к чему маршал вполне равнодушен. Будучи на пенсии, он правит рукопись своих мемуаров дрожащей рукой в стремлении угодить сиюминутным партийным приоритетам и даже партийному тщеславию. Он сохраняет пиетет к своему прежнему патрону Сталину, хотя прекрасно осведомлен о его промахах и преступлениях и, более того, не раз испытал на себе несправедливый гнев Генерального секретаря, имевшего привычку оскорблять его самым вульгарным образом.

Текстуальным истоком для А.И. Солженицына является мемуарная книга маршала «Воспоминания и размышления», вернее, ее бесцензурный вариант, опубликованный незадолго до распада Советского Союза. Под солженицынским пером «деревянная» проза Жукова волшебным образом преобразуется. Несобственно-прямая речь, преобладающая в повествовании, есть творчески обработанная экстраполяция речи маршала. Как и в случае глав «Красного колеса», посвященных царской семье, осведомленный читатель различает контуры первичного мемуарного нарратива, на котором покоится текст рассказа. «На краях» – это палимпсест. «Воспоминания и размышления» «просвечивают» сквозь весь текст рассказа. Взятые отсюда факты и подробности искусно интегрированы во внутренний монолог главного героя. Таковы, например, «ярко-малиновые, с каких-то гусарских складов» брюки³, в которых юный Жуков щеголяет в качестве вновь произведенного начальника эскадрона, или мысли маршала о Сталине как политическом и военном деятеле.

Образ маршала сложен по-толстовски плотно («...хотя не рослый, но крепкий, широкоплечий...» [С. 297]). Мы узнаем о его боевых ранениях («...контузило его от австрийского снаряда...» [С. 297], «...ранило от ручной гранаты...» [С. 297–298]), болезнях («...перележал в сыпном тифу... перележал и в возвратном...» [С. 298]), искусстве верховой езды («...с хорошей выпряжкой...» [С. 297], «...безупречно подчиняется тебе твоё тело, взмах руки с коня, сам конь...» [С. 308]), чертах лица («...один подбородок чего стоит, челюсть!»

² Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом : Очерки литературной жизни. М. : Согласие, 1996. С. 129.

³ Солженицын А.И. Рассказы и крохотки // Собр. соч. : в 30 т. М. : Время, 2006. Т. 1. С. 298. (Далее ссылки на данное издание даются в тексте статьи с указанием в скобках номера страницы.)

[С. 314]) и даже тембре голоса («...голос металлический...» [С. 314]). Эти подробности поданы «изнутри», через восприятие самого героя. А к концу второй части, когда отставной маршал тихо стареет на своей удобно устроенной даче, его инфаркты, мигрени и бессонные ночи становятся все более текстуально значимыми. Портрет Жукова не только историчен, но и физиологичен.

Что касается психологических нюансов, то здесь их практически нет, ибо повествовательная перспектива всегда исходит от главного героя, сурового экстраверта, личности, к самоанализу решительно не расположенной. Лапидарная формулировка «...он и правда полюбил военное дело больше всякого другого» [С. 304] заставляет вспомнить начало юношеской повести Наполеона Бонапарта «Клиссон и Евгения» (1795): «Клиссон был рождён для войны» («Clisson était né pour la guerre») ⁴. Вот ключевой топос боевого героического нарратива, из которого проистекают все остальные. Впрочем, в том, что касается классового происхождения и первых лет жизни, у Жукова было мало общего с Наполеоном: «Ёрка Жуков, сын крестьянский, с 7 лет попевал с граблями на сенокосе, дальше – больше в родительское хозяйство, в помощь...» [С. 297]. Тут больше точек соприкосновения с биографиями наполеоновских маршалов, таких как Жан Ланн (тоже крестьянский сын), Иоахим Мюрат (сын трактирщика) и Мишель Ней (сын бондаря).

В первой части рассказа дан образ Ёрки – красного кавалериста времен Гражданской войны: Жуков до того, как он стал Жуковым. Полуграмотный малый, для которого каждый большевистский лозунг есть прописная истина, отважный Ёрка – храбрости ему не занимать – рубится с врагами революции: уральскими казаками, калмыками, кубанскими казаками и, наконец, тамбовскими «бандитами» [С. 299], то есть участниками крестьянского восстания Антонова. Но уже в этот начальный период военной карьеры он представляет из себя нечто большее, чем тип простого или лихого кавалериста: «...пёрло из него командное» [С. 298].

Согласно концепции произведения важнейшим моментом в становлении Жукова и как военного, и как личности стала встреча с Михаилом Тухачевским во время Тамбовской карательной операции. В числе других красных офицеров главный герой присутствует на выступлении знаменитого военачальника перед командным составом 14-й отдельной кавалерийской бригады. Судьба сводит одного будущего маршала с другим. Впечатляет статичность, даже картинность этой сцены, в которой описано разительное действие полководческой харизмы Тухачевского на молодого конника.

«Ростом Тухачевский был невысок, но что за выступка у него была – гордая, гололистая. Знал себе цену.

<...>

Жуков неотрывно вглядывался в командарма. Кажется, первый раз в жизни он видел настоящего полководца – совсем не такого, как мы, простые командиры-рубаки... И как в себе уверен! <...> А лицо его было – совсем не просто-

⁴ Bonaparte N. Oeuvres littéraires. Nantes : Le Temps Singulier, 1979. P. 25.

народное, а дворянское, холёное. Тонкая высокая белая шея. Крупные бархатные глаза. Височки оставлены длинными, так подбриты. И говорил сильно не по-нашему. И очень почему-то шёл ему будёновский шлем – наш всеобщий шлем, а делал Тухачевского ещё командиром.

<...>

<...> подал белую руку одному лишь комбригу, той же гордой выступкой вышел вон и тут же уехал бронелетучкой» [С. 302–303].

Взор Ёрки Жукова скользит по формам и поверхностям тела командарма почти любовно, визуально их ощупывая, даже лаская. Сначала Ёркино внимание сосредоточено на общем облике и повадках Тухачевского («ростом... невысок», «выступка... гордая»). Затем молодой командир замечает детали внешности. Траектория его взгляда показательна – повествовательна. Он движется только по вертикали, вверх – вниз – вверх. Голова, шея, голова, рука... Главный герой, за плечами которого три года классовой войны, вычитывает в чертах полководца знаки благородного происхождения (породистое лицо, белая кожа, правильная речь). Тухачевский – аристократ-революционер. Сведущему читателю приходит на ум синдром Катилины, патриция, возглавившего армию плебеев.

Жуков очарован военизированной маскулинностью командарма, обаянием дисциплинированной силы. Природа и действие харизматического эффекта этого типа не зависит от культурной ситуации или исторических обстоятельств. Ёрка мог бы быть впавшим в экстатический трепет гиппархом конницы Александра Македонского или центурионом в одном из легионов Юлия Цезаря. Лишь немногие полководцы прошлого обладали такой способностью завораживать своих солдат – и даже солдат противника. Сравним приведенный выше отрывок с пассажем из «Материалов для современной военной истории» Дениса Давыдова – книги, в которой славный гусар оставил свои впечатления от столкновения лицом к лицу с Наполеоном.

Дело было в Тильзите летом 1807 года, когда гвардейский штаб-ротмистр Давыдов был адъютантом Багратиона и в момент встречи с великим императором находился в толпе офицеров, как и Жуков, в момент встречи с Тухачевским.

«Я пожирал его глазами, стараясь напечатлеть в памяти моей все черты, все изменения физиономии, все ухватки его. <...> он... сошёл со ступеней крыльца, надел шляпу, сел на лошадь, толкнул её шпорами и поскакал... почти во все поводыя.

<...>

Я увидел человека малого роста, ровно двух аршин шести вершков, довольно тучного.... Я увидел человека, державшегося прямо, без малейшего напряжения... какая-то сановитость благородно воинственная... Не менее замечателен он был непринуждённостью и свободой в обращении... Я увидел человека лица чистого, слегка смугловатого, с чертами весьма регулярными. Нос его был небольшой и прямой, на переносице которого едва приметна была весьма лёгкая горбинка. Волосы на голове его были не чёрные, но тёмно-русые, брови же и ресницы ближе к чёрному, чем к цвету головных волос, и глаза голубые, – что, от почти чёрных ресниц, придавало взору его чрезвычайную приятность.

В этот день... мундир на нём был конно-егерский, темно-зелёный...»⁵.

Та же траектория взгляда. Те же детали. То же опьянение аурой Вождя.

Именно после встречи с Тухачевским в Жукове зарождается жажда славы, внидеологическое стремление побеждать и блистать. Ситуация, когда человек судьбы впервые осознает свое историческое призвание, порождает еще один героический тонос. Прочитируем Наполеона: «Только в вечер после сражения при Лоди я ощутил себя личностью высшего порядка и почувствовал честолюбивое желание осуществить великие проекты, которые до тех пор занимали моё воображение подобно фантастическим мечтам»⁶. Будущему императору было 26, когда он, встав во главе колонны солдат, приступом взял знаменитый мост; Жуков был годом моложе, когда впервые увидел Тухачевского.

Меж тем кампания против тамбовских повстанцев достигает своего кровавого апогея. Главный герой с солдатской прямоотой комментирует набор карательных мер, используемых Тухачевским, – расстрел заложников, применение ядовитого газа: «Слишком крепко? А без того – больших полководцев не бывает» [С. 306]. Первая часть рассказа испещрена такими приемами, как пролеписис, который отсылает нас к каноническому образу маршала Жукова времен Второй мировой войны.

Во второй части преобладает аналеписис. Вектор повествования направлен в прошлое. Отставной маршал *воспоминает и размышляет*. В начальных абзацах проскальзывают мифоавтобиографические ноты, связанные с домашними обстоятельствами эмпирического автора в период работы над произведением: «Последний простор старости. Подумать-подумать, посмотреть на реку, что-нибудь и дописать» [С. 307]. Перед нами Жуков «на последнем плёсе». Солженицын даже дарует своему персонажу пару прочувствованных строк, которые вполне могли бы найти себе место в одной из «Крохоток»: «Какой тут вид! С высокого берега, и рядом – красавицы сосны, взлётные стволы, есть и лет по двести» [С. 307].

Вторая часть в большей степени, нежели первая, характеризуется хронологическими перерывами постепенности: «Скучней всего писать о временах давно прошлых. <...> Настоящий интерес начинается с того времени, как уже прочно устоялся советский строй» [С. 307–308]. Но даже этот «настоящий интерес» избирателен. Жуков постоянно внимает голосу внутреннего цензора. «Да ещё надо хорошо взвесить: о чём вообще *не надо* вспоминать. А о чём можно – то в каких выражениях» [С. 307]. При этом темп повествования более спокоен, размерен, отражая меланхолическое настроение стареющего, страдающего возрастными недугами воина. Время от времени ткань текста разнообразят элементы эллипсиса, то есть пропуска структурно необходимых слов в предложении (этот прием часто встречается в «Красном колесе», особенно в последних двух Узлах): «Стал и недослышивать. Не всякую птицу, не всякий шорох» [С. 307].

⁵ Давыдов Д.В. Военные записки. М.: Воениздат, 1982. С. 101–102.

⁶ Цит. по: Dwyer P. Napoleon: The Path to Power. New Haven: Yale University Press, 2007.

Пожилой глава молодой (второй) семьи, Жуков с тревогой думает о будущем жены и семилетней дочери. Его беспокоит сознание зыбкости номенклатурного образа жизни: «Дача-то хороша-хороша, да только государственная, и на каждой мебельюшке – инвентарный номер прибит. Владение – *пожизненное*» [С. 307]. Таковы нарративные прелиминарии повести победных лет маршала.

За беглым описанием служебного продвижения протагониста от комдива до комкора и его переживаний в годы Великого террора, когда Жукову удалось избежать ареста, следует столь же краткое изложение военных операций во Внешней Монголии летом 1939 года. Там будущий маршал возглавлял советский экспедиционный корпус во время необъявленной войны между СССР и Японией. «Кинул танковую дивизию, не медля ждать артиллерию и пехоту, – в лоб; две трети её сгорело, но удалось японцам нажарить!» [С. 309]. С этой версией можно поспорить. Эпизод, о котором идет речь, имел место в начале июля, когда Жуков, у которого был как раз недостаток пехоты, предпринял контрудар против наступавших японцев силами бронетанкового резерва. Большинство военных историков впечатлены его полководческим искусством на этом этапе операции, и особенно впоследствии, когда 24 августа советские войска перешли в наступление. Разработанный командующим план, который предусматривал использование танковых клиньев против обоих флангов противника, предвосхитил завершающий маневр Красной армии под Сталинградом. В течение недели японцы потерпели полный разгром. Впрочем, в рассказе эти события обойдены молчанием.

Назначенный на пост начальника штаба Красной армии незадолго до германского вторжения, Жуков пытается осуществить профессиональное руководство войсками в период катастрофических поражений Красной армии летом 1941 года. Затем следует вереница фронтовых назначений («Жуков был для него – пожарной, успешной командой, которую Верховный и дергал и посылал внезапно» [С. 311] и великие победы под Москвой, Сталинградом и Берлином, стоившие неисчислимых жертв, что отнюдь не волнует Генерального секретаря, да и Жукова тоже. «А вот чему нельзя бы не научиться у Сталина: он с интересом выслушивал, какие людские потери у противника, и никогда не спрашивал о своих» [С. 313]. Маршал прекрасно осведомлен о стратегических просчетах партийного главы, от его нелепого доверия Гитлеру накануне германского вторжения до беспомощных в военном смысле приказов в первые месяцы войны. Не забывает он и о нередко оскорбительном отношении Сталина к нему лично. Тем не менее, Жуков чтит память генералиссимуса, в отличие от Хрущёва со товарищи – «балабанов», которые «чуть не оплевали разными баснями» [С. 310] имя покойного правителя. Местами внутренний монолог протагониста воспроизводит «катехизисный» сталинский стиль с поправкой на казарменную инфлекцию: «А почему наша Ставка оказалась сильнее гитлеровской? А вот по этому самому: она опиралась на марксизм-ленинизм» [С. 316]. В тексте даже различим проблеск юмора, когда маршал вспоминает о полученных им после победы над Германией наградах союзников: «Эти крупные их ордена уже приходится спускать на живот» [С. 322].

Главный герой одобрительно оценивает военный талант генерала Власова [С. 318] (впрочем, мельком, в скобках). В книге «Архипелаг ГУЛАГ» и в некоторых других текстах Солженицын пытался восстановить репутацию главы русской освободительной армии, так что в этом случае образ маршала использован для этой внетекстуальной цели. Менее спорными представляются замечания протагониста о примитивном уровне советской военной историографии: «Впрочем, у немцев армия была – первоклассная. Об этом у нас совсем не пишут, или презрительно. Но это обесценивает и нашу победу» [С. 316]. Очень верно рассуждение о неадекватности сталинской стратегии в последние два года войны: «А после Курска уже не давал времени на разработку операций по окружению, а только – фронтально и безвыигрышно толкать немцев в лоб, давая им сохранять боевую силу...» [С. 321]. С другой стороны, упоминание о 150 000 мирных жертвах англо-американской бомбардировки Дрездена не соответствует историческим фактам. Поясню. Согласно официальным немецким данным, число погибших в результате налета достигло 25 000 ⁷, однако нацистский министр пропаганды Йозеф Гёббельс преувеличил количество жертв. «Он превратил ужасающую действительность в ещё более ужасающий – и долговечный – миф» ⁸. В 1963 году сочиненный Гёббельсом миф переключался в книгу писателя Дейвида Ирвинга «The Destruction of Dresden» («Разрушение Дрездена»), которая стала международным бестселлером. Научная несостоятельность этой и других работ Ирвинга, пытавшегося реабилитировать репутацию Третьего рейха и даже самого Гитлера, была доказана на знаменитом судебном процессе 2000 года в Лондоне ⁹.

Вернемся к Жукову. За великой победой следует сталинская немилость, малопочетное назначение в Одессу, а затем ссылка «на армейские кулички» – в Уральский военный округ. Верный партиец Жуков покоряется судьбе и готовит чемоданчик с бельем, хотя отказывается верить, что виновником его опалы был Сталин, предпочитая винить в нем Берию. После смерти генералиссимуса он получает возможность воздать главному гэбисту по заслугам, когда новое партийное руководство поручает маршалу руководство операцией по его обезвреживанию. Некоторые из колоритных подробностей ареста приведены в тексте: «...и за локти его, рывком, медвежьей силой, оторвать от стола: может у него там кнопка...» [С. 325]. Впрочем, версия Хрущёва, изложенная им в своих «Воспоминаниях», превосходит версию Жукова-Солженицына в смысле сюжетной занимательности, если не исторической точности ¹⁰. Маршал становится министром обороны, внимает решениям XX съезда («...сколько же открылось злоупотреблений! сколько! И подумать было невысказано» [С. 326]) и вполуха прислушивается к намекам армейских коллег о желательности военного перево-

⁷ Kershaw I. The End : The Defiance and Destruction of Hitler's Germany, 1944–45. N.Y. : The Penguin Press, 2011. P. 238.

⁸ Ibid. P. 239.

⁹ Evans R. Lying About Hitler : History, Holocaust, and the David Irving Trial. N.Y. : Basic Books, 2001.

¹⁰ Хрущёв Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. М. : Московские новости, 1999. Кн. 2. С. 173.

рота, но только прислушивается. Год спустя он спасает Первого секретаря ЦК КПСС от внутрипартийного заговора. В награду «прыщ кукурузный» [С. 328], Хрущёв, отправляет маршала на пенсию. После свержения Первого секретаря Жуков вновь осыпан почестями и мемуары его приняты в печать, хотя ему приходится заплатить за это высокую текстуральную цену. Он опять должен угодать политическим приоритетам партийных боссов и даже их тщеславию и покорно вставляет в «Воспоминания и размышления» фронтовой эпизод с политруком Леонидом Брежневым на «плацдармике под Новороссийском» [С. 333].

Существуют литературные тексты, в которых негативное авторское отношение к главному герою приводит к удачным художественным решениям, к примеру осмысление личности Ленина в эпопее «Красном Колесе». В рассказе «На краях» протагонист предстает как яркий, неординарный человек, лишенный однако самой ценной для Солженицына черты характера – способности делать выбор между добром и злом. Именно поэтому в сфере высокой политики маршал фигурирует как лицо подчиненное, действующее «на краях» истории. Вместе с тем солженицынский Жуков не лишен положительных качеств. Возьмем, например, факт его дружбы с двумя другими маршалами, Рокоссовским, которого он вызволил из ГУЛАГа еще до войны, и Василевским, который преданно защищает Жукова от мелочных нападок в период второй, хрущевской, опалы.

Хотя «На краях» – это художественная биография, но семейные обстоятельства героя почти целиком остаются за пределами повествования. Первая супруга будущего маршала и дочери от нее едва упомянуты в тексте, а второму браку с женщиной, которая была на тридцать лет моложе Георгия Константиновича (событие, исполненное потенциальным сюжетным интересом), уделено лишь три-четыре строки. Основным источником для Солженицына всегда остаются мемуары маршала, а в них он пишет об этих материях сдержанно или ничего не пишет.

«На краях» одновременно подтверждает и дополняет чеканный поэтический вердикт в стихотворении Иосифа Бродского «На смерть Жукова» (1974):

Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою ¹¹.

Солженицын, отношение которого к творчеству младшего его «соседа» по Нобелевской премии было вполне прохладным, тем не менее, положительно отозвался об этой тренодии ¹². Так личность маршала Жукова стала причиной

¹¹ Бродский И.А. Соч. : в 7 т. СПб. : Пушкинский фонд, 2001. Т. 3. С. 73.

¹² Солженицын А.И. Иосиф Бродский – избранные стихи : Из литературной коллекции // Новый мир. 1999. № 12. С. 183.

того, что два очень разных и очень крупных художника оказались в литературном согласии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродский, И.А. Сочинения [Текст] : в 7 т. – СПб. : Пушкинский фонд, 2001. – Т. 3.
2. Давыдов, Д.В. Военные записки [Текст]. – М. : Воениздат, 1982.
3. Солженицын, А.И. Бодался телёнок с дубом : очерки литературной жизни [Текст]. – М. : Согласие, 1996.
4. Солженицын, А.И. Иосиф Бродский – избранные стихи : из литературной коллекции [Текст] // Новый мир. – 1999. – № 12. – С. 180–193.
5. Солженицын, А.И. Рассказы и крохотки [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М. : Время, 2006. – Т. 1.
6. Хрущёв, Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть [Текст]. – М. : Московские новости, 1999. – Кн. 2.
7. Bonaparte, N. Oeuvres littéraires [Text]. – Nantes : Le Temps Singulier, 1979.
8. Dwyer, P. Napoleon : The Path to Power [Text]. – New Haven : Yale University Press, 2007.
9. Evans, R. Lying About Hitler : History, Holocaust, and the David Irving Trial [Text]. – N.Y. : Basic Books, 2001.
10. Kershaw, I. The End : The Defiance and Destruction of Hitler's Germany, 1944–45 [Text]. – N.Y. : The Penguin Press, 2011.
11. Wakamiya, L.R. Locating Exiled Writers in Contemporary Russian Literature : Exiles at Home [Text]. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2009.

R. Tempest

WAR PALIMPSEST: ALEXANDER SOLZHENITSYN'S LITERARY INTERPRETATION OF MARSHAL GEORGY ZHUKOV'S IMAGE

The paper analyzes Alexander Solzhenitsyn's literary interpretation of Marshal Georgy Zhukov's image in the story «At the Edge». The author maintains that A. Solzhenitsyn's work, which relies on Marshal Zhukov's «Reminiscences and Reflections», is devoid of mythicizing and adopts a realistic and charismatic view of war. The author provides a comparative analysis of Solzhenitsyn's description of the meeting of Zhukov and Tukhachevsky and D. Davydov's account of Napoleon which can be found in «The Materials for Modern Military History». The author maintains that Zhukov, who is considered by A. Solzhenitsyn to be a protagonist of Stalin, is depicted by the writer as a person devoid of both historical and moral autonomy. The author compares A. Solzhenitsyn's story «At the Edge» and J. Brodsky's poem «On the Death of Zhukov» as two complementary interpretations of the Marshal's personality.

Solzhenitsyn, «At the Edge», personality, masculinity, realism, military history.

УДК 316.03

М.В. Стрелец

ПРАВООЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР В ЭПОХУ Л.И. БРЕЖНЕВА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ

В статье прослеживается история правозащитного движения в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) в период, когда этой страной руководил Леонид Ильич Брежнев. Автор излагает мотивы обращения к данному периоду, выделяет основные этапы в развитии этого движения в эру Л.И. Брежнева, рассматривает их в интерьере советских и международных реалий, обращает внимание на ключевые события, относившиеся к каждому этапу.

В публикации показано, что именно в эпоху Л.И. Брежнева четко прослеживались и становление правозащитного движения в стране, и признание его на международном уровне, и, несомненно, продуктивный этап деятельности его организационных структур, которые обрели реальные очертания под влиянием хельсинкского процесса, и его резкий спад в результате энергичных действий репрессивной машины советской тоталитарной системы. Первый этап датирован 1964–1967 годами, второй – 1968–1975, третий – 1976–1982.

демократия, диссидентство, политика, правозащитное движение, репрессии, Солженицын, СССР, тоталитаризм.

Пик славы Александра Исаевича Солженицына как советского писателя и пик гонений на него как диссидента и правозащитника пришелся на времена Л.И. Брежнева. После начала вынужденной эмиграции великого писателя его идеи по-прежнему входили в ключевой сегмент мировоззренческих установок открытых оппонентов брежневского режима внутри СССР, которые своевременно заметили первые симптомы системного кризиса советского общества, генетически связанные с распадом СССР. Именно при Л.И. Брежневе четко прослеживались и становление правозащитного движения в данной стране, и признание его на международном уровне, и, несомненно, продуктивный этап деятельности его организационных структур, которые обрели реальные очертания под влиянием хельсинкского процесса и стремились действовать в гармонии с ним, и его резкий спад в результате энергичных действий репрессивной машины советской тоталитарной системы. Поэтому есть смысл отдельно рассмотреть правозащитное движение в СССР в тот период, когда этой страной руководил Леонид Ильич Брежнев.

Осенью 1964 года в СССР произошла не просто смена высшего государственного руководства, а смена эпох. Реальное поведение нового лидера и его приближения свидетельствовало о том, что наступил конец «оттепели», которую вполне обоснованно можно связывать с именем его предшест-

венника – Никиты Сергеевича Хрущёва. «Приход к управлению страной брежневского руководства ознаменовал... нарастание противоречий и диспропорций во всех сферах жизни общества. 1964–1967 годы можно определить как начальный этап диссидентского и правозащитного движения, когда основной формой деятельности были протесты и обращения в адрес высшего политического руководства страны и правоохранительных органов. Инакомыслящие стремились остаться свободными людьми в несвободной стране»¹.

Причиной первого известного историкам выступления правозащитников в эпоху Л.И. Брежнева стал совместно написанный А. Синявским и Ю. Даниэлем и опубликованный на Западе солидный труд советских литераторов «Прогулки с Пушкиным». В выходных данных они предстали не под своими именами, а под псевдонимами. За публикацией, вызвавшей широкий резонанс в обществе, последовала реакция советской репрессивной машины – арест авторов и подготовка суда над ними. В День советской Конституции, то есть 5 декабря 1965 года, группа людей «впервые вышла на демонстрацию... с лозунгами: «Уважайте советскую Конституцию!» и «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем»². Эти люди тогда еще не знали, что они правозащитники.

Участники анализируемого движения руководствовались четкими и ясными принципами. Так, Л.М. Алексеева свидетельствовала: «Первый и самый главный принцип, который начали исповедовать правозащитники и который до сих пор очень твердо присутствует в уже российском правозащитном движении, – это не насилие. Даже свои принципы, даже все самое для нас дорогое мы не намеревались утверждать с помощью силы. Почему? Я думаю, что это было отвращение к насилию, порожденное всем тем отрезком советской истории, в котором протекала не только наша жизнь, но и жизнь наших родителей... Еще очень важным и неожиданным моментом по сравнению с предыдущими периодами была открытость нашего движения... Новым было то, что критика власти велась на языке права. Это, действительно, была абсолютная новость в советской действительности, потому что все знали, что Конституция есть, в Конституции написаны прекрасные вещи, мы поем песни, что человек всегда имеет право на обучение, отдых и на труд и «ни в одной стране человек так свободно не дышит», как в «широка страна моя родная». Но мы знали, что закон – это одно, а наша жизнь – совсем другое»³.

Разрыв между закрепленными в Конституции правами и реальностью наиболее болезненным, конечно, оказался для субъектов творческого процесса, которые целенаправленно стремились выдавить из себя раба. Так, произведения А.И. Солженицына, в которых прослеживалось такое стремление, в анализируемый период не доходили до советского читателя и, естественно, жертва соответствующих запретов коммунистической номенклатуры не могла не поставить вопрос о реальных

¹ Диссидентское и правозащитное движение в СССР. URL : rushist.clow.ru/4/information/165.html (дата обращения: 07.05.2013).

² Алексеева Л.М. История и мировоззрение правозащитного движения в СССР и России. URL : http://www.polit.ru/tag/publ_lect (дата обращения: 12.05.2013).

³ Там же.

правах для тех, кто реализует себя в этом процессе и прежде всего праве творить в условиях отсутствия цензуры. Последний весенний месяц 1967 года отмечен в биографии писателя письмом к четвертому по счету съезду писателей страны, которая официально жила по нормам Конституции 1936 года. Однако основная часть делегатов писательского форума подпадала под типичную характеристику homo soveticus, что исключало позитивный настрой съезда. Более того, было ясно, что в скором времени одним членом Союза писателей СССР станет меньше. (А.И. Солженицын окажется вне данного Союза уже в следующем году.)

В силу сложившихся обстоятельств Александр Исаевич стал одним из ключевых авторов интеллектуальной продукции, появившейся в самиздате. Именно в указанный период «сеть распространения самиздата стала каркасом правозащитного движения. Самиздатские каналы послужили связующими звеньями для организационной работы»⁴. Необходимо также отметить, что в те годы накапливался первый опыт работы самиздата.

«Следующий период (1968–1975) в развитии диссидентского и правозащитного движения совпал с удушением процесса демократического обновления, приостановкой всяких попыток преобразования политических институтов, погружением политической жизни в состояние застоя. С 70-х гг. отчетливо обозначились застойные явления в экономике, культуре, социальном развитии. Этим процессам диссиденты противопоставили укрепление организационных основ своего движения и расширение его творческих возможностей...

В этот период возникли официально оформленные, легальные правозащитные организации: Инициативная группа защиты прав человека в СССР (действовала с мая 1969 г.), Комитет прав человека (с ноября 1970 г.)»⁵.

Инициативная группа представляла собой первый опыт соответствующей организационной структуры. Но поистине прорывным явилось функционирование Комитета. «Комитет прав человека был первой независимой общественной ассоциацией в Советском Союзе, получившей международное членство: в июне 1971 г. он стал филиалом Международной Лиги прав человека – неправительственной организации, имеющей консультативный статус при ООН, ЮНЕСКО и МОТ. Комитет вошел также как коллективный член в Международный институт права, возглавляемый Рене Кассеном (Страсбург). Члены Комитета поддерживали регулярные отношения с международными организациями по телефону, получали их документы и отправляли им свои»⁶.

«Правозащитникам удалось резко увеличить распространение самиздата, принципиально изменив этот процесс. Единичные случаи передачи рукописей на Запад они превратили в систему, отладили механизм «самиздат – тамиздат – самиздат» (тамиздатом стали называть книги и брошюры, отпечатанные за рубежом и возвращающиеся в таком виде в СССР)»⁷. Это привело к тому, что

⁴ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. URL : <http://www.memo.ru/history/diss/books/ALEXEEVA/index.htm> (дата обращения: 02.05.2013).

⁵ Диссидентское и правозащитное движение в СССР.

⁶ Алексеева Л.М. История и мировоззрение правозащитного движения в СССР и России.

⁷ Там же.

самиздатчики приобрели большую популярность, чем прежде, и начали восприниматься коммунистической номенклатурой как мощный конкурент на пропагандистском поле.

В анализируемый период Солженицын явно лидировал по количеству изданий своих работ за рубежом. «В 1968 году... в США и Западной Европе были без разрешения автора опубликованы романы «В круге первом» и «Раковый корпус», принёсшие писателю популярность... 11 июня 1971 года в Париже вышел роман Солженицына «Август Четырнадцатого», в котором ярко выражены православно-патриотические взгляды автора... 5 сентября 1973 года Солженицын... распорядился начать печатание «Архипелага ГУЛАГа» на Западе (в эмигрантском издательстве ИМКА-Пресс)... Реальное содержание «Архипелага ГУЛАГа»: художественное исследование советской лагерно-тюремной системы 1918–1956 годов»⁸.

«Книга, вызвавшая самый сильный резонанс за всю историю самиздата, – «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына – появилась в разгар наступления КГБ против самиздата, и выход ее в свет оказался в непосредственной связи с этим наступлением.

Оценивая воздействие «Архипелага», советский историк Рой Медведев написал: «Думаю, мало кто встанет из-за стола, прочитав эту книгу, таким же, каким он раскрыл ее первую страницу. В этом отношении мне просто не с чем сравнить книгу Солженицына ни в русской, ни в мировой литературе»⁹.

«Архипелаг ГУЛАГ» сыграл огромную роль в привлечении внимания международной общественности к одной из кардинальных проблем, поднятых правозащитниками, – к политическим преследованиям в СССР и условиям содержания политзаключенных»¹⁰.

Освещая вопрос о самиздате в указанный период, важно также обратить внимание на то, какое место в нем занимала «Хроника текущих событий». Рассматривая ее в реалиях того времени, прежде всего отметим, что «с 1968 года петиционные кампании (советских правозащитников. – М.С.) перешли в новое качество: протестующие апеллировали уже не только к советским официальным органам, но и к общественному мнению, требуя соблюдения прав человека, гарантированных Конституцией СССР. К московским активистам протестного движения хлынул поток сообщений о самых разнообразных случаях нарушения этих прав. По этим материалам начал издаваться специальный машинописный информационный бюллетень – «Хроника текущих событий» (1-й выпуск «Хроники» датирован 30 апреля 1968, последний, 64-й, – октябрём 1983). С возникновением «Хроники» акции протеста быстро приобрели черты общественно-правозащитного движения»¹¹.

⁸ Солженицын Александр Исаевич. URL : ru.wikipedia.org/wiki/Солженицын_ (дата обращения: 02.05.2013).

⁹ Медведев, Р. Сахаров и Солженицын. URL : ihst.ru/projects/sohist/papers/med01sm.htm (дата обращения: 04.05.2013).

¹⁰ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР.

¹¹ Диссиденты в СССР. URL : megabook.ru/Article.asp?AID=629855 (дата обращения: 05.05.2013).

Конечно, правозащитники понимали, что эффективность их борьбы во многом зависит от содержания затрагиваемых ими вопросов. «Тематика правозащитных выступлений постоянно расширялась. Московские правозащитники освещают такие проблемы, как положение политических заключенных в СССР; борьба «репрессированных народов» за свои права; гонения на верующих; преследования за попытки политической деятельности; свобода эмиграции из СССР. Московские правозащитники установили тесные информационные связи с активистами национальных движений на Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, Армении, Грузии. Не осталась за рамками их внимания и внешняя политика: одно из самых ярких выступлений правозащитников – «демонстрация семерых» – на Красной площади 25 августа 1968 сразу после вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию»¹².

Принципиально важно отметить, что в первые годы у советского правозащитного движения не было разработанной идеологической основы. С течением времени этот пробел был восполнен Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Александром Исаевичем Солженицыным. Они вынесли на суд правозащитного сообщества три интеллектуальных продукта программного характера. Первый назывался «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» и принадлежал крупнейшему ученому-физику, лауреату Нобелевской премии мира А.Д. Сахарову. Второй и третий были известны как «Жить не по лжи», «Письмо вождям Советского Союза», ставшие важной вехой в развитии социально-политической концепции лауреата Нобелевской премии по литературе А.И. Солженицына.

«Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» датируются 1968 годом. Сформулированные в настоящем трактате базовые положения сохранялись в концепции Сахарова до конца его жизни, кардинальных же изменений в его взглядах не прослеживалось, имели место лишь некоторые модификации.

«Жить не по лжи» – публицистическое эссе Александра Солженицына, обращенное к советской интеллигенции. Тематически оно примыкает к вышедшим в том же году в сборнике «Из-под глыб» эссе «На возврате дыхания и сознания», «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», «Образованщина».

«Жить не по лжи» было написано 12 февраля 1974 года, а уже 18 февраля 1974 года было опубликовано в лондонской газете «Daily Express». В СССР оно распространялось через самиздат, а официально впервые было опубликовано 18 октября 1988 года в киевской многотиражке «Рабочее слово».

Солженицын в этом эссе призывал каждого поступать по совести, не высказывать ни устно, ни письменно ни единой фразы, «искривляющей правду», не цитировать ни единой мысли, которую искренне не разделяет, не участвовать в политических акциях, которые не отвечают твоим желаниям, не голосовать за тех, кто недостоин быть избранным. Кроме того, Солженицын

¹² Диссиденты в СССР.

предлагал наиболее доступный, по его мнению, способ борьбы с режимом: «Самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь всё покрывает, всем владеет, но в самом малом упрётся: пусть владеет не через меня!»¹³.

«Письмо вождям Советского Союза» было составлено еще до ареста и высылки летом 1973 года и отправлено в ЦК КПСС 5 сентября. Позднее оно было обнаружено среди архивных материалов с пометками многих высших советских руководителей, поскольку Л.И. Брежнев велел К.У. Черненко ознакомить с письмом Солженицына всех членов Политбюро. Сам Брежнев впервые прочел это письмо в октябре и вновь просмотрел в конце декабря 1973 года. Непосредственно же на заседаниях Политбюро письмо Солженицына не обсуждалось, и он, конечно, не получил на него никакого ответа.

Полный текст «Письма вождям» был опубликован в Париже в марте 1974 года в форме небольшой брошюры на русском языке и почти сразу же переведен на многие языки мира¹⁴.

Следует иметь в виду, что идеология правозащитного движения не представляла собой механическое соединение идей, сформулированных в указанных работах. Их авторы по одним позициям выступали единомышленниками, по другим – оппонентами.

Солженицын изложил свои замечания по меморандуму «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» в письменной форме и передал их лично Сахарову, но в Самиздат не пустил. Это было обширное письмо, занимавшее двадцать с лишним страниц и начинавшееся с самых высоких похвал Сахарову, чье бесстрашное и честное выступление является «крупным событием современной истории». Солженицыну не нравилось, однако, что Сахаров осуждал в своем трактате лишь сталинизм, а не всю коммунистическую идеологию, ибо «Сталин был хотя и очень бездарный, но очень последовательный и верный продолжатель духа ленинского учения». Нет, по мнению Солженицына, и никакой «мировой прогрессивной общественности», к которой обращался Сахаров. Нет и не может быть «нравственного социализма»: «в превознесении социализма Сахаров даже и чрезмерен». Все это «гипноз целого поколения». Упускает Сахаров значение в нашей стране «живых национальных сил и живучесть национального духа», а все сводит к научному и техническому прогрессу. Нелепы и надежды на конвергенцию: эта перспектива «довольно безотраднa: два страдающих пороками общества, постепенно сближаясь и превращаясь одно в другое, что могут дать? – общество, безнравственное вперекрест». Не спасет Россию и интеллектуальная свобода, как не спасла она Запад, который «захлебнулся от всех видов свобод и предстает сегодня в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой»¹⁵.

¹³ Жить не по лжи. URL : ru.wikipedia.org/wiki/-Жить_не_по_лжи (дата обращения: 03.05.2013).

¹⁴ Медведев Р. Сахаров и Солженицын.

¹⁵ Там же.

А.Д. Сахаров полностью соглашался с тем, чтобы «жить не по лжи», демонстрировал готовность подписаться под каждой строкой соответствующего эссе А.И. Солженицына, солидаризировался с его стремлением преодолеть тоталитарную сущность советских социально-политических реалий. Вместе с тем будучи атеистом, убежденным интернационалистом, одинаково отвергая как тоталитаризм, так и авторитаризм, лауреат Нобелевской премии мира четко сформулировал основные расхождения с Солженицыным и его последователями в ответе на «Письмо вождям Советского Союза»: «Солженицын пишет, что, может быть, наша страна не созрела до демократического строя и что авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох, раз Россия сохранила при этом строе национальное здоровье вплоть до XX века. Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственно благоприятным для любой страны демократический путь развития...»¹⁶.

На призыв Солженицына к изоляционизму Сахаров отвечает призывом к укреплению международного сотрудничества: «Я... возражаю против стремления отгородить нашу страну от якобы тлетворного влияния Запада... Я глубоко убежден... что нет ни одной важной ключевой проблемы, которая имеет решение в национальном масштабе... только в глобальном масштабе возможны разработка и осуществление стратегии развития человеческого общества на Земле, совместимое с продолжением существования человечества. Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции»¹⁷.

Сахаров утверждал, что «...националистическая и изоляционистская направленность мыслей Солженицына, свойственный ему религиозно-патриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам... В значительной части русского народа и части руководителей страны существуют настроения великорусского национализма, сочетающиеся с боязнью попасть в зависимость от Запада и с боязнью демократических преобразований. Попав на подобную благоприятную почву, ошибки Солженицына могут стать опасными»¹⁸.

Расхождения между Сахаровым и Солженицыным – это расхождения между западниками и «почвенниками» в советском правозащитном движении, идейными отцами которых они являлись. Заслуги представителей каждого из этих течений в борьбе с тоталитарным режимом бесспорны. Вместе с тем мы полностью присоединяемся к предупреждению Сахарова насчет «очень существенных ошибок» своего оппонента. Эти предупреждения актуальны и поныне.

В анализируемый период стало обретать реальные очертания принципиально новое направление по оказанию материальной помощи советским правозащитникам, ставшим политическими заключенными. Именно тогда Солженицын «летом 1974 года на гонорары от «Архипелага ГУЛАГ» создал «Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям» для помощи полити-

¹⁶ Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза» // Знамя. 1990. № 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР.

ческим заключённым в СССР (посылки и денежные переводы в места заключения, легальная и нелегальная материальная помощь семьям заключённых)»¹⁹.

«Фонд продолжил, систематизировал и ввёл в организационные рамки начавшийся в 1966 году стихийный и спонтанный сбор денег для помощи людям, подвергающимся политическим преследованиям (в первую очередь – семьям политзаключённых). Одновременно создание Фонда «явочным порядком» восстанавливало дореволюционную традицию помощи политическим заключённым, продолжавшуюся в первые десятилетия советской власти и прерванную лишь в 1937 году закрытием легально действовавшего Комитета помощи политзаключённым («Помполита») Е.П. Пешковой»²⁰.

Третий период в истории правозащитного движения в СССР в эпоху Л.И. Брежнева датируется 1976–1982 годами. Его ключевым событием явилось подписание Советским Союзом 1 августа 1975 года «Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки», в соответствии с требованиями которого СССР взял на себя обязательства о соблюдении прав человека в стране. В связи с этим у движения появилась юридическая основа для дальнейшей деятельности и оно становится «правозащитным» в фактическом понимании этого слова»²¹.

12 мая 1976 года на пресс-конференции, созванной А.Д. Сахаровым, профессор Юрий Орлов объявил о создании группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (или, как ее стали называть, Московской Хельсинкской группы – МХГ). Появление МХГ и волна поддержки ее и в СССР, и на Западе дает основание этот новый период правозащитного движения назвать «хельсинкским»²².

В учредительном заявлении МХГ относительно содержания всех статей данного документа указывалось, что она ограничивает свою деятельность гуманитарными статьями Заключительного акта и что она будет принимать от граждан информацию о нарушениях этих статей, составлять на этой основе документы и знакомить с ними общественность и правительства стран, подписавших Заключительный акт»²³.

Разумеется, группа относилась дифференцированно к субъектам подписания Акта, поскольку, во-первых, одни из них были подлинно демократическими и соблюдали права человека, другие были тоталитарными и имели имманентно присущие существующей системе проблемы, связанные с правами человека, во-вторых, дифференциация коснулась и исключительно тоталитарного лагеря, не все государства которого голосовали в Организации Объединенных Наций за принятие Всеобщей декларации прав человека. Та же ситуация прослеживалась и в отношении Международных пактов по гражданским и политическим правам,

¹⁹ Солженицын Александр Исаевич.

²⁰ Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям. URL : ru.wikipedia.org...общественный (дата обращения: 02.05.2013).

²¹ Правозащитное движение в СССР.

²² Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР.

²³ Там же.

имевшим, кстати, важное значение для советского правозащитного движения в эпоху Л.И. Брежнева.

С учетом указанной дифференциации «МХГ призывала общественность других стран создать такие же группы. Но первый отклик пришел не из-за рубежа, а от сограждан из нерусских республик»²⁴.

Данный отклик был органически связан с явным нарастанием анализируемого движения за пределами столицы СССР, с объединением правозащитного движения с национальными и религиозными, проходившими «под лозунгом, выдвинутым Московской Хельсинкской группой: гражданские свободы, перечисленные в гуманитарных статьях Заключительного акта. Вырисовывалось нечто вроде народного фронта под хельсинкским флагом. Правозащитная идеология продемонстрировала способность стать основой организованного движения, включающего все социальные слои советского общества»²⁵.

Можно однозначно утверждать, что «Московская Хельсинкская группа оказалась зернышком, из которого выросло международное хельсинкское движение. Его смысл – «в подтягивании» положения с правами человека до стандарта, определенного Заключительным актом, в странах, где оно ниже этого стандарта»²⁶. Вновь отметим, что всё это было наименее актуально для стран традиционной демократии. Что же касалось стран социалистического лагеря, то группы по образцу МХГ были наиболее эффективны в тех из них, где сохранились остатки гражданского общества. Такого рода группы генетически связаны с рядом организаций, которые сыграли важную роль в ходе народно-демократических революций в Центральной и Восточной Европе в 1989–1990 годах.

Реальный размах правозащитного движения повлиял на поиск властями наиболее изощренных форм противодействия этому движению. При этом коммунистическая номенклатура стала прибегать к чудовищной клевете, приписывая правозащитникам преступления, которые они не только не совершали, но и принципиально осуждали. Приведем наиболее известный пример этой тактики:

«8 января 1977 г. в московском метро произошел взрыв, были человеческие жертвы... Советские источники информации... немедленно сообщили... о взрыве иностранным корреспондентам. Террористов стали искать тоже немедленно – среди московских правозащитников. На собраниях, проводимых по учреждениям и на предприятиях, а также на Запад через подставных лиц сообщали, что это – дело рук «диссидентов»²⁷.

МХГ созвала пресс-конференцию и передала корреспондентам заявление «По поводу взрыва в московском метро».

«Название «диссиденты» в Советском Союзе прочно закрепилось за участниками движения за права человека. Диссиденты имеют различные политические, религиозные, философские взгляды, а объединяет их то, что, добиваясь осуществления основных прав человека, они полностью отвергают насилие или

²⁴ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

призывы к насилию как средство осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением...»²⁸.

В анализируемом случае коммунистическая номенклатура ясно продемонстрировала всему миру грубейшее игнорирование принципа презумпции невиновности. Заметим, что ни один советский правозащитник не был арестован по подозрению в причастности к указанному взрыву, компетентные органы не привели никаких доказательств подобной причастности к нему указанных лиц. Естественно, власть потерпела моральное поражение. Ее поведение в этой ситуации резко и открыто осудил А.Д. Сахаров. Поражение организаторов провокации было чувствительным и оказало влияние на международные отношения. С советскими правозащитниками впервые открыто солидаризировалась федеральная исполнительная власть в цитадели свободного мира. В конце января 1977 года Государственный департамент Соединенных Штатов Америки официально принял сторону Сахарова в его противостоянии советской репрессивной машине. Пройдет несколько недель и то же самое сделает глава американской администрации Джеймс Картер. В начале второго квартала того же года он будет иметь беседу с глазу на глаз с соратником А.Д. Сахарова по рассматриваемому движению Владимиром Буковским.

Американцы продемонстрируют четкое и ясное понимание требований советских правозащитников и на Белградской конференции, которая приступила к работе в начале последнего квартала 1977 года. Настоящий форум был призван заняться «проверкой выполнения Хельсинкских соглашений, к которой более всего адресовались Хельсинкские группы. Позиция демократических стран не была твердой. Европейские страны не решились поддержать американскую делегацию, обвинявшую СССР в нарушении гуманитарных статей, и ослабили ее усилия. Но все-таки это была первая международная встреча на правительственном уровне, где Советскому Союзу предъявили обвинения в области прав человека. Беспрецедентной была и постановка вопроса: на Белградской конференции использовались материалы независимых общественных ассоциаций – Хельсинкских групп, то есть претензии советских граждан к своему правительству.

Это была большая победа правозащитников. Это был первый шаг правительств демократических стран Запада навстречу силам либерализации в СССР.

Данные силы в первые годы после Хельсинки ощущали некоторое ослабление репрессий, что было связано со стремлением Кремля получить кое-что взамен от Запада. Сами же репрессии, конечно же, не прекратились. В 1979 году последовала новая волна репрессий, продолжавшаяся до 1981 года.

«Отличие репрессий, начавшихся в 1979 г., от всех прежних – в одновременном наступлении сразу на все направления инакомыслия, причем всюду репрессии распространялись в первую очередь на открытые общественные ассоциации и всюду метили прежде всего по ключевым фигурам, а также по «связным» в неподконтрольном властям механизме распространения идей и информации, хорошо налаженном к этому времени... Такая стратегия репрессий обу-

²⁸ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР.

словила их направленность на ведущих правозащитников, на ядро движения в Москве и его «ответвления» по стране»²⁹.

Два года самых масштабных за всю брежневскую эпоху репрессий предопределили резкое ослабление правозащитного движения. Вместе с тем не было оснований утверждать, что советское правозащитное движение исчезло. Люди, для которых главным нравственным ориентиром была совесть, в СССР оставались, и, естественно, среди них обязательно находились те, кто проявлял себя как субъект правозащитного движения.

Хельсинкский период был отмечен существенной активизацией деятельности такой структуры, как «Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям». Настоящая «деятельность привлекла к себе множество людей, которые стали добровольными помощниками Фонда; в конце 1970-х и начале 1980-х годов Фонд был одной из самых многочисленных и известных диссидентских ассоциаций»³⁰. Он не намного пережил окончание эпохи Брежнева как структура, действовавшая в открытом режиме. Хорошо известно, что «распорядители и активисты Фонда постоянно подвергались преследованиям; в 1983 году в результате репрессий и провокаций открытая деятельность Фонда прекратилась»³¹.

Точные подсчеты численности участников диссидентского и правозащитного движения в Советском Союзе вряд ли возможны. «По приблизительным подсчетам историков, в 1967–1970 гг. и 1971–1982 гг. по «чисто» политическим статьям УК РСФСР и других республик было арестовано около 10 тыс. человек. Еще несколько тысяч оказались в тюрьмах и лагерях как «националисты», «религиозники», «тунеядцы», «нарушители паспортного режима», «злостные нарушители общественного порядка». Таким образом, к уголовной ответственности привлекалось около тысячи человек в год из числа диссидентов разных течений»³². Конечно, в условиях тоталитарного режима, в условиях действия изощреннейшей репрессивной машины максимальное соотношение между арестованными и неарестованными диссидентами, правозащитниками было один к одному. Если исходить из такого соотношения, можно утверждать, что к указанному движению относилось немногим более одной сотой процента населения СССР.

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

«Правозащитники не добились своей прямой цели – улучшения положения с правами человека в СССР. Власти отвергли предлагаемый им диалог на эту тему... преподанный правозащитниками пример «непротивозаконного свободомыслия»... их жертвенная верность своему идеалу оздоровили нравственный климат советского общества, помогли выбиться из безвестности национальным и религиозным движениям, проложили дорогу независимой политической мысли, ныне ищущей альтернативы существующему строю на разных путях – от «социализма с человеческим лицом» до возвращения к национальным устоям»³³.

²⁹ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР.

³⁰ Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям.

³¹ Там же.

³² Диссидентское и правозащитное движение в СССР.

³³ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Алексеева, Л.М. История и мировоззрение правозащитного движения в СССР и России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.polit.ru/tag/publ_lect (дата обращения: 12.05.2013).
2. Алексеева, Л.М. История инакомыслия в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.memo.ru/history/diss/books/ALEXEEWA/index.htm> (дата обращения: 02.05.2013).
3. Диссидентское и правозащитное движение в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : rushist.clow.ru/4/information/165.html (дата обращения: 07.05.2013).
4. Диссиденты в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : megabook.ru/Article.asp?AID=629855 (дата обращения: 05.05.2013).
5. Жить не по лжи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ru.wikipedia.org/wiki/Жить_не_по_лжи (дата обращения: 03.05.2013).
6. Медведев, Р. Сахаров и Солженицын [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ihst.ru/projects/sohist/papers/med01sm.htm (дата обращения: 04.05.2013).
7. Правозащитное движение в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : stockauction.ru/84145b508830df71.html (дата обращения: 14.05.2013).
8. Русский общественный Фонд помощи преследуемым и их семьям [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ru.wikipedia.org/...общественный (дата обращения: 02.05.2013).
9. Сахаров, А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза» [Текст] // Знамя. – 1990. – № 2.
10. Солженицын Александр Исаевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ru.wikipedia.org/wiki/Солженицын,_ (дата обращения: 02.05.2013).

M.V. Strelets

HUMAN RIGHTS MOVEMENT IN THE SOVIET UNION DURING THE BREZHNEV ERA: SOME ASPECTS OF HISTORY

The article focuses on the history of human rights movement in the Soviet Union during L.I. Brezhnev's rule. The author singles out the main stages of the movement's development and views them against the background of Soviet and international realia. The author maintains that under L.I. Brezhnev's rule human rights movement underwent sustainable development and achieved international acceptance. The development of human rights movement, which relied greatly on the guidelines suggested by the Helsinki Process on Globalization and Democracy, was impeded by the totalitarian regime. The first stage of development is dated 1964–1967, the second – 1968–1975, the third – 1976–1982.

democracy, dissidents, politics, human rights movement, repressions, Solzhenitsyn, the Soviet Union, totalitarianism.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 8Р2

А.Е. Аркагова

«ЧУДО ДУХОВНОСТИ» ВЕРЫ ГАНГАРТ (О ПОЭТИКЕ ОДНОГО ЖЕНСКОГО ПЕРСОНАЖА В ПОВЕСТИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»)

Для многих мужских персонажей А. Солженицына взаимоотношение с женщиной становится важной вехой их внутреннего становления, переосмысления ценностей. В повести «Раковый корпус» одной из таких героинь изображена Вера Гангарт. Как персонаж Вера представлена и через видение главного героя – Олега Костоглотова, и через личное пространство, наедине с собой. И Костоглотов, и Вера являются жертвами истории и нуждаются в моральном исцелении. Вера играет важную роль не только в возвращении Олегу мужской энергии, но и в его духовном воскрешении. Она вновь вселяет в него ощущение важности жизни, обесцененной в ГУЛАГе. Костоглотов, в свою очередь, освобождает Веру от тяжести воспоминаний, позволяет перейти на иной уровень постижения себя как женщины. Жизненное соединение героев оказалось невозможным. Однако светлая динамика отношений наполняет их жизнь смыслом и надеждой.

Солженицын А.И., «Раковый корпус», героиня, повесть, женское пространство, телесность, персонаж.

В прозе А.И. Солженицына мужские персонажи нередко переживают переход от одной стадии жизни к другой, сопровождающийся внутренним пере рождением и переоценкой ценностей. Нередко своеобразным «нравственным проводником» в этот период для них являются женщины. В рассказе «Матрёнин двор» (1959) возвратившийся из ссылки Игнатич постепенно открывает для себя праведность Матрёны, которая на время осветила его нелёгкий жизненный путь. В романе «В круге первом» (1955–1968) переосмысливающий свою жизнь и отношение к государству возвращающийся к семейным истокам Иннокентий Володин встречает поддержку и понимание со стороны юной, тянущейся к справедливости Клары. В повести «Раковый корпус» (1963–1967) бывший зэк Олег

Костоглотов, приехавший на лечение из ссылки, оказывается в окружении женщин-врачей онкологического диспансера, которые не только излечивают его смертельную болезнь, но и помогают моральному выздоровлению. После лагеря, где жизнь Костоглотова была абсолютно обесценена, в больнице о нем заботятся. Заведующая лучевым отделением Людмила Донцова, студентка Зоя и лечащий врач Вера Гангарт каждая по-своему борется за его спасение и способствует обретению уверенности героя в своей человеческой и мужской значимости. Особую роль в нравственном исцелении Костоглотова играет Вера. В отношениях героев присутствует хрупкость и недосказанность.

В повести прослеживаются два взаимодополняющих аспекта репрезентации Веры как персонажа: во-первых, ее образ представлен через видение и восприятие главного героя – Олега Костоглотова, во-вторых, в главе 25-й показано замкнутое личное пространство героини, в котором она остается наедине с собой, что дает возможность читателю проникнуть в ее сокровенные мысли и чувства.

Отношение Костоглотова к Вере многогранно. Оно основано и на чувственно-эротическом восприятии, и на глубокой потребности в общении. Наиболее ярко любовные чувства Костоглотова выражаются в свойственной ему тенденции визуально фрагментировать лицо и тело Веры. Хотя герой часто обращает внимание на ноги, спину и талию, для него в облике Веры все же выделяются губы: «Ещё вот: зачем она губы красила? Это было грубовато для неё, это нарушало её тонкость»¹. По замечанию А.В. Урманова, губы Веры «автономизированы», что позволяет литературоведу говорить о них как о «метонимическом замещении» женских персонажей (Веры и Зои) в произведении: «Губы существуют словно бы сами по себе, отдельно от человека, которому принадлежат»².

Тем не менее, интерес Костоглотова к внешности Веры отнюдь не значит, что она представляет для него лишь объект вождления. Он относится к ней как к целостной и самодостаточной личности. Несмотря на «метонимическую замещённость», губы Веры индивидуализированы. Внимательный взгляд Костоглотова «вычитывает» в них подтверждение ее уникальности: «Все чувства Веры Корнильевны ещё прежде глаз выражались в её отзывчивых лёгких губах» [С. 65]; «Губы её никогда не оставались равнодушны к тому, что они произносили. Крохотными движениями – изгибом, не одинаковым слева и справа, чуть вывертом, чуть передёргом – они поддерживали мысль и уясняли» [С. 282]. Губы Зои герой ощущает исключительно телесно. Для него они не несут сильного отпечатка ее личностной неповторимости: «Она одними только алчными огневатыми губами протащила его сегодня по Кавказскому хребту» [С. 210]. Губы сюрреалистически «воспаряют» над ее телом, над пространством, в котором находятся персонажи. Кавказ – традиционный топос изображения страстей, место

¹ Солженицын А.И. Раковый корпус // Собр. соч. : в 30 т. М. : Время, 2012. Т. 3. С. 194. (Далее произведение цитируется по данному изданию с указанием в скобках страниц; сохраняется авторская орфография и пунктуация.)

² Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына : альманах / сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М. : Русский путь, 2005. С. 378.

романтических сюжетов в русской литературе и живописи. Поцелуем Зоя как бы «впускает» Костоглотова в этот локус, позволяя ему проникнуться страстью. Чувственное сотрясение, долго отсутствовавшее в жизни Олега, настолько овладевает им, что этот «Кавказский хребет» «страсти» образно срывается с ним, с его собственным спинным «хребтом»: «И пока это самое *либидо* ещё струилось в его ногах, в его пояснице, надо было спешить целоваться!» [С. 210].

В течение долгих лет, проведенных Костоглотовым в лагере, он жил исключительно среди мужчин. Начав трудный процесс выздоровления, герой испытывает нарастающую потребность в общении с женщиной. Его отношения с Зоей – это в большей степени эгоистически-плотский порыв, необходимый для мужского самоутверждения после жизни в лагере и после болезни: «Все страсти жизни возвращались в выздоравливающее тело!» [С. 151]; «Как привязанный поднимался Олег за Зоей по лестнице. Он не думал о смертнике за спиной, каким сам был полмесяца назад, или будет через полгода, а думал об этой девушке, об этой женщине, об этой бабе, и как уговорить её уединиться» [С. 211]. Хотя и Вера, безусловно, привлекает Костоглотова как женщина, этим его отношение к ней не исчерпывается. Вера помогает восстановлению духовной личности героя и делает возможным прилив светлой, созидательной энергии, утраченной в ГУЛАГе.

Для Костоглотова Вера – воплощение духовной чистоты. Ее образным лейтмотивом становится газель (антилопа), являющаяся во многих мифологических системах священным животным, символом души, света или спасения³. В сцене посещения Олегом зоопарка (глава 35) увиденные там животные превращаются в галерею реализованных метафор, типажей ГУЛАГа, отягощающих душевное состояние героя. Лишь антилопа-нильгау, перевоплощенная его воображением в Веру, предстает как «чудо духовности»: «Нет, это было так похоже, что вынести невозможно! <...> Это – наваждение было, это – переселение душ...» [С. 426].

В античной мифологии образ газели присутствует в сюжетах, относящихся, например, к культу Артемиды и Дианы, где она является лунным животным⁴, что соотносится с астрономической образностью, сопутствующей героине в произведении. Погибший жених Веры отождествлял возлюбленную со звездой, носящей ее имя – Вега (*Вера Гангарт*). Теперь это лично-любственное «определение» заимствует и Костоглотов: «– Скажите, как вас в школе звали? – вдруг спросил он. <...> Её газельки тонкие ноги он заметил ещё в первый раз... – Вега, – сказала она. <...> – Вега? В честь звезды?» [С. 201]. «Звёздная аура» Веры – источник исходящего от нее света, ее загадочности, которая имеет завораживающее, почти магическое влияние на Олега. Кроме того, как культовое животное Артемиды-Дианы, антилопа связана с символикой плодородия и деторождения⁵. Это отсылает читателя к мыслям

³ Газель // Мифы нашего мира : большой мифологический словарь. URL : <http://ml.vol-py.edu/> (дата обращения: 09.05.2013).

⁴ Мифы народов мира : энциклопедия / С.А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 107–108.

⁵ Frazer J.G. The golden bough: a study in magic and religion. N.Y. : The Macmillan Company, 1960. С. 162–163.

Веры о материнстве и её желании иметь ребёнка, девочку: «Вот если бы собственную, настоящую дочь!» [С. 296].

Таким образом, отношение Костоглотова к Вере основано на духовной близости, сочетающейся с влечением. Однако чувство героя не воплощается в истинную, неизбывную любовь, в высшее проявление Эроса, основанное на «неразрывном соединении двух жизней в одну»⁶. В конце повести Костоглотов уезжает, посылая Вере прощальное письмо: «Но, Вега! Если б я вас застал, могло бы начаться что-то неверное между нами, что-то насильно задуманное! <...> Вы полжизни своей закололи, как ягнёнка, – пощадите вторую!» [С. 444]. Несмотря на желание быть вместе, он предотвратил возможность сближения, решив за двоих.

Для него Вера – неземное создание, чуждое материальности и быта. У порога ее дома Олега отталкивает вид «тяжёлых подушек» [С. 430], которые символизируют обыденность, мещанство, энтропию духовного и чистого. Они заслоняют тонкую, лучистую ауру Веги: «Всё это очень не подходило, чтобы здесь жила Вега. Слишком отяжелённые подступы. <...> если б ещё не подушки, он бы сообразил, решился на что-то... Но где женщина и мужчина сговорились быть вместе – эти пухлые мягкие морды ждут уверенно своего. Они знают, что не ошибутся» [С. 428, 430–431]. Неудивительно, что Олег, решая оставить Веру, вновь актуализирует мысли о плотской любви, очевидные в сцене поездки в переполненном автобусе: «А к беленькой его прижало всем телом, от колен и до подбородка он чувствовал её всю, и она тоже не могла его не чувствовать. <...> А потом хоть и тесно, но уже не столько жали сзади, и уже мог бы Олег немножечко и отклониться. Но он не сделал так: у него не стало воли оторваться и прекратить это блаженство-мучение» [С. 437–438].

В 25-й главе «Вега» героиня впервые представлена наедине с собой, в своей комнате. Читатель получает возможность «войти» не только в ее домашнее, но и «ментальное пространство». «Взгляд» Костоглотова на Веру вследствие профессиональной дистанции между пациентом и лечащим врачом, непродолжительности знакомства и отдаленности героя от женского мира фрагментарен и привносит в читательское восприятие этого женского персонажа элемент недосказанности. Глава «Вега» компенсирует «пустоты» мужского видения. Посредством несобственно-прямой речи мы узнаем о смерти матери и брата Веры, об ее учебе в университете, профессиональном пути, гибели жениха на фронте и долголетнем одиночестве.

Комната Веры – это характерно женское пространство. Большинство вещей, находящихся здесь, несут на себе отпечаток личности героини. Текстуально представленные в уменьшительно-ласкательной форме («вазочка», «стеклянная пирамидка», «рамочка», «флакончик», «чехолчик электропроигрывателя»), они отражают грациозность и хрупкость Веры, утонченность ее мироощущения. Некоторые предметы интерьера свидетельствуют о сохранившейся душевной связи с матерью: «мамин комод» [С. 290], «глубокое мамино кресло» [С. 291].

⁶ Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына. С. 382.

В своем пространстве Вера частично воспроизводит один из сказочных архетипов женственности – типаж Золушки. Идя домой, она получает «удовольствие от каждого переступа туфелькой по сухому асфальту» [С. 288]. По приходу Вера начинает уборку, изображенную в виде изящного танца: «И каждый этот переброс Вера делала с удовольствием, как изменяющиеся в танце па» [С. 290]. Затем она, сидя в «мамино» кресле «до полуночи» [С. 296], погружается в мечтания. «Сказочные действия» налагаются друг на друга, преобразуя комнату Веры то в бальный зал, то в место для домашних дел и тайных грез. Астрономическая символика, сопровождающая образ Веги, и шкала приемника, светящаяся, распространяющая «звездную зелень» [С. 292], метафорически превращают комнату в маленькую Вселенную. Вера, слушая сюиту из балета Чайковского «Спящая красавица» (еще один основополагающий сказочный сюжет), мысленно разговаривает с Костоглотовым. Отталкиваясь от героев Хемингуэя и Мериме, она раскрывает воображаемому собеседнику «теорию о мужчинах и женщинах» [С. 292], выражает особое видение идеала мужественности и женственности: «Хемингуэевские сверхмужчины – это существа, не поднявшиеся до человека, мелко плавают Хемингуэй. <...> Совсем не это надо женщине от мужчины: нужна внимательная нежность и ощущение безопасности с ним – прикрытости, укрытости. <...> А с женщиной запутали ещё больше. Самой женственной объявили Кармен. Ту женщину объявили самой женственной, которая активно ищет наслаждения. Но это – лже-женщина, это – переодетый мужчина» [С. 292].

Сидя в кресле матери, Вера представляет себя «победительницей»: «Она слушала много пластинок и самые щемящие из них выслушала легко. И – марши слушала. И марши были – как триумфы, во тьме внизу проходящие перед ней. А она в старом кресле с высокой торжественной спинкой, подобрав под себя бочком лёгкие ноги, сидела победительницей» [С. 296]. Существительные «марш» и «триумф», ассоциируемые с мужским началом, оттеняют хрупкость и незащищенность Веры, почти по-детски устроившейся в «мамино» кресле. С другой стороны, кресло подобно колеснице, в которой героиня, победоносно возвышаясь и обдумывая свои отношения с мужчинами, ощущает мудрость, уверенность и внутреннюю силу⁷. Чувство Костоглотова, его мужественность, тяжелый опыт ГУЛАГа и борьба со смертельной болезнью побуждают ее отпустить погибшего жениха как часть прошлого: «Но именно теперь она ощутила умершего как мальчика, не как сегодняшнего сверстника, не как мужчину, – без этой косной тяжести мужской, в которой только и есть пристанище женщине. Он не видел ни всей войны, ни конца ее, ни потом многих тяжелых лет, он остался юношей с незащищенными чистыми глазами» [296].

Костоглотов и Вера, встретившие друг друга на дороге жизни, восполняют «пробель», пустоты во внутренних мирах друг друга. В то время как своей душевностью и добротой Вера помогает исцелению его исстрадавшегося в ГУЛАГе «я», Костоглотов дает ей возможность переосмыслить себя и начать жить по-новому. До встречи с ним Вера была эмоционально закрытой и пребывала лишь

⁷ Колесница – один из атрибутов богини Дианы.

в мире воспоминаний: «Личная жизнь!.. Как личина какая-то сползающая. Как личинка мёртвая сброшенная. <...> Шли долгие годы обычной мирной жизни, а Вега жила и ходила как в постоянном противогазе, с головой, вечно стянутой враждебной резиной» [С. 291, 295]. Костоглотов помогает открыться миру, освободиться от ностальгии и перейти на иной уровень восприятия себя как личности и как женщины.

Несмотря на то, что Вера надеется на дальнейшее развитие отношений, реализоваться им не дано. По дороге домой Веру охватывает внезапное желание увидеть урюк: «Вдруг захотелось ей сейчас, в обгон весны, непременно увидеть хоть один цветущий урюк – на счастье...» [С. 288]. Дерево, как символ плодородия и продолжения жизни, указывает на стремление Веры создать семью. Однако в тексте повторно, почти на уровне лирического рефрена, подчеркивается невозможность осуществления этих желаний: «Но – рано было для того. Деревья только чуть отзеленивали от серого... Было – рано» [С. 288]. Ранняя весна – знак преждевременности надежды на личное счастье. В главе 35-й «Первый день творения» Костоглотов, только что выписавшийся из больницы, тоже мечтает увидеть урюк: «Все планы ломая, придумал Олег непутёвое: сейчас же, по раннему утру, ехать в Старый город смотреть цветущий урюк» [С. 406]. Оба персонажа совершают параллельные действия. Олегом и Верой движет один и тот же мистический порыв, свидетельствующий об их понимании друг друга и эмоциональной совместимости.

В отличие от Веры Костоглотову удается найти урюк – дерево, тесно сросшееся с домашней и семейной жизнью: «Как в комнате северного дома стоит украшенная ёлка со свечами, так в этом замкнутом глиняными стенами и только небу открытом дворике, где жили как в комнате, стоял единственным деревом цветущий урюк, и под ним ползали ребятишки, и рыхла земля женщина в чёрном платке с зелёными цветами» [С. 410]. Это открытие связано не только с более поздним периодом весны, но и с несовпадением жизненных фаз героев. В то время как Вера готова к семейной жизни, Олегу еще необходимо воссоздать и осознать себя как личность. Лагерный опыт и болезнь остановили для него ход времени. В главе 35-й он предстает как «ребенок», который первооткрывает мир, радуется «первому дню», данному Богом, и учится жить заново: «Всё было ново для него в этом первом дне новой жизни, всё надо было понять. <...> Ларёчнику лень было говорить, он одну палочку приподнял за конец, помахал ею Олегу как ребёнку <...> ведь он как ребёнок, ведь он родился только что» [С. 409, 411, 415].

Это «детское», «возрождающее» состояние Олега согласуется с тем, что Вера как врач выполняет функции «матери», выражающиеся в заботливом отношении к пациентам: «И она обоим им (Ахмаджану и Костоглотову. – А.А.) улыбнулась и подняла палец, как предупреждают детей, чтоб сидели без неё тихо. <...> – Он стал у нас получать дополнительное, – голосом няни, нараспев, ласково вставила Вера Корнильевна и улыбнулась Дёме» [С. 41, 46]. Именно Вере в первый вечер их знакомства Костоглотов представляется как «че-ло-век»: «– Кто вы такой? – спросила она. – Че-ло-век, – негромко, с безразличием ответил он» [С. 59]. Обессилен-

ный ответ бывшего эка, умирающего на полу больницы, есть провозглашение высшей ценности человеческой жизни. В ранней версии повести, вышедшей в издательстве «ПОСЕВ» (1969), Вера в разговоре с Донцовой смягчает «человеческое» самоопределение Костоглотова до уменьшительной версии «человечка», тем самым по-матерински подчеркивая хрупкость жизни и важность ее спасения: «— При таком запущенном исходном состоянии — такое блистательное начало, — сказала она. — Только очень уж упрямый человек»⁸.

В ночь знакомства, наблюдая за спящим Костоглотовым, Вера замечает, как он укрыт и обут: «Мокрую шинель он снял, но всё равно ею же и накрылся: одну полу тянул на ноги, другую на плечи. Ступни сапог свешивались с краю скамьи. На подмётках сапог места живого не было — косячками чёрной и красной кожи лагали их. На носках были металлические набойки, на каблуках подковки» [С. 62]. Эта сцена предвосхищает другую, заключительную — отъезд Олега из Ташкента: «Только когда дрогнул и тронулся поезд — там, где сердце, или там, где душа, — где-то в главном месте груди — его схватило — и потянуло к оставляемому. И он перекрутился, навалился ничком на шинель, ткнулся лицом зажмуренным в угловатый мешок с буханками. Поезд шёл — и сапоги Костоглотова, как мёртвые, побалтывались над проходом носками вниз» [С. 447].

В этих двух эпизодах особое внимание уделено вещам главного героя. Через них прослеживается внутренняя трансформация персонажа, его перерождение. Эти вещи стали частью его самого: шинель — вариант образа телогрейки из рассказа «Матрёнин двор», напоминание о фронтовом и лагерном периодах, а также неоднократно фиксируемые в тексте «залатанные» сапоги, говорящие об уже пройденном долгом и трудном пути. Эта как бы сросшаяся с собственной кожей Олега, не имеющая «живого места» обувь — свидетельство многочисленности душевных ран и вызванного болезнью крайнего физического измождения. Тем не менее, её изношенность — это и стёртость прошлой жизни героя, преддверие новой. Начало больничного периода, запечатление почти умирающего Костоглотова взглядом Веры на самом деле является и первой ступенью восхождения персонажа, его возвращения к жизни.

Покидая больницу в свой «первый день творения», Костоглотов, «на цыпочках ступая тяжёлыми сапогами» [С. 405], выходит из палаты. В сцене перед зеркалом в универмаге он едва узнаёт себя и свою одежду: «Только отдалённо была похожа эта шинель на шинель и эти сапоги на сапоги» [С. 419]. В момент же отъезда его сапоги «мертвеют», окончательно воплощая «исхоженность», законченность прежней жизни, свидетельствуя о движении вперед («поезд шёл»): «Другие не дожили, а он дожил. И вот от рака не умер. Вот и ссылка уже колетса, как яичная скорлупа» [С. 447]. Образ «яичной скорлупы» также связан с идеей рождения, появления новой жизни, во многом обретенной благодаря Вере.

⁸ Солженицын А.И. Раковый корпус // Собр. соч. : в 6 т. Frankfurt/Main : ПОСЕВ, 1969. Т. 2. С. 73.

Вера нравственно и жизненно противостоит злу истории. Несмотря на выпавшие на ее долю несчастья, она сохранила тонкость душевного строя, гармонию мудрой и сильной женщины, осветившую путь главного героя. Атмосфера лагеря не способствовала открытым, искренним взаимоотношениям, атрофировала веру в возможность светлой жизни. Любовная стихия, захлестнувшая Костоглотова после выхода из лагеря и в период выздоровления, оживила его мужскую силу. Однако Вера не только возродила в нём физическую энергию, но и воскресила духовно. Несмотря на несоединение персонажей, чувство Костоглотова *приближено* к идеальному воплощению любви, сочетающей духовное и физическое начала. Оно возвращает ощущение ценности жизни и помогает преодолению смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Мифы народов мира [Текст] : энциклопедия / под ред. С.А. Токарева. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. – 671 с.
2. Мифы нашего мира [Электронный ресурс] : большой мифологический словарь – Режим доступа : <http://ml.volny.edu/> (дата обращения: 09.05.2013).
3. Солженицын, А.И. Собр. соч. [Текст] : в 30 т. / А.И. Солженицын. – М. : Время, 2012. Т. 3 : Раковый корпус. – 552 с.
4. Солженицын, А.И. Раковый корпус [Текст] // Собр. соч. : в 6 т. – Frankfurt/Main : ПОСЕВ, 1969. – Т. 2. – 592 с.
5. Урманов, А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына [Текст] // Между двумя юбилеями (1998–2003): писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына : альманах / сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. – М. : Русский путь, 2005. – С. 371–384.
6. Frazer, J.G. The golden bough: a study in magic and religion. [Text] : monogr. – New York : The Macmillan Company, 1960. – 864 с.

A.E. Arkatova

Solzhenitsyn's fictions show many examples of male characters who undergo a life-altering change that is often precipitated by a relationship, whether romantic or platonic, with a woman. The article examines the poetics of femininity in the character of Vera Gangart in "Cancer Ward". As a character Vera is presented through the vision of the protagonist Oleg Kostoglotov as well as alone, in her private space. Both the protagonist and Vera have suffered the blows of history and need support. Vera helps Oleg reintegrate himself morally and psychologically. In turn, Oleg's presence in Vera's life frees her from the state of emotional stasis she has existed in since World War II. The family union between them is not realized. However, the dynamics of characters' relations fills their life with hope and meaning.

female character, narrative, female space, corporality, personage.

УДК 8Р2

Т.Е. Смыковская

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ А. СОЛЖЕНИЦЫНА В КОНТЕКСТЕ ПАСХАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭПОПЕИ «КРАСНОЕ КОЛЕСО»)

В настоящее время недостаточно проанализированными или совсем не изученными остаются некоторые значимые составляющие художественного мира эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо», не являлась предметом специального исследования и пасхальная составляющая, играющая немаловажную роль в итоговом осмыслении произведения, в прояснении и постижении авторской концепции. Пасхальность в эпопее демонстрирует не просто органическую связь русской действительности с праздником Пасхи и ее традициями, но главным образом поступательный отход от православия, глубоко усвоенного Русью с принятием христианства. Автор десятитомного повествования показывает постепенную утрату пасхальности как основной координаты сознания русского человека, познает причины данного процесса, ищет истоки нравственного кризиса, воплотившегося в масштабную духовную катастрофу. Взаимосвязь «пасхальной вертикали» с авторским концептом идеальной личности прослеживается на примере женских образов эпопеи.

пасхальность, пасхальная вертикаль, женский образ, эпопея, христианство, православие, система персонажей, Солженицын А.И., «Красное колесо».

Принадлежность А. Солженицына к христианской культурной парадигме прослежена многими известными солженицыноведами (П.Е. Сливаковский, С.В. Шешунова, А.В. Урманов и др.). Однако при всей многогранности подходов и многообразии точек зрения женские образы автора практически не рассматривались исследователями с позиций православного дискурса¹. Исключением не стали и героини главного произведения писателя – эпопеи «Красное Колесо» (1965–1990).

Среди литературоведов и критиков бытует мнение о Солженицыне как писателе, чей художественный мир наполнен образами мужчин, женщинам же отводится второстепенная роль, сводящаяся к дополнению и акцентировке мужских персонажей. Это суждение не вполне справедливо, поскольку уже в рассказе «Матрёнин двор» (1959) сконцентрированы ключевые свойства художественного космоса автора и центральной героиней является женщина. Не применима подобная трактовка к «узловому» произведению писателя – «Красному колесу». Солженицын не раз указывал на то, что в его эпопее нет главного героя, каждая глава имеет своего стержневого персонажа, организующего некоторый отрезок повествования и формирующего определенное, свойственное ему идейно-художественное поле.

¹ В этот ряд не попадает, пожалуй, лишь образ Матрёны Васильевны, изначально неотделимый от концепции праведничества.

Героиней, консолидирующей кубанские главы «Августа Четырнадцатого», является Ирина Томчак. В частях произведения, воплощающих стольпинский идеал земельного управления, определяющим должен был бы стать образ мужчины, хозяина экономии. Однако перед читателем иная картина. Первой из кубанских значится глава, посвященная именно Ирине. Взглядом Ори освещено устройство особняка, его владельцы, традиции, царящие в семье. Через Ирину преломляются образы других обитателей томчаковского дома. Ирина, вписанная в национальный контекст (православная вера, русская старина), противопоставлена Ксенье с ее западным ореолом (Эллада, Айседора Дункан, Париж, иностранные книги). Посредством оценок невестки и в диалогах с ней раскрывается образ Захара. Сквозь призму ссоры с женой представлен Роман. Даже в главах, где Ирина не действует активно, она присутствует незримо, ее точка зрения актуализируется повествователем (глава 5 «Августа», имплицитная Орина позиция на воспитание племянницы оказывается антонимична взглядам Аглаиды Федосеевны).

Акцентированию героини способствует авторский взгляд на личность, представление писателя о смысле жизни, о роли человека на земле. В знаменитой Гарвардской речи Солженицын так обозначил цель человеческого существования: «... весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал её»². Трудно не согласиться с исследователями, возводящими концепцию личности у Солженицына к религиозным ценностям и заповедям, к нравственно-этическому преображению³. В эту парадигму включен и образ Ирины Томчак, которая чтит посты и христианские праздники, вера делает ее добрее и терпеливее. В день Преображения Оря со свекровью едет в церковь, где ссора с мужем, произошедшая накануне, кажется чем-то несоразмерным великому Божественному замыслу. Возвратившись домой, она просит у Ромаши прощение и решает: «... впредь никогда не допустить ни одной больше ссоры, а чуть поссорившись — тут же виниться первой, ибо только в этом христианство»⁴. Одним из ключевых элементов, организующих образ Ирины, становится «пасхальная вертикаль», указывающая на неизменное стремление героини внутренне возвыситься, стать более духовной, более нравственной. Вертикально ориентирован внешний облик Ирины: золовка Ксения выделяет «постоянную прямизну», а повествователь не раз подчеркивает «прямоносимую голову», «высокую шею», «высокую причес-

² Солженицын А.И. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета // Собр. соч. : в 9 т. М. : ТЕРРА : Книжный клуб, 2001. Т. 7 : В Советском Союзе. 1967–1974 ; На Западе. 1974–1989. С. 254.

³ Гуськов В.В. Кто раскрутил Красное колесо? Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо» : моногр. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. 228 с. ; Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003). Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына : альманах / сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М. : Русский путь, 2005. С. 371–384 ; и др.

⁴ Солженицын А.И. Красное колесо: повествование в отмеренных сроках в четырёх Узлах. Узел 1 : Август Четырнадцатого // Собр. соч. : в 30 т. М. : Время, 2007. Т. 7. Кн. 1. С. 29. (Далее эпопея цитируется по данному изданию с указанием тома и страниц в скобках, сохраняется авторская орфография и пунктуация.)

ку», «ровную», «статную» и «прямую» фигуру. Вертикальной направленностью отмечены топосы, в которых изображается героиня: второй этаж спальни, балкон-веранда, храм с его «взмывающим пением», парк и оранжерея с их многообразными растениями, устремленными, как и Ирина, ввысь, к солнцу: «...всякий погожий летний вечер непреграждённое золотое осияние вырывало её гуляющую фигуру из этого парка, от этого дома, от этого мужа, из этого мира, – всю в солнце, никем не тревожимую» [Т. 7, с. 77]. Вокруг образа Ори формируется вербальное поле, в котором не единожды повторяются слова с корнем *-раст (-рос)*: «...этот парк по её хотению *вырос* в голой степи (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Т.С.)» [Т. 7, с. 28], «...в нежности и *росте* цветов Ирина становилась увереннее, защищённее от мужниных обид» [Т. 7, с. 35], «...в постах – люди *вырастают*» [Т. 7, с. 43]. Подобная вербализация усиливает вертикальность образа, его нацеленность на воплощение пасхального идеала. Единственное препятствие на пути к «высоким» раздумьям и мечтам – разлад в отношениях с мужем. Возвращаясь к Роману после очередной ссоры, Ирина теряет свою «прямызну», *вертикальность* сменяется *горизонтальностью*, олицетворяющей беспомощность героини, неосуществимость «идеального» брачного союза: «Если стянуть покрывало – обнажится шахта, высохший колодец, на дне которого в ночную бессонницу ей *лежать на спине, разможжённой*, – и нет горла крикнуть, и *нет наверх* верёвки. И героя – не будет никогда» [Т. 7, с. 79]. Опрокидывающаяся на дно горизонталь – это невозможность гармоничного воссоединения супругов. А.В. Урманов, характеризуя концепцию Эроса в творчестве Солженицына, называет «три взаимодополняющих начала», благодаря которым возможен истинный андрогинизм⁵ пары: «природно-чувственное», «социально-нравственное» и «духовно-мистическое»⁶. Ирина и Роман не только не объединены общей духовно-пасхальной сутью, но разобщены нравственно (отношение к войне) и физически: вопреки советам свекрови Ирина часто уходит от мужа в свою спальню, а Роман, несмотря на всю красоту и молодость жены, не чувствует в ней «нутряного, живого, задевающего» [Т. 10, с. 279]. Возможно поэтому семья лишена детей, поскольку ребенок в творческой вселенной «Красного колеса» есть «божественный дар», воплощение «сверхприродного» объединения. Без ребенка не мыслим союз Сани и Ксеньи. Герои, лишь предчувствуя долгожданную встречу, «возносящую чистоту», мечтают о сыне. Еще не родившееся дитя, одухотворенное родительской любовью, представляется реально существующим: «И открылось говорить о нём – как уже о сущем» [Т. 16, с. 367]. «Красное колесо» вбирает множество оттенков отношения к детям (Воротынцев и Алина, Николай II и Александра Фёдоровна, Арсений и Катёна, Ковынёв и Алтанская, Ольда и др.), что, возможно, отражает и эволюцию авторского взгляда на ребенка.

Пасхальное восхождение героини, заключенное во внутреннем преображении, торжестве любви над ожесточением, становится одним из элементов,

⁵ По Н. Бердяеву андрогинизм – это «богоподобие человека, его сверхприродное восхождение», гермафродитизм – «животное, природное смешение двух полов, не претворённое в высшее бытие». (Бердяев Н.А. Эрос и личность. Философия пола и любви. М. : Прометей, 1998. С. 79.)

⁶ Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына. С. 382.

формирующих героя-рыцаря. В.В. Гуськов, изучающий персонажную систему «Красного колеса», «рыцарей» относит к концептуальному типу и связывает с авторскими воззрениями на идеальную личность⁷. Под взгляд литературоведа попадают мужские персонажи, среди них выделяются офицеры, которые, по мнению исследователя, с наибольшей точностью отражают не только солженицынский идеал личности, но и его эволюцию. Однако к героям-рыцарям можно причислить не только мужчин, к ним относится и Ирина Томчак. Православное мироощущение соединено у Ори с романтическими мыслями о герое-воине, рыцаре духа, которого она мечтала бы встретить. Понимая иллюзорность желания, Ирина стремится выработать в себя мужские, офицерские качества (умение метко стрелять, интерес к военной истории, топографии), которые могла бы применить в сложные для России времена. Героиня не просто отвечает авторскому представлению о духовно совершенствующейся личности, но соответствует типу человека-борца, переживающего за судьбу Отечества, стремящегося «вырваться из безделья», разделить тяготы военного времени (стыд за мужа, отсидившегося в экономии, острое желание попасть на войну, стать сестрой милосердия, участие в Обществе Четырнадцатого года).

Изображая Ирину, автор прибегает к эпитету «рыцарственный», который не всегда используется даже при воссоздании рыцарей-мужчин: «А через ели оглядеться на дом – в обоих этажах уже зажигаются огни, разных оттенков от абажуров и занавесей. И вот так, гуляя, можно вообразить, что это – не твой дом... – нет, завлекательный дом неких неизвестных рыцарственных людей высокой души, где течёт жизнь благородная, светлая, достойная, о которой и в редкой книге можно прочесть» [Т. 10, с. 282]. Совершенному рыцарственному дому, где мечтает очутиться героиня, противопоставлены фантомы кочевников, рассыпавшихся по степи саранчой, символизирующей в произведении грядущую революцию, её темную сущность, хаос, разрушительную силу. Так, Оря, не участвуя в событиях марта и апреля 1917 года, оказывается вписана в революционный дискурс. «Октябрь Шестнадцатого» даёт ответ на вопрос, чью сторону («рыцарей» или «саранчи») выберет жена Романа Томчака. Возможно поэтому образ героини появляется только в первых двух Узлах многотомной эпопеи. В дальнейшем повествовании автор к нему не обращается. Исчезновение образа продиктовано и другой писательской задачей. В интервью французскому телевидению Солженицын, отвечая на вопрос о персонажах, чьими прототипами послужили члены его семьи, обозначит: «...в самом начале я дал... отца своего, мать, тогда ещё не знакомых, и кусочек жизни семьи матери. Они не играют существенной роли во всём дальнейшем, я это дал скорее как картинку прежней России перед войной – довольно экзотическая южная жизнь, которая в русской литературе не описана и которая уже не будет повторена никогда, потому что ход войны и ход революции все это разметет»⁸. Писа-

⁷ Гуськов В.В. Кто раскрутил Красное колесо? Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо».

⁸ Солженицын А.И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения, Кавендиш, 31 октября 1983 // Солженицын А.И. Собр. соч. : в 9 т. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. Т. 7 : В Советском Союзе. 1967–1974 ; На Западе. 1974–1989. С. 350–351.

тель указывает на вытеснение революционной эпохой таких людей, как Ирина, на почти полное их искоренение в будущем. В «Архипелаге ГУЛАГ» (1958–1968, 1979) о личностях, подобных Оре, сказано: «...и вот уже гребли просто верующих мирян, старых людей, особенно женщин, которые верили упорнее и которых теперь на пересылках и в лагерях на долгие годы... прозвали *монашками*»⁹. Такая концентрация духовного опыта не могла не поспособствовать появлению в литературе второй половины XX века целого направления («деревенская проза»), в центре которого образ женщины, хранительницы традиционных устоев (праведница Матрёна из рассказа «Матрёнин двор» А.И. Солженицына, бабка Евстоля из «Привычного дела» В.И. Белова, бабушка Катерина из «Последнего поклона» В.П. Астафьева, «мудрые старухи» В.Г. Распутина и др.).

Другим женским характером, приближенным к авторскому представлению об идеальной личности, является Вера Воротынцева, воплощающая в эпопее праведнический тип персонажа. Солженицын наделяет героиню прозрачно духовным именем, символизирующим одну из трех важнейших христианских добродетелей – *веру*. Религиозный философ П. Флоренский, близкий автору «Красного колеса», писал: «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность»¹⁰. Имя Веры отражает глубину и чистоту ее души, цельность, искреннюю наполненность православным чувством. Эпитеты, характеризующие образ, акцентируют восходящий вектор в изображении героини, нацеленность на воплощение нравственно-этических законов. Вера подобна «тихому» ангелу с «бесшумными» движениями, «неслышными» шагами. Повествователь не раз подчеркивает воздушность сестры Георгия («невесомый локоток», «лёгкое дыхание»), фиксирует присущую ей «пасхальную вертикальность» («тоненькая», «узкая, ещё уже», «узкая рука», «узкое лицо»). Нравственная укорененность помогает принять важнейшее решение: отказаться от личного счастья, которое приносится в жертву благополучию женщины и девочки, составляющих семейное окружение Дмитриева. Окончательно Вера определяется в ночь пасхальной службы, поэтому «отречение» ей кажется «добровольным и даже радостным» [Т. 15, с. 24]. Пасхальное торжество наполняет героиню мыслями о духе, о тех страданиях, которые испытал Христос, ей они представляются несоизмеримее больше собственной душевной муки и боли любимого человека. Пасхальные переживания сопряжены с личными, неотделимы от них, они – естественная часть души. Вера живет надеждой, что Бог пошлет истинное чудо, сравнимое с воскресением, и ее судьба соединится с судьбой Дмитриева.

Однако, несмотря на прочный православно-этический стержень, Вера Воротынцева оказывается вхожа в «кадетское сборище», расшатывающее нравственные устои общества, влекущее государство вниз, в революцию. В кадетях героиня видит лучших людей своего времени, блестящих интеллектуалов, лю-

⁹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: опыт художественного исследования // Собр. соч. : в 30 т. М. : Время, 2010. Т. 4. Ч. 1–2. С. 51.

¹⁰ Флоренский П.А. Имена // Автореферат. Троице-Сергиева лавра и Россия. Иконостас. Имена. Предполагаемое государственное устройство в будущем. М. : Мир книги : Литература, 2007. С. 189.

бимцев публики, властителей дум. Георгий, пытаясь оправдать сестру, называет вовлеченность в кадетский круг некой инфекционной болезнью: «...передаётся от соприкосновения и никак нельзя устоять. Заливает, поддаёшься» [Т. 9, с. 289]. «Болезнь» героини приоткрывает всю сложность, неоднозначность и противоречивость социальных процессов, происходивших накануне революции. Даже таким, как Вера, людям с «неуязвимым» духовным «закладом», было непросто разобраться во множестве «передовых» идей, мнений, влияний.

В четвертой книге «Март Семнадцатого» героиня показана в Публичной библиотеке в разговоре о церкви с Кокошкиным. Спор с ведущим представителем кадетской партии фиксирует момент «выздоровления» Веры. Она, наблюдая революционные изменения изнутри, из Петрограда, начинает осознать их нисходящий вектор: «— А вам не страшно, что так *опрокинется* весь русский образ существования?» [Т. 14, с. 422]. В дискуссии с Кокошкиным героиня, стремясь отстоять свое мнение, нарушает свойственную ей «тишину». В Вере пробуждаются качества, близкие героям-борцам: справедливость, мужество, робкий, но отказ от лжи. *Вертикальность*, изначально присущая сестре полковника Воротынцева, прорываясь, становится определяющей не только в личном, но и в историческом. Пасхальная служба, воссозданная в «Апреле Семнадцатого», предстает как очищение, преодоление кадетской «болезни». Героиня уже не сомневается, что революция ведет лишь к падению. Она ясно видит, «как всё *поползло* вокруг» [Т. 15, с. 24]. Вера, принимая решение отступить от Дмитриева, сопротивляется движению, влекущему вниз, в революционную пропасть, превозмогает его, одерживая нравственную победу: «В небесно-светлом пении заутрени, отрываемая от земли, увлекаемая *выше, выше* себя, как бы в *ангельский чин*, — Вера ощутила, что она отчётливо, добровольно и даже радостно — идёт на этот отказ» [Т. 15, с. 24]. В свете пасхального преображения кадеты, выступающие на съезде, куда Вера получает гостевой билет, уже не кажутся столь блистательными и неуязвимыми персонами. Героиня отмечает однообразие и пустоту докладов, противоречивость докладчиков.

Иным характером обладает Зинаида Алтанская, воплощающая в эпосе тип героя-грешника, прорывающегося через страдание к свету. В отличие от Ирины и Веры, она не сразу приходит к Богу, поэтому пасхальность героини — это, прежде всего, отражение ее внутренней эволюции. Впервые о Зинаиде Георгию Воротынцеву военной осенью 1916 года в купе поезда рассказывает Фёдор Ковынёв. Героиня предстает далекой от истинной пасхальности: она не верит в Бога, отмахивается от него. В обрисовке образа Зины доминирует горизонталь: «...вот склонилась, ярче видная, чем въявь, перехваченная *в поясе, в запястьях, по горлу*, — влекущая!» [Т. 9, с. 196]. Довлеющая, трижды акцентированная горизонталь — это отвержение духовности, внутреннее сопротивление традиционным христианским ценностям (не любя соблазняет женатого мужчину, обманывает больную мать). Если же в облике Зины прочерчивается вертикаль — то это вертикаль греховности, воплощающая гордыню: «...ещё выше голову задрала и ушла» [Т. 9, с. 195]. В Зинаиде, описанной Фёдором в главе 17 «Октябрь Семнадцатого», преобладает темная, смятенная сторона, Зина сравнивается

с ведьмой¹¹, летящей в бесовском полете, увлекающей за собой в бездну: «...летишь, летишь, куда в этот раз?» [Т. 9, с. 196], «...хоть все четыре колеса отвалились и все под гору!» [Т. 9, с. 198]. Однако уже в этой главе Алтанская предстает как героиня, способная к духовному восхождению. В гимназическом общении с Зиной Фёдор воспринимает себя «довольно *опущенным* учителем» [Т. 9, с. 194], неспособным на сильное и светлое чувство. Однако постепенно, переписываясь с бывшей ученицей, он «возвышается», душа наполняется светом: «Ему не надо было сейчас собеседника видеть, только отвлечение. А внутри так жжёт – и света не надо» [Т. 9, с. 199]. Душевное смятение, прорывающее гермафродитское отношение к женщине и метафорически воплощенное в образе огня, рождается в Ковынёве только во взаимоотношениях с Алтанской.

В главе 75, завершающей «Октябрь Шестнадцатого», перед читателем иная Зинаида: женщина, пройдя через смерть ребенка, осознала свою греховность и вступила на путь духовного прозрения. Внутреннее возрождение героини явлено через тройную пространственную вертикаль. Топос главы, отображающей духовное воскрешение Зинаиды, можно назвать «вертикалью в кубе». Первая внешняя вертикаль воссоздает «введение» Зины в христианский мир: панихида по сыну в деревенской церкви (ощущение соборного родства с крестьянками, стоящими у гроба) → посещение тети в Вознесенском монастыре → первый приход в Уткинскую церковь на панихиду девятого дня, искреннее общение со священником. Вторая вертикаль реализуется внутри Уткинской церкви (второй утренний приход) и являет собой восходящее движение героини в храмовом пространстве. Зина идет от притвора в среднюю часть храма, затем, поднимаясь по ступеням на клирос, оказывается у аналоя, самого «высокого» места, доступного в церкви человеку, рядом с распятием и Евангелием. Передвижение героини усиливается религиозными образами, встречающимися на пути: лампадами, купольным сводом с изображением Бога-Отца в облаках, иконой Спасителя. Третья внутренняя вертикаль – это исповедь, произнесенная перед отцом Алонием. Духовное очищение воспринимается Зиной как тяжелейшее движение вверх, преодоление нелегких «порогов», символизирующих пять грехов. Вершиной, венчающей исповедальную вертикаль, становится любовь: «...сказал Христос: ничего нет выше любви. И не исключил любви – никакой» [Т. 10, с. 530]. Эти слова, завершающие исповедь, главу, второй Узел эпопеи, подчеркивают: душа, опаленная любовью, не может пребывать в смерти, в любви ее сила и залог очистительного воскрешения.

Образ Зинаиды Алтанской в отличие от образов Ирины Томчак и Веры Воротынцевой не вписывается автором в исторический контекст¹². В «Октябре

¹¹ Представляется, что в образе Зины прослеживается имплицитная символическая связь с образом одноногой Бабы-яги: «Поразила – эта женщина. Как прыгала на одной ноге...» [Т. 9, с. 206]. Подобная реминисценция, возможно, не только подчеркивает демонический характер героини, но и акцентирует безжизненность ее духа, поскольку в народной традиции костяная нога – это показатель мертвой природы сказочной старухи. (Русская мифология: энциклопедия. М.: ЭКСМО; СПб.: МИДГАРД, 2005. С. 463–464.)

¹² Лишь однажды, косвенно, через образ Ковынёва проскальзывает возможное отношение Зинаиды к революционным переменам: «Вспомнил, Зинуша когда-то писала: да явись вам полная свобода – вы б и не знали, как жизнь устроить» [Т. 12, с. 295].

Шестнадцатого» героиня вне военных и предреволюционных событий, она воплощает идею непрерывности человеческого существования, неизбежности Эроса. Социальные потрясения не останавливают естественный ход жизни, не поглощают любви и ненависти, добра и зла, не прерывают череду рождений и смертей. Однако, несмотря на отсутствие прямой исторической актуализации, героиня все же включена во всеобщий революционный круговорот. «Пасхальная» вертикаль, структурирующая образ Зины, ставит его в один ряд с такими героинями, как Ирина и Вера, отвергающими революционную ломку мира, олицетворяющими авторский идеал личности, нацеленной на нравственное совершенствование и спасение государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н.А. Эрос и личность. Философия пола и любви [Текст]. – М. : Прометей, 1998. – 158 с.
2. Гуськов, В.В. Кто раскрутил Красное колесо? Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо» [Текст] : моногр. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – 228 с.
3. Русская мифология : энциклопедия [Текст]. – М. : ЭКСМО ; СПб. : МИДГАРД, 2005. С. 463–464.
4. Солженицын, А.И. Красное колесо [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М. : Время, 2007–2009. – Т. 7–16.
5. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ: опыт художественного исследования [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М. : Время, 2010. – Т. 4. – Ч. 1–2. – 544 с.
6. Солженицын, А.И. В Советском Союзе. 1964–1974 ; На Западе. 1974–1989 [Текст] // Собр. соч. : в 9 т. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – Т. 7. – 512 с.
7. Урманов, А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына [Текст] // Между двумя юбилеями (1998–2003). Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына : альманах / сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. – М. : Русский путь, 2005. – С. 371–384.
8. Флоренский, П.А. Автореферат. Троице-Сергиева лавра и Россия. Иконостас. Имена. Предполагаемое государственное устройство в будущем [Текст]. – М. : Мир книги : Литература, 2007. – 464 с.

T.E. Smykovskaya

A. SOLZHENITSYN'S FEMALE CHARACTERS IN THE CONTEXT OF EASTER TRADITIONS (ON THE EXAMPLE OF THE EPIC NOVEL «THE RED WHEEL»)

Some important literary elements of A.I. Solzhenitsyn's cycle of novels «The Red Wheel» have never been thoroughly analyzed. The concept of Easter, which plays an important role in comprehending the author's worldview, has never been studied either. The paschal element of the cycle does not only emphasize the importance of Easter traditions for Russian cul-

ture but shows the country's gradual alienation from the Orthodox Church. The author of «The Red Wheel» demonstrates gradual loss of paschality and searches for the causes of the moral crisis that resulted in a spiritual catastrophe. This article deals with female images of the cycle of novels. The article traces the connection between the paschal element of the cycle and the author's concept of an ideal personality.

paschality, female image, cycle of novels, Christianity, Orthodoxy, system of characters.

УДК 8Р2

В.В. Гуськов

**«БЕСКОНЕЧНЫ, БЕЗОБРАЗНЫ, В МУТНОЙ МЕСЯЦА ИГРЕ...»
(ТИПОЛОГИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ-БЕСОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОПЕЕ
А. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»)**

Исследуется один из типов персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо» – *персонажей-бесов*. Входящие в данную группу образы тесно связаны с авторской концепцией личности, воплощают представления художника об анти-идеальных ее чертах и раскрывают особенности понимания писателем исторических процессов. По мнению художника, идеология, вносимая в эволюционное развитие истории, становится источником разрушений и трагедий. К числу персонажей-бесов в эпопее относятся сторонники насильственного переустройства общества и носители революционных идей. Для большинства из них характерно восприятие реальной действительности через призму революции; безудержное стремление любыми силами воплотить в жизнь свои идеи по радикальному преобразованию общества; нечеловеческая энергичность и подвижность; неприятие общечеловеческих и христианских ценностей; постановка материального начала во главу угла и др. В статье на основе специфики художественного изображения, авторского отношения и интенсивности проявления отрицательных качеств выделяются и подробно рассматриваются три подтипа *персонажей-бесов*.

авторская концепция личности, бесовщина, революция, система персонажей, творчество А.И. Солженицына, тип.

В исторической эпопее А.И. Солженицына «Красное колесо» (1937, 1969–1990), воссоздающей катастрофические события эпохи Февральской революции, широко представлен тип таких персонажей, целенаправленными усилиями которых расшатываются устои России. Отстаивая радикальные социалистические или революционные идеи, эти действующие лица истории смотрят на мир преимущественно через призму «революции».

Отчасти их действиями, их целенаправленным «кружением» раскручивается *красное колесо*, обернувшееся трагедией страны на долгие годы. К числу таких пер-

сонажей можно отнести довольно пространно изображенных в эпосе Ульянова-Ленина, Гиммера-Суханова, Нахамкиса-Стеклова, Бронштейна-Троцкого и целый ряд других реальных исторических личностей.

Выделить таких персонажей в особый тип, к тому же тип антагонистов, позволяет как своеобразие художественных средств, которыми оперирует автор, создавая эти образы, так и собственно их «внутреннее содержание», специфика действий, решений, высказываний.

Так, воссоздавая образ Гиммера, автор неоднократно отмечает его неказистый внешний вид и нечеловеческую энергию. Через постоянное выявление негативных, низменных либо нерыцарских качеств раскрывается образ Ленина. Через действия и специфику этих действий, а именно направленность на удовлетворение личных амбиций и желаний, показан Нахамкис. Через речь и особенности речевого поведения раскрывается образ Троцкого. Ирония становится характерным средством при воссоздании образов Бубликова, Ломоносова, Маловского.

Общими для персонажей рассматриваемого типа оказываются следующие свойства: амбициозность, забота о собственной выгоде и теплом местечке в революции, желание всеми возможными путями реализовать разрушительную для России идею, не человеческая, «бешеная» подвижность. «Бесовщина» в целом оказывается наиболее важной отличительной и характеризующей чертой этих действующих лиц, позволяющей выделить их в отдельную группу.

Подобный тип *персонажей-бесов* не является новым для русской литературы. Зараженные «бесовщиной» антигерои представлены в творчестве других писателей. Однако самую серьезную художественную разработку данный тип получил в творчестве Ф.М. Достоевского, у которого «новые преобразователи жизни обозначаются... вполне определённо – “бесы”, а вся их деятельность рассматривается им как бесовщина»¹.

В эпосе Солженицына вся гамма значений представленного типа складывается из традиционных смыслов, впитанных из народной религиозно-мифологической культуры, разработанных и вложенных в этот типаж русскими писателями-предшественниками, а также философскими исканиями отечественных религиозных мыслителей. Однако в «Красном колесе» Солженицына данный тип имеет и существенные отличия от традиционного содержания. Выражается это в ряде черт, свойственных персонажам эпоса, в средствах художественного воплощения образов, в классификации.

У Достоевского *бесы* определены смким выражением, характеризующим суть их беснования, – «лакеи мысли». Таким образом, писатель указал, что все их поступки и действия определяются опасными и противоестественными (в данном случае – социалистическими) идеями. Подобными «прислужниками» собственных (а нередко и чужих) идей, идеологий являются и *бесы* «Красного колеса». Как и у Достоевского, важнейшей чертой этих персонажей в эпосе является то, что каждый из них вынашивает радикальный вариант идеи социалистического либо революционного пере-

¹ Иванова А.А. Философские открытия Ф.М. Достоевского. М.: Наука, 1995. С. 105.

устройства мира, а их отношение к действительности «идеологически оформлено»². Обладают такой идеей и Ленин, и Гиммер, и Нахамкис, и Троцкий. Одни персонажи выражают свою идею в большей степени, другие – в меньшей, третьи, не имея своей, лишь «подыгрывают» чужой.

Гиммер, например, это лакей собственной же мысли о необходимости социализма последовательного, прошедшего через стадию управляемого капитализма и власти буржуазии. Один из крупных *бесов* – Ленин, прислуживающий идее немедленной социалистической революции и создания коммунистического общества, – видится самому автору, как «превосходная концентрация, экстракт коммунистической идеи»³. И это видение нашло свое художественное воплощение в характере воссоздания данного образа. Троцким управляет его же идея «перманентной» революции.

Однако если смотреть глубже, то окажется, что главным фактором, заставляющим *бесов* в «Красном колесе» прислуживать своим идеям, является более личный, связанный именно с особенностями характера мотив – *жажда власти*, стремление любой ценой ее заполучить. Художественно это раскрыто в образе Нахамкиса, наименее умного из изображаемых *бесов*, не способного прикрыть свое основное желание и связанные с ним злодеяния какой-либо идеей-идеологией, как это делают обозначенные выше «мыслители-теоретики».

Именно о власти больше всего мечтает в эпосе Стеклов-Нахамкис: «Но когда тыходишь в события и протягиваешь совсем же не слабые руки эту власть взять – не даётся! Не берётся. <...> В чём дело? Какие же тут особенные методы? или особенные качества? <...> А как принудить их подчиниться? – Нахамкис не знал»⁴.

Стремлением занимать лидирующее, главенствующее положение обусловлены поступки, мысли и решения других *бесов*. И в этом отличие *бесов* Солженицына от *бесов* Достоевского. Антигероями последнего управляет идея глобального переустройства мира и общества, идея загнать «человечество палкой в хрустальный дворец запланированного... всеобщего счастья и процветания», построить «для него земной рай»⁵. *Бесы* же Солженицына фактически не имеют такой «положительной» задачи. Они даже не способны ее создать, так как для этого необходимо иметь хотя бы ложное, но чувство сострадания и уважения к народу, над которым осуществляется эксперимент. А такие персонажи, как Гиммер, Нахамкис или Ленин, открыто ненавидят Россию и ее граждан. Для них главное – осуществить революцию по задуманному ими плану, и не важно, какими будут последствия.

² Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 247.

³ Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995–1997. Т. 2. С. 339.

⁴ Солженицын А.И. Красное колесо // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006–2009. Т. 7–16. Т. 15. С. 33–34. (Цитаты в тексте статьи приводятся по данному изданию с указанием в скобках номеров тома и страниц.)

⁵ Сараскина Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990. С. 260.

Если писатель оценивает мир через призму христианства, как и некоторые положительные персонажи «повествования», то *бесы* и многие другие сторонники неэволюционного пути развития – те же Ломоносов и Бубликов – всё воспринимают и оценивают через призму «революции». Для этих персонажей характерно не стремление к нравственному возвышению, а однолинейное, плоское движение к осуществлению революции как самоцели. Поэтому и мир, видимый их глазами, лишен объемности, «высоты», а предметы и явления оцениваются односложно – либо это революционно, либо нет.

Противопоставление христианства и социализма проявляется в понимании истины. Если для приверженцев первого учения истина в Боге, во Христе, то для сторонников второго явления истина в революции и во всем, что определяется этим понятием. К тому же революционная истина в отличие от христианской, как это подчеркивают персонажи-бесы, существует лишь для избранных: «У революционных истин есть великое свойство: обречённые, даже слыша их ушами, не понимают» [Т. 12, с. 411].

С мотивом «избранности» связана еще одна черта *бесов* – *эгоизм*. Каждый из них мнит свою теорию и свои решения единственно правильными, а себя – единственно подходящей кандидатурой на пост вождя (Нахамкис, Ленин, Троцкий) или теоретического руководителя (Гиммер).

Каждый стремится прежде всего получить выгоду для себя. А если кто-то с кем-то и сотрудничает, то это лишь способ использовать возможности и способности другого ради достижения собственной цели. Так, Нахамкису для теоретической выверки своих решений и действий, главная направленность которых – получение единоличной власти, нужен Гиммер; Ленин приближает к себе только тех, кто ему выгоден в тот или иной «исторический момент».

«Лакейство мысли» определяет и мировосприятие *персонажей-бесов*, и их отрицательные личностные черты.

Персонажами-бесами в эпопее можно назвать почти всех социалистов: беснование одних изображено пространно, других – лишь обозначено. К ним относятся и те, кто целенаправленно и решительно, руководствуясь личными амбициями и желаниями, тщеславием и стремлением к славе, раскачивает страну и ее устои, чьи действия можно охарактеризовать как античеловеческие и антинациональные. Идеологией же подобных персонажей становится простая идея революции.

Как и в «Преступлении и наказании» Достоевского (в видениях Раскольникова на каторге во время лихорадки), в «Красном колесе» распространение социалистических идей по России приобретает характер эпидемии, которую и можно назвать «бесовщиной». Степень зараженности этой «инфекцией» у отдельных персонажей, подверженных ей, и интенсивность проявления ими *беснования* в эпопее различны. К тому же сам Солженицын по-разному изображает таких персонажей и в связи с этим неодинаковым оказывается его отношение к ним. Это позволяет выделить в произведении, как минимум, три подтипа персонажей, связанных с мотивом «бесовщины». Основными критериями классификации *персонажей-бесов* могут служить, во-первых, характер изобразитель-

ных средств и специфика воссоздания образов, во-вторых, интенсивность проявления типологических черт «бесовщины» и их своеобразие, в-третьих, авторское отношение к действующему лицу.

Первый подтип – это крупные *персонажи-бесы* (некоторых можно даже назвать «персонажами-демонами»). К ним относятся такие действующие лица, как Ленин, Гиммер, Нахамкис, Троцкий. В произведении они воспринимаются как самые отрицательные действующие лица.

Второй подтип – персонажи, которых по контрасту с первыми можно назвать «мелкими бесами». К этому подтипу следует отнести социалистов Соколова, Масловского, Каменева, Молотова и других, а также просто революционно настроенных деятелей – Бубликова, Ломоносова и т. д.

Третий подтип составляют персонажи, являющиеся носителями социалистических идей, активно поддерживающие революцию и даже выступающие лидерами тех или иных социалистических группировок, но отношение автора к которым неоднозначно.

Для определения характерных особенностей *персонажей-бесов* первого подтипа можно обратиться к образам таких малоисследованных исторических личностей, как Гиммер, который как наиболее яркий пример художественного воплощения данного типа сочетает в себе все свойственные *бесам* черты, и Нахамкис. Для наглядности можно также обратиться к образам Ульянова-Ленина и Троцкого.

В эпосе Солженицына прямые авторские характеристики, как правило, отсутствуют, и о мнении художника приходится судить по косвенным признакам, анализируя весь комплекс использованных художественных средств при воссоздании данного типа персонажей, а также публицистические высказывания писателя.

Одним из наиболее распространенных средств являются описания внешности и характера героев произведения, даваемые другими персонажами, их суждения и оценка. Так, в эпосе о Гиммере-Суханове читатель узнает от Саши Ленартовича, который «был разочарован» «тщедушной» наружностью социалиста, так как тот «не только не походил на вождя, но даже и на орла теории» [Т. 11, с. 45]. Но если мнение Саши о *бесе* вскоре изменится на противоположное (из-за нечеловеческой энергии последнего), то характеристики, по ходу развития событий даваемые другими персонажами, вступающими в отношения с Гиммером, подтвердят истинность первого впечатления молодого социалиста. Более того, они-то и раскроют внешнюю «нечеловечность» Суханова. Так, Владимир Станкевич, размышляя в «Марте...» над гиммеровским «Манифестом» к народам мира, «поражался неуспокоенному ввинчиванию этого Гиммера, нечеловеческого человека, как будто сделанного в пробирке...» [Т. 14, с. 138]. Далее, в «Апреле...», о происхождении этой личности задумается другой социалист – Церетели, назвавший его «проницательным гомункулусом» [Т. 15, с. 17].

Подобным образом Гиммера характеризуют многие персонажи: Гвоздев («Этого Гиммера, прости Господи, терпеть не мог Козьма: уж такой надоедливый, надоедливый в Совете человек – и самый бесполезный: ничего никогда не делал, только речи свои пропискивал» [Т. 13, с. 714]), Шляпников, Пешехонов

и другие, не говоря уже о некоторых министрах Временного правительства, открыто презиравших и не желавших признавать этого выскочку.

Однако не всегда портретные характеристики способствуют выявлению *бесовских* качеств персонажей. Несмотря на то, что внешний вид того же Гиммера порой комичен и чем-то схож с обликом мифологического беса (тщедушность, безбровое лицо, нечеловеческий цвет, «воспалённый взгляд» и т. д.), в основном *бесовство* его и ему подобных персонажей передается не через портрет. Портретные характеристики некоторых *персонажей-бесов* говорят не об уродстве, а, наоборот, о внешней красоте. Например, Нахамкис, «как цензовый обыватель, расхаживал в лучших костюмах – и сейчас в таком, и в пальто модном, вот не ждали его здесь сейчас. Он был дороден, высок, крупноголов, широк в плечах, рыжебород, красив, держался гордо...» [Т. 11, с. 536]. Бесовские наклонности и черты персонажей передаются прежде всего через их поступки, действия и речь, через саморазоблачения, через те эпитеты, которыми автор сопровождает действия подобных «героев» и т. п.

Важными в изображении и раскрытии характера *персонажей-бесов* являются, несомненно, такие приемы, как разные формы *авторской интроспекции* (если использовать данный термин с поправками на повествовательные особенности «Красного колеса»): передача внутренней речи, мыслей, самоанализа, «фиксирование текущего внутреннего состояния» и др.

Одним из важных способов художественного создания образов *персонажей-бесов* является раскрытие через мысли, речь, в том числе внутреннюю, их отношения к общечеловеческим и национальным ценностям. Если проанализировать отношение *бесов* к родине, народу, религии или, в частности, к земле, семье и даже к своей национальности и фамилии, то окажется, что для них это либо пустые понятия, либо причина стыда, позора, либо объекты ненависти. Откровенно неуважительно Суханов высказывается и о крестьянах, и о рабочих, и о многих других представителях той страны, в которой живет и в которой ради «всеобщего счастья» ставит свой эксперимент. Очевидна дистанцированность (к тому же в крайних формах – презрения и ненависти) персонажа-социалиста, якобы борющегося за права народа, от самого этого народа.

Агрессивные эмоции вызывает в нем и патриотизм в любых проявлениях, что, впрочем, обусловлено его убеждениями – идеологией интернационализма. Шедшие вразрез с «взрывной революционной идеей» призывы к дальнейшей защите страны в условиях продолжающейся войны оцениваются им как «патриотическая пошлость» [Т. 14, с. 359].

Бесовство, «нечеловечность» представителей «злых сил» – радикально настроенных социалистов, большевиков, Ленина, Гиммера и других – может определяться также через их отношение к земле – важнейшей для русского народа, через его традиции, образ жизни и ценности культуры. Для «бесов» земля никакого принципиального значения в сравнении с тем вниманием, которое уделяется власти как таковой, не имеет. Она лишь аргумент в борьбе за массовое крестьянское сознание, лишь лозунг («Земля и воля») в борьбе за власть. Неуважение к земле проявляется через неуважение к крестьянству.

Показательным является отношение к крестьянскому «классу» даже не крайне левого революционера Гиммера: «Хотя крестьянство и представляло собою, увы, большинство населения, но, жадное до одной лишь земли, направляя все свои мысли к укреплению лишь собственного корыта, крестьянство вполне имело все шансы продремать главную драму революции и никому бы не помешать. Пошумевши где-то в своей глубине... получило бы крестьянство свои желаемые клоки земли и утихомирилось бы в своём идиотизме сельской жизни» [Т. 13, с. 553].

Для подобных революционеров крестьянство – темная, безудержная сила, «быдло», которое не в состоянии понять «истинных» целей революции, а потому и не способно помешать «осуществлению гегемонии пролетариата». В ранних редакциях «Колеса» отношение Гиммера («известного экономиста-аграрника») к земле достаточно ярко освещалось через описание его работы в земельной секции. Так, поручение сделать доклад по земельному вопросу оказывается для него унижительным: «...там сидели одни солдаты, тупорылые землееды, и выработывали “закон о земле”, даже понятия не имея о земельной ренте, не стал Гиммер с этими дураками и спорить. Да испытывал он до странности сильную неприязнь к этому мужицкому делу»⁶.

Для Нахамкиса, размышляющего только о себе и своей роли в революции, которой он якобы «всю жизнь отдал», оказывается постыдным ношение «позорной фамилии своего богатого, но недалёковидного отца» [Т. 14, с. 156]. Поэтому ему, обличителю «казённой лжи» [Т. 14, с. 154], пришлось переступить через революционные законы и подавать прошение на высочайшее имя, чтобы сменить то, что связывает человека с его родом и предками, что для многих людей является незыблемой ценностью, предметом гордости и чести.

Подобной чертой – отрицательным отношением к общечеловеческим ценностям – *бесы* «Красного колеса» также схожи с *бесами* Ф.М. Достоевского. М. Бахтин, анализируя одноименный роман Достоевского, отмечал: «Бесы – люди без всякой почвы, ни в чём не укоренённые, отказавшиеся даже от своего родства. Они никто, поэтому и могут производить встряски и перевороты. <...> Пётр Верховенский... его нет ни в отце, ни в нации, ни в друзьях»⁷. То же самое может быть сказано и о *бесах* исторической эпопеи А. Солженицына.

Особой чертой персонажей-бесов является постоянное преувеличение ими своих способностей, возможностей и талантов (если о таковых вообще можно говорить), а также частые заявления о своей исключительности. И в этом кроется особая форма авторской иронии. Ленин чувствует в себе огромную разрушительную силу: «Способный весь мир раскрыть, взорвать и перестроить – он слишком рано родился, только себе на муку» [Т. 10, с. 117]. Гиммер постоянно размышляет о незаурядности своего ума: «Его назначением, его вожделием было – отдать себя революции как силу литературную и как мощного теоретика» [Т. 11, с. 524]; «ах, он сам

⁶ Солженицын А. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах : в 10 т. М. : Воениздат, 1996. Т. 9. С. 64.

⁷ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. С. 279.

был несчастный, что такой умный! Он сам был несчастный, что всегда соображал раньше всех, точнее всех...» [Т. 12, с. 103] (сравните с муками Ленина, страждущего оттого, что родился слишком рано). Нахамкис вообще считает себя творцом если не целого мира, то во всяком случае нового российского общества и новой государственной власти: «Какой же выше пост – не правительство, а выше правительства: ты его создал и допустил?» [Т. 15, с. 34]. Или: «...становился в России чернышевец Стеклов – первым и главным человеком» [Т. 14, с. 157].

Если при воссоздании положительных персонажей Солженицын так или иначе прибегает к «диалектике души», то по отношению к *персонажам-бесам* она не применяется. Более того, автор в противовес положительным героям, описывая *бесов*, делает акцент на их физиологической стороне, на простейших инстинктах, которые иногда становятся основными мотивами их поступков либо существенно влияют на их действия.

Через описание низменных проявлений автор указывает на свойства природы, характера персонажей-бесов. Так, описывая революционные дни 1917 года, Солженицын несколько раз подмечает, как, каким образом и когда принимают пищу революционеры-социалисты и какое значение она для них имеет. Скорее всего, цель данных отступлений («отступлений» от решаемой в «повествовании» основной творческой задачи) – именно охарактеризовать еще с одной стороны данных деятелей, показать уровень их потребностей.

В эпопее с физиологическим мотивом еды, поедания пищи особо тесно связан образ Гиммера. Описание «гастрономических» пристрастий и размышлений данного персонажа неоднократно встречаются в тексте произведения.

Вспоминая о «революционных» преимуществах квартиры М. Горького на Кронверкском, Гиммер делает немаловажное – в первую очередь для него самого – мысленное дополнение: «И к тому же всегда кормили (не то чтоб обслуживали, а было что взять поесть, кто там часто бывал)» [Т. 11, с. 279].

Судорожно решая «теоретические» проблемы революции на Совете в Таврическом 27 февраля, он не забывает о самом главном: «В военную комиссию кто-то принёс кастрюлю с котлетами, без вилок и белого хлеба. Гиммер тоже пристроился» [Т. 11, с. 710].

Гиммер неоднократно вспоминает о еде, без которой у него не осуществляется нормальная мыслительная деятельность: «Со вчерашнего дня они почти не ели... Но вот – им принесли и расставили по столу кружки со сладким крепким чаем и бутерброды с маслом и сыром. Стало рассуждаться легче» [Т. 6, с. 100–101]. Здесь очевидно ироническое подчеркивание автором прямой зависимости материалиста-беса от материи: еда и революция оказываются взаимосвязаны. К тому же далее Гиммер сам в этом и признается: «...покушать с закуской, первым, вторым и третьим – это материальная основа для дальнейшей революционной инициативы» [Т. 13, с. 223]. Развитие революции – самого главного в его жизни, цели и смысла его существования – зависит прежде всего от материальной основы – еды, а не от чаяний людей, потребностей народа. Во всех этих частых упоминаниях о пище очевидна

ирония и даже сарказм автора, полагавшего, что «вовсе не материальное начало – первичное начало нашей жизни»⁸.

Даже сам характер отношения Гиммера к своим «революционным» размышлениям, получает в тексте гастрономические сравнения: «А между тем И-Ка сдвинулся обсуждать условия передачи власти буржуазии – и Гиммер вытягивал самую сладость из теоретической косточки» [Т. 12, с. 410].

Важно, что удовольствие Гиммеру приносит подготовка договора, с которого фактически начнется так называемое «двоевластие» в стране, приведшее к трагическим последствиям.

Но не только для Гиммера характерно чрезмерное внимание к пище. Он лишь яркий пример. Подобное присуще всему Исполнительному комитету и как совокупности различных *бесов*, и как самостоятельному коллективному персонажу произведения. Так, в главах, в которых повествование ведется как бы от лица этого коллективного образа, также отмечается его немалый интерес к пище.

Самым разрушительным *бесом* в эпопее представлен Ульянов-Ленин, которого писатель называет одним из главных своих героев⁹. Беснование Ленина проявляется через его отношение к различным ценностям и, в частности, к России и русскому народу, святых для многих положительных персонажей (как и для самого автора) понятиях, о которых он может сказать следующее: «Развращённая, расслабленная православием <“чёрная мужицкая масса”>...» [Т. 10, с. 111]; или: «И зачем он родился в этой рогожной стране?!», «дрянной российской колымаге» «разляпистой, растяпистой, вечно пьяной» [Т. 10, с. 112]. Нелюбовь к своему народу проявляется и в подсчетах Лениным-персонажем русских потерь на фронтах Первой мировой, которые он находил в газетах и подмечал «с удовольствием и удивлением. Чем крупней были цифры, тем радостней...» [Т. 4, с. 110]. Даже к семье у него своеобразный «идеологический» подход: «домашний порядок есть часть общепартийного дела» [Т. 1, с. 203].

В одном из своих интервью, посвященных «Красному колесу», А. Солженицын характер своих отношений с образом Ленина пояснял так: «Я не его атакую, а его идеологию»¹⁰. Действительно, автор детально раскрывает античеловеческую направленность ленинских планов («...в будущей гражданской войне у нас будут воевать и женщины, и дети с 13 лет» [Т. 10, с. 104]). Но автор не останавливается только на рассмотрении идей будущего вождя. Воссоздавая образ Ленина, художник постоянно подмечает, «высвечивает» его слабые, негативные личностные качества.

Важной особенностью художественного воссоздания этого *персонажа-беса* является то, что автор позволяет ему в «моногогеройных» главах самому себя разоблачать и дискредитировать. Помимо размышлений, воспоминаний героя, фиксируются или, точнее сказать, акцентируются человеческие пороки и недостатки Владимира Ильича – скупость, неверность, лицемерие, мелочная мсти-

⁸ Солженицын А. Публицистика. Т. 3. С. 121.

⁹ «В Узлах действуют и главные лица истории. Вот, например, Ленин. Он – из моих главных героев» (Солженицын А. Публицистика. Т. 2. С. 324).

¹⁰ Солженицын А. Публицистика. Т. 2. С. 339.

тельность, горделивость, постоянная озлобленность, заносчивость и т. п. Например, отмечая *мстительность* персонажа, он пишет: «Ошибок он вообще не прощал. Ничьей ошибки он не мог забыть никогда, до смерти» [Т. 7, с. 203]. (В данном примере «довесок» «до смерти», к тому же выделенный запятой, говорит о том, что эти слова могут принадлежать и автору-повествователю, оценивающему порок исторического лица с высоты надсобытийного времени.)

Скорее всего, на примере вождя автор показывает те качества, которые возобладают в обществе, построенном на основе ленинских идей, которые, кстати, критически изображаются практически во всех произведениях Александра Исаевича.

Именно с *персонажами-бесами*, в особенности с первым типом *бесов*, связано одно существенное противоречие в творчестве Солженицына, и это касается не только *бесов* исторической эпопеи, но и ряда подобных персонажей ранних его произведений. Противоречие заключается в некотором несоответствии декларируемых автором творческих задач характеру их художественного воплощения. Так, в одной из своих поздних статей Александр Исаевич отмечает следующее: «Я цель имел... во всех моих книгах показать: что можно из человека сделать, показать, что линия между добром и злом постоянно перемещается по человеческому сердцу»¹¹. Однако весь характер воспроизведения образов *бесов*, те художественные средства, которые автор использует, позволяют утверждать, что ни в какую сторону у них линия не изменяется. Данных персонажей не терзает сомнения по поводу справедливости и моральной чистоты собственных поступков и решений. Ни одно их действие в произведении не привносит положительных смыслов образу.

Второй подтип *персонажей-бесов*, условно обозначенный нами как «мелкие бесы», можно, пользуясь выражением Ф.М. Достоевского, назвать «бесенятами»¹². К данному типу относятся почти все не входящие в первый подтип социалисты, принимающие участие в работе Совета и его Исполнительного комитета, в частности Чхеидзе, Соколов, Масловский и многие другие. В эту группу можно включить и таких революционеров и даже «антисоциалистов» (не поддерживающих данную идеологию), как Бубликов и Ломоносов.

Одним из ярких представителей данного подтипа является юрист-социалист Николай Соколов, восторженно оценивающий Гиммера, обладающий теми же чертами и свойствами, что и крупные *бесы*, однако уступающий им интенсивностью проявления «бесовства», ролью, занимаемой в Исполнительном комитете Совета и, следовательно, в произведении.

Под данный подтип попадает и Сергей Масловский – тайный эсер и одновременно библиотекарь Академии Генерального штаба, намеревавшийся в революционные дни посадить царя под арест и даже получивший «великолепную революционную задачу», доведенную им в мыслях до «цареубийства»: «Всё ре-

¹¹ Солженицын А. Потёмкицы света не ищут // Комсомольская правда. 2003. № 197. С. 10.

¹² Так называет, наряду с бесами, мелких сторонников социалистической идеологии один из персонажей романа Достоевского «Бесы» – Степан Трофимович Верховенский, отец главного «беса» в этом произведении (Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1984. Т. 10. С. 499).

волюционное нутро Масловского встрепенулось навстречу прямому ответу: цареубийство! – вот пламенный язык революции, вот кардинальное решение вопроса, и никакой реставрации никогда!» [Т. 13, с. 717].

Смелость и решительность его мысли сочетается с мыслительным же актерством: он мнит себя «конквистадором» [Т. 13, с. 715], однако от фронта мировой войны спасается в военной библиотеке.

Все действия этого персонажа – реального исторического лица – мотивируются в эпосе заносчивостью и тщеславием («Уж лучше Сергея Масловского кто и представлял, как надо совершать революцию?» [Т. 11, с. 686], «...что бы он мог, если бы перед ним развернулись просторы!» [Т. 13, с. 715], а также желанием революционно проявить себя в «великий час», «для которого он и жил всегда» [Т. 13, с. 716]. Однако в решительный момент этот Аника-воин боится возложить на себя ответственность. Истинное чувство – страх – не позволило ему принять руководство «штабом восстания» в Таврическом: «Он примерял к себе смертную казнь или каторжные работы, и в отчаянии был, что так глупо влип» [Т. 11, с. 688].

Тех качеств, которые так бурно мысленно развивал и обнаруживал в себе Масловский – воли, смелости, решительности – в действительности не хватило. Он не смог доиграть до финала надуманную революционную роль и свершить «государственный акт».

В группу «мелких бесов» можно отнести и будущих крупных большевистских функционеров и вождей – Сталина, Молотова, Каменева и других, почти не проявлявших себя в февральских событиях. В эпосе этим ключевым личностям XX столетия по сравнению с тем же Гиммером или Бубликовым автор уделяет значительно меньше внимания. Большинству из них даже не предоставлена возможность «выразить-саморазоблачить» себя в моногеройных (акториальных) главах, и они представлены как эпизодические персонажи или просто упоминаемые (Сталин, Луначарский, Зиновьев, Бухарин и др.).

Однако даже в этих случаях очевиден особый авторский подход к их изображению – негативное и даже уничижительное воссоздание образов. Так, будущий «Император Земли» упоминается в эпосе с некоторой долей авторского пренебрежения, и то лишь при рассмотрении иных исторических личностей. Например, поясняя характер взаимоотношений между Лениным и Малиновским, автор вскользь затрагивает и будущего «отца народов»: «...довольно было Малиновскому кого-нибудь <Ленину> посоветовать, там Сталина, – включал <в ЦК> и того» [Т. 10, с. 107–108].

Снисходительно, пренебрежительно, а порой и крайне негативно оценивают мелких бесов бесы крупные. Гиммеру в эпосе «выпадает» честь оскорбительно высказаться о Сталине, а большевику Шляпникову – о соратнике Молотове: «...молча сидел туповатый Сталин, никогда ещё отчётливо не высказавший ни одной своей мысли» [Т. 16, с. 175]; «А на зануде этом, Молотове, – литературные дела. Называется. А листовку его до конца не дочитаешь, заснёшь, для овец и коров такие листовки писать. <...> Взяли Молотова потому, что некого больше» [Т. 10, с. 337].

Такое распределение исторической ответственности в системе персонажей эпопеи определяется мыслью художника о том, что в произошедших государственных и общественных переменах Февраля большевики никакой значимой роли не сыграли. А последующий же приход Сталина и Молотова к власти был не исторической (или какой-нибудь иной) закономерностью, а результатом внутрипартийных интриг. Автор в эпопее выходит за временные рамки воссоздаваемого сюжета и решает вопросы, связанные с более поздними периодами исторической реальности.

Для рассмотренных выше двух подтипов *бесов* характерны эпитеты, обозначающие их неутомимость и неуемную энергию, безудержную подвижность, нечеловеческую активность и динамичность.

Так, Гиммер «в малом теле имел избыток динамизма» [Т. 12, с. 491], а лицо его было «выразительно-энергично» [Т. 11, с. 45]. Кроме того, характер подвижности данного *беса* и его внешний вид позволяют сравнить поведение этого персонажа с поведением мелкого насекомого, а точнее, с подвижностью блохи, считающейся издревле «нечистым созданием»¹³: «...он был мал, но прыгнуть мог выше любого большого. Именно быстротою сообразительности и действий он всех и обскакивал» [Т. 12, с. 491]; «Гиммер, как всегда самый быстрый в заскоке...» [Т. 12, с. 546]. Прямо же «блохой» в главе 34 «Апреля...» его мысленно называет Александр Гучков, характеризующий членов прибывшей на переговоры с ним 17 апреля «контактной комиссии» Советов: «На месте был и заранее как бы припрыгивал для следующих вопросов и возражений – блоха Гиммер» [Т. 15, с. 298].

Но если этому персонажу для подобной подвижности нужна материальная основа – еда, без которой ему плохо мыслится в русле того же материализма и не хватает революционного напора, то у самого жуткого *беса* эпопеи и самого главного «поборника» диалектического материализма – Ленина – энергия имеет необъяснимый метафизический источник: «А голода от пропущенного обеда не ощущал никакого. Ему – можно было и мало есть, в нём энергия вырабатывалась почти и без еды» [Т. 10, с. 110].

Удивительно энергичен и динамичен «пружинный, быстрый» Троцкий. Своей жизненной энергией на страницах «Апреля...» он поражает доктора Федонина, возвращающегося одним с ним поездом в Россию: «Тут, в вагонном разговоре, Троцкий, кажется, и двадцатой доли своей энергии не дарил...» [Т. 16, с. 479].

Из крупных *бесов*, наверное, только Нахамкису не свойствен подобный динамизм движения. В самом начале он появляется в Совете (это первое его выступление на страницах эпопеи) «основательным, хозяйским шагом, основательно огляде<v> присутствующих...» [Т. 11, с. 536]. Однако и в нем, к удивлению его «соратников», порой «выпирала динамичная революционность» [Т. 13, с. 451]. В конечном итоге в художественном мире эпопеи неестественный динамизм *бесов* оказывается в основе разрушительных и античеловеческих сил.

¹³ Мифы народов мира : в 2 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 2. С. 202–203.

Очень подвижны и *мелкие бесы*, среди которых «живчик с бородкой и пятном белой лысины среди чёрной поросли» «несуёмный Соколов» [Т. 14, с. 66]; отличающийся «только ртутной подвижностью» [Т. 12, с. 84] от представителей своего сословия – средних буржуа – Бубликов; на «молниеносные» решения [Т. 12, с. 440] способен его помощник Ломоносов, особенно когда дело касается его же амбициозно-революционных планов.

Направленная на расшатывание устоев разрушительная подвижность и нечеловеческая энергия *персонажей-бесов* тесно связана с мотивами «колеса», «кручения» и «вращения». Так, Гиммер в главе 428 «Марта...» «завился, забился... как штопор, на месте...» [Т. 13, с. 292]; порой «волчком» [Т. 14, с. 69] вертелся Соколов. А у некоторых персонажей подобному виду движения подвержены даже отдельные части тела: у Ломоносова, например, «...мелькал, перекачивался по комнатам стриженный котёл... головы» [Т. 12, с. 440].

Именно особое авторское отношение к персонажам как один из отмеченных критериев позволяет сгруппировать сторонников социалистического развития общества, являющихся фактическими носителями, распространителями и поборниками бесовских идей, в третий подтип. К этому подтипу можно отнести таких, основанных на реальных исторических прототипах действующих лиц, как Владимир Станкевич, Александр Шляпников, Козьма Гвоздев и даже Ираклий Церетели, а также вымышленного Сашу Ленартовича.

Так, характер изображения Александра Шляпникова в эпопее отличается от специфики образов Гиммера или Нахамкиса. В произведении очевидно не только обличительное отношение автора к этому фактическому в стране на тот момент лидеру большевиков, но и... дружеское (повествователь называет его «Санькой» [Т. 13, с. 465]), а порой и сочувственное.

Раскрывая предысторию Шляпникова, писатель показывает его в отличие от *бесов* первого подтипа прежде всего как труженика, первоклассного специалиста – токаря мирового уровня, не забывающего и любящего свою профессию (сравните с Гиммером), что в свою очередь способствует положительному восприятию образа большевика. «Дружеское» отношение автора к данному персонажу проявляется и через изображение естественных человеческих страстей и переживаний героя (чего практически лишены *персонажи-бесы* первого подтипа). Так, на страницах эпопеи Александр Шляпников неоднократно вспоминает о своей возлюбленной – Александре Коллонтай. Любовь героя к этой «новой женщине» в эпопее печальна, трагична (из-за неразделенности) и нежна – большевик, державший не раз в руках пистолет, живший по суровым законам «подполья», оказывается способным на нежные чувства: «Солнышко ты моё красное, неужели ж ты для меня потеряна?» [Т. 16, с. 181].

Неоднозначное отношение автора к Шляпникову (а также и к Козьме Гвоздеву) не случайно. В одном из своих интервью о «Красном колесе» А. Солженицын объяснил его так: «Симпатия у меня к нему личная, и отчасти симпатия из-за его судьбы, это же относится и к Гвоздеву; вот две фигуры в каком-то смысле тут параллельных, потому что оба они рабочие, оба они

несчастливым образом потом расплачивались при советской власти, и оба погибли в результате сталинского террора»¹⁴.

Нейтрально, без жесткой иронии или сарказма, а иногда с ярко выраженным «положительным» вниманием автор воссоздает в эпосе образы Станкевича и Пешехонова. То же самое можно сказать и о вымышленном Саше Ленартовиче, в чьем образе автор не только показывает максимализм социалистически настроенной молодежи, но и исследует влияние этих идей на судьбу героя. Даже к образу Ираклия Церетели авторское отношение неоднозначно. Писатель уделяет немало внимания рассмотрению патриотических идей этого социалиста.

Несмотря на силу художественных предвидений Ф.М. Достоевского (часть из которых так или иначе осуществилась в реальной истории), в романе «Бесы» очевидны оптимистические надежды на спасение России от угрозы всеобщего *беснования*. Они выражаются, например, в словах, сказанных Степаном Трофимовичем Верховенским, осознавшим в конце концов творимое ими зло: «Но великая мысль и великая воля осенят её свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней»¹⁵. У Солженицына, несмотря на осознание некоторыми *бесами* «Красного колеса» случившегося, такие надежды никто не высказывает. Тем более что историческая действительность в отличие от Достоевского не предвиденная, а хорошо известная автору, такие надежды всё равно не оправдает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского [Текст] // Собр. соч.: в 7 т. – М.: Русские словари, 2000. – Т. 2. – 800 с.
2. Достоевский, Ф.М. Бесы [Текст] // Полн. собр. соч. [Текст]: в 30 т. – Л.: Наука, 1984. – Т. 10. – 518 с.
3. Иванова, А.А. Философские открытия Ф.М. Достоевского [Текст]: моногр. – М.: Наука, 1995. – 194 с.
4. Мифы народов мира [Текст]: энциклопедия: в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – Т. 2: К–Я. – 719 с.
5. Сараскина, Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение [Текст]: моногр. – М.: Советский писатель, 1990. – 480 с.
6. Солженицын, А. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах [Текст]: в 10 т. – М.: Воениздат, 1996. – Т. 9. – 583 с.
7. Солженицын, А.И. Публицистика [Текст]: в 3 т. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995–1997.
8. Солженицын, А.И. Красное колесо [Текст] // Собр. соч.: в 30 т. – М.: Время, 2006–2009. – Т. 7–16.
9. Солженицын, А. Потёмщики света не ищут [Текст] // Комсомольская правда. – 2003. – № 197. – С. 9–11.

¹⁴ Солженицын А. Публицистика. Т. 3. С. 265.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Бесы. Т. 10. С. 499.

10. Урманов, А.В. Творчество Александра Солженицына [Текст] : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 384 с.

V.V. Guskov

THE TYPOLOGY OF DEMONS IN A.I. SOLZHENITSYN'S EPIC NOVEL «THE RED WHEEL»

The paper deals with demonic characters which appear in A.I. Solzhenitsyn's cycle of novels «The Red Wheel». A.I. Solzhenitsyn's demon-characters represent antiideal personality traits. The characters are used by the author to reveal his understanding of historic processes. The writer believes that ideology destroys the evolutionary development of history bringing about tragedy and destruction. Among A.I. Solzhenitsyn's demons there are those who fight for forcible reorganization of society, revolutionists. Almost all of them view the world through the prism of revolution, they deny Christian values, they worship material treasures and discard spiritual ones. Relying on A.I. Solzhenitsyn's attitude to his characters and on the intensity of negative features in them, the author of the article singles out three subtypes of demons.

author's conception of a personality, demons, revolution, system of characters, A.I. Solzhenitsyn's work, typology.

УДК 8Р2

С.Н. Моторин

ЛАГЕРНЫЙ БЫТ И БЫТИЕ В ПЬЕСЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РЕСПУБЛИКА ТРУДА»

В статье дается краткий обзор драматургического наследия А.И. Солженицына («Пир победителей», «Пленники», «Республика труда», «Знают истину танки», «Свет, который в тебе», «Тунеядец»). Основное внимание уделяется социально-философской проблематике, идейно-художественным особенностям, архитектонике, системе образов персонажей пьесы «Республика труда» и особенностям построения ремарок, что позволяет сформировать более целостное представление о важнейших тенденциях в творчестве писателя. Особое место отведено анализу изображения в драме внутреннего мира человека, перманентно находящегося в состоянии порогового бытия.

драматургия, пьеса, драма, комедия, трагедия, персонаж, герой, художественный образ, ремарка, действие, сюжет, конфликт, реплика, сцена, мотив, монолог, диалог, мизансцена, быт, бытие, пейзаж, интерьер, портрет, лагерь, зона, заключенный, страх, насилие, работа, абсурд.

Большинству читателей А.И. Солженицын известен, прежде всего, как прозаик, автор «Одного дня Ивана Денисовича», «Матрёниного двора», «В круге первом», «Архипелага ГУЛАГ», «Красного колеса», «Ракового корпуса», а также иных, не менее известных произведений. К этой части его творческого наследия неоднократно обращались в своих работах такие исследователи, как Б.М. Сарнов, В.Г. Бондаренко, А.В. Урманов, Л.Е. Герасимов, В.С. Бушин, В.А. Чалмаев¹ и многие другие. Однако писатель оставил свой след и в драматургии и его перу принадлежит целый ряд пьес, созданных в разное время и в разных обстоятельствах.

Первой в 1951 году в Экибастузском лагере, где А.И. Солженицын оказался на общих работах в качестве каменщика, была написана комедия «Пир победителей». Произведение хранилось в памяти автора, поскольку держать при себе какие-либо записи означало идти на неоправданный риск, причем некоторые отрывки сначала записывались, а после правки и заучивания наизусть уничтожались, иные же куски были перенесены на бумагу только в 1953 году в Кок-Тереке, куда А.И. Солженицын отправили отбывать ссылку².

Второй стала трагедия «Пленники», изначально называвшаяся «Декабристы без декабря». Создавалась она, как и первая, частично в уме, частично на клочках бумаги, а после сжигалась. А.И. Солженицын приступил к ней в 1952 году в том же лагере, но уже не на общих работах, а в литейке, и целиком записал в 1953 году в Кок-Тереке³.

В ссылке, весной 1954 года, написана была и драма «Республика труда», впоследствии (в 1962 году) отредактированная автором для постановки в московском театре «Современник» и получившая название «Олень и шалашовка». Однако пьесе не суждено было увидеть света рампы по цензурным соображениям, хотя первые шаги в этом направлении были сделаны, даже роли распределены между актерами⁴.

Все эти произведения, несмотря на всю их разноплановость, виделись А.И. Солженицыну внутренне связанными друг с другом, поэтому они формально были объединены в драматическую трилогию под общим названием «1945 год».

Осенью 1959 года в Рязани писатель обратился к жанру киносценария. В результате этого творческого эксперимента появился сценарий «Знают истину танки». Автор совсем не был уверен в том, что по нему вообще когда-либо будет сниматься фильм, поэтому в произведении пояснения к видеоряду отличаются предельной скрупулезностью, чтобы читатель мог детально представить предполагаемое на экране⁵.

¹ Сарнов Б.М. Феномен Солженицына. М. : Эксмо, 2012. 848 с. ; Бондаренко В.Г. Александр Солженицын как русское явление. М., 2003. 112 с. ; Урманов А.В. Солженицын : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2003. 384 с. ; Герасимова Л.Е. Этюды о Солженицыне. Саратов : Новый ветер, 2007, 130 с. ; Бушин В.С. Неизвестный Солженицын. М. : Эксмо : Алгоритм, 2009. 560 с. ; Чалмаев В.А. Александр Солженицын: жизнь и творчество. М. : Просвещение, 1994. 287 с.

² URL : <http://Solzhenitsyn.ru>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

В 1960 году также в Рязани А.И. Солженицыным была создана пьеса «Свет, который в тебе» (второе название – «Свеча на ветру») ⁶. В 1968 году отчасти на основе рязанских впечатлений написан киносценарий «Тунеядец». Его постановка предполагалась на «Мосфильме», но до съемок дело так и не дошло ⁷.

Все драматические произведения А.И. Солженицына в той или иной степени посвящены одному – разоблачению системы тоталитаризма в нашей стране. Об этом достаточно подробно высказался В.П. Муромский ⁸. Однако с точки зрения органичности и богатства сценического потенциала из всех пьес особенно выделяется «Республика труда», в которой автором была найдена наиболее острая и точная форма обобщения и передачи лагерного опыта.

Уже первые страницы этого произведения (еще до начала самого действия) погружают нас в реалии лагеря. В списке действующих лиц не просто перечислены те, кого предстоит увидеть на сцене, но определена их функция в зоне. Все они разделены на три группы.

Первую, самую большую, составляют заключенные; вторая состоит из вольнонаемных, начальствующих над первыми в производственной части зоны; третья, обозначенная как «охрана», властвует над эками на всей территории зоны. Причем если вторая и третья группы выглядят хотя бы относительно монолитными в силу своего начальственного положения, то первая не только куда более многочисленна, но и явно неоднородна. В ней можно выделить следующие подгруппы: простые работяги, «придурки» (заключенные, не занимающиеся физически тяжелым трудом) и «блатные» (уголовники, живущие по «воровскому закону»). То есть уже в списке действующих лиц наблюдается определенная иерархия лагеря, которая в процессе действия пьесы будет уточняться и приобретать некоторую тонкую детализацию.

Далее (в варианте пьесы под названием «Олень и шалашовка») А.И. Солженицын приводит «краткий словарь лагерного языка», видевшийся ему как приложение к театральной программке, в нем уточняется смысл некоторых жаргонных слов и выражений, отражающих жизнь лагеря. Например, слово «кондей» обозначает карцер, а слово «фитиль» – состояние предельно ослабевшего человека; выражение «на цырлах» подразумевает не столько движение человека, идущего на цыпочках, сколько его стремление услужить кому-то с максимальным усердием. Автор пьесы расшифровывает и специфические аббревиатуры, такие как УРЧ (учетно-распределительная часть) или ШИзо (штрафной изолятор). Есть в этом словаре эмоционально окрашенные слова, отражающие отношение каторжан к чему-либо: «горбить» – бессмысленно растрчивать силы на работе, «сосаловка» – лагерь, в котором заключенные обречены на голодное существование. Имеются здесь даже слова, окрашенные черным юмором, например, аббревиатура «ЧТЗ», в обычной жизни расшифровывающаяся как Челябинский тракторный завод, а в жизни заключенных обозначает самодельную, спи-

⁶ URL : <http://Solzhenitsyn.ru>

⁷ Там же.

⁸ Муромский В.П. О драматургии А.И. Солженицына // Вестник Волгоградского университета. Серия 8 : Литературоведение. Журналистика. 2006. № 5.

тую из автомобильной резины грубую обувь, которая после каждого шага оставляет вид автомобильного следа.

Конечно, в этом приложении к программке есть далеко не все слова и выражения лагерного жаргона, встречающиеся в пьесе. Нет там, например, слова «доходяга» или слова «баланда», нет и выражения «клепать срок». Но ведь очевидно, что это не от невнимательности или небрежности автора. Предлагая такой короткий словарь, он явно не ставил перед собой собственно лингвистическую задачу, главная цель – еще до начала самого действия – приобщить читателя-зрителя к быту и атмосфере мест не столь отдаленных.

Приметы повседневного существования человека в лагере буквально переполняют художественную ткань драмы «Республика труда». Особенно насыщены ими ремарки, то предельно детально рисующие пейзаж, интерьер, портрет, то комментирующие действие, то изображающие общую атмосферу, то указывающие на настроение, душевное состояние отдельно взятого персонажа.

Одним из самых ярких примеров такого рода может служить ремарка, предваряющая первый акт. В ней автору удалось совместить практически все варианты, кроме ремарки, в которой дается интерьер, и нарисовать относительно лаконичное, но поистине эпическое по своему размаху полотно. В ее пейзажной части раскинулась лагерная ойкумена:

«Утро. Скоро взойдет солнце. На крышах бараков белеет иней осеннего заморозка.

Часть зоны лагеря. В глубине колючая изгородь с предзонником. В ней – двойные ворота: высокие в заборе зоны, низенькие в заборе предзонника. Правее ворот – тесовая будка вахты. Еще глубже, за изгородью – рабочая зона, там – высокое строящееся кирпичное здание, кран, кое-где леса. Видна дымящаяся литейка и другие подсобные постройки»⁹.

Далее следует коллективный портрет в движении, совмещенный с психологической характеристикой, отражающей как общую атмосферу неволи, так и душевное состояние отдельных персонажей: «Слева, наискосок к вахте, ведет линейка развода, густо заполненная заключенными, мужчинами и женщинами, в грязных изорванных телогрейках и ватных брюках, у некоторых женщин поверх брюк – юбка. У самых ворот развод походит на строй, – там вахтер и нарядчик Костя, румяный, похожий на боксера, пропускает пятерки, хлопая счетными дощечками крайних по спинам. Дальше от ворот строя нет, беспорядок, разговоры. Общая вялость, понурость, только Чегенев в шутку возится с Димкой. Один увязывает обувь, другой доминирует утреннюю пайку хлеба, третий зябнет, жметесь.

В самом хвосте выделяется несколько почище одетых производственных придурков, среди них «шикарно» одетая машинистка Зина и низенький толстый нормировщик Дорофеев. У ворот сидит на табуретке гармонист и лениво, не все время, наигрывает марш из «Веселых ребят». Обок развода стоит в белом халате черный фельдшер Ага-Мирза, у ног его сидит на земле 1-й доходяга.

⁹ Солженицын А.И. Республика труда // Пьесы. М.: Новый мир, 1990. С. 255. (Далее ссылки на данное издание даются в тексте статьи с указанием в скобках номера страницы.)

Столб, на проволоке – рельс. Около стоят низенький надзиратель Колодей и высокий Нержин в долгой, еще новой офицерской шинели без знаков различия и в сапогах. Оба следят за разводом» [С. 255–256].

Завершается же эта ремарка пейзажной зарисовкой явно философско-сатирического характера: «Слева близко выступает угол стандартного лагерного барака, тут маленькая дверь с парой ступенек в нашу сторону. Еще ближе тщательно окрашенный дощаной ящик с крышкой и надписью: «Для отбросов».

На стенах бараков и на отдельных щитах в разных местах зоны – плакаты: «Труд облагораживает человека», «Груд из заторного бремени, каким он был при капитализме, стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» / Сталин /, «Кто не работает, тот не ест!»

Видно, как бригады в рабочей зоне тотчас разбредаются и к концу картины начинают работать» [С. 256]. В этой части текста совершенно очевидна двусмысленность лозунгов, написанных на плакатах, ведь они воспринимаются теми, к кому обращены, не иначе как издевательство, в лучшем случае как жестокая насмешка. А надпись на ящике оказывается вовсе не столько для того, чтобы не путали и именно туда бросали нечто непригодное в пищу, сколько для выявления отношения к человеку со стороны начальства и для определения степени его падения: «...слева к ящику с отбросами прокрадывается 2-й доходяга. Он – в шинельном бушлате, перепоясанном веревкой, под которую на спине подпущен дужкой немецкий солдатский котелок без крышки. Доходяга открывает ящик, роется там, выбирает пищу и складывает в котелок» [С. 258].

Максимального погружения в быт человека за колючей проволокой пьеса достигает на диалогическом уровне. Именно в разговорах персонажей раскрывается и система повседневной жизни зоны, и суть лагерного бытия.

Оказывается, что начальство волнуют только цифры, проценты и совершенно неважно, как они будут достигнуты, главное, чтобы только не прогневить вышестоящих: «Пункт тридцать четвертый: «Предупредить товарища Овчухова, что, если он не добьется крутого подъема производительности труда, он будет переведен в дальние северные лагеря». В ссылку значит. На Колыму куда-нибудь. Ой, мама, вот жмут! Вот жмут» [С. 292]. Начальник лагпункта лейтенант Овчухов не стесняясь говорит наивному «олению» Нержину: «Мало. Ма-ло! Надо на пятьдесят восемь!.. Нет, на пятьдесят восемь не надо... на шестьдесят! Я тебя научу... Заключенный – он падло ленивое... А ты его, гада, – по зубам! По шее!» [С. 296]. Собственное материальное благополучие начальниками тоже не забывается и строится исключительно на притеснении и даже открытом грабеже заключенных. Овчухов прямо требует этого от Нержина: «Теперь – от нового этапа хороших вещей набрал?» [С. 296].

Закоренелые преступники, именуемые «ворами в законе», чувствуют себя в зоне вполне вольготно, потому что считаются «социально близкими», то есть менее опасными и в политическом смысле более благонадежными, чем осужденные по пятьдесят восьмой статье. С молчаливого согласия начальства воры в зоне не работают принципиально: «Сам знаешь, начальник, по субботам мы

не ходим на работу, а у нас суббота – каждый день» [С. 262]. Живут же они ни в чем особенно не нуждаясь: «А баланду нашу можешь работягам отдавать, нам с кухни носят...» [С. 317].

На особом положении и лагерные придурки – зэки, сумевшие устроиться на должности, не требующие физического труда (административные, канцелярские, в сфере обслуживания). К ним относятся банщики, хлеборезы, бухгалтеры, повара, фельдшеры, врачи, нормировщики, каптеры, бригадиры. Главный герой, Глеб Нержин, в самом начале действия пьесы является представителем именно этой категории заключенных, он исполняет обязанности завпроизводством, однако совсем недолго, потому что для этого важно не столько наличие образования, деловая хватка и опыт руководства людьми, сколько властолюбие, умение плести интриги, цинизм, подлость, стремление угодить начальству, жажда выжить любой ценой.

Большинство придурков очень хорошо усвоили главный принцип лагерного бытия, исповедуемый блатными: «Умри ты сегодня, а я завтра!» [С. 318]. И неслучайно, что многие придурки – из бывших блатарей, стали согласно лагерной «терминологии» «суками», согласились на сотрудничество с администрацией, то есть изменили «воровскому закону».

В этом мире за колючей проволокой нет места состраданию, совести и чести, здесь нет ничего запретного с точки зрения человеческой морали. Например, инженер Кукоч, осужденный за воровство из государственного «кармана» («закон семь восьмых» [С. 261]), еще менее, чем на свободе, чувствует себя ограниченным какими-либо нравственными нормами: «Четыре года я в лагерях сижу – дня на общих не работал и не буду! По трупам пойду, но устроюсь... Здесь – ГУЛАГ, незримая страна, которой нет в географиях, психологиях и историях, та знаменитая страна, в которой девяносто девять плачут – один смеется!! Я предпочитаю – смеяться!» [С. 277–278]. Именно этот персонаж и займет место Нержина, которого за честность возненавидели блатные и большинство придурков, организовавших против него заговор.

Отношения между самими придурками основываются, с одной стороны, на взаимной выгоде, с другой – на стремлении упрочить свое собственное положение за счет другого. Нарядчик Костя прямо говорит об этом Нержину, изображая руками клубок змей: «Тут придурки – кубло, во кубло... И я тоже из этого кубла, учти. Только мы с Рубеном-кладовщиком бабы не поделили. Так или я его на лесоповал, или он меня на лесоповал. Поэтому я с тобой могу... Сейчас нам – что?.. Кухня: старший повар – мой человек, порядок. Раз. Хлебореза своего поставит – два. Вещкаптера своего – три...» [С. 291].

Перед лагерным начальством придурки всячески заискивают и выслуживаются, особенно ярко это А.И. Солженицын показывает в сцене разговора лейтенанта Овчухова со старшим бухгалтером Соломоном и поваром. Начальник, все прекрасно понимая, притворно удивляется преподнесенной ему по случаю очередного утреннего похмелья водке и изысканным закускам (антрекоту и рисовым котлеткам под соусом «плюм»). Казалось бы, заключенные должны люто ненавидеть своих мучителей-тюремщиков и при всяком удобном случае мстить им, но в этом «заключенном» мире все относительно.

Пьяница и разгильдяй Овчухов потерял табельное оружие, а заключенный, врач зоны Мерещун, не только нашел и сохранил пистолет, но и вернул его Овчугову, которого согласно закону надо бы судить. При этом зэк ничего лично для себя вроде бы не просит в награду, а под предлогом заботы о благе лагеря и его начальника делает все для замены заведующего производством Нержина на Кукоча, ведь он тоже участник заговора. Тут же, как по волшебству, в руках Соломона появляется книга приказов и участь главного героя решена. Лейтенанту же только и остается что демагогическими фразами придать внешне приличный вид своему сговору с подручными-придурками: «Золотые люди меня окружают! Вот что значит – я умею людей подбирать. Как правильно товарищ Сталин сказал: «Кадры решают все»; «Люди – самый ценный капитал» [С. 300].

В этой среде обыденным оказывается и такое отвратительное явление, как доносительство. Донос используется как способ выслужиться перед начальством и как средство мести. В картине второй первого действия из диалога Чегенева и Гая следует, что их товарищ, молодой поэт, находится в штрафном изоляторе, ему грозит новый срок, а попал он туда из-за фельдшера Ага-Мирзы, который «в больнице из-под подушки что-то у него вытащил – куму отнес» [С. 269]. Кто-то постоянно доносит на литейщиков старшему прорабу Гурвичу. В финальной сцене отправляемая на этап Граня кричит Гаю: «Кукоча берегись! Он – стукач!! Точно!» [С. 344].

Чем же «расплачивается» начальство со «стукачами» за предательство? Конечно, не только освобождением от тяжелого физического труда, но и иными «льготами»: усиленным пайком, сносной одеждой и обувью, относительной свободой передвижения в пределах лагеря, возможностью наживаться за счет простых заключенных и иметь власть над ними. Некоторым позволено даже жить отдельно от всех и иметь неофициальную жену, выбранную из женщин-заключенных, которую запросто можно заменить на другую, если не угодила или надоела. Отдельным, особо приближенным, живет в зоне комфортнее и сытнее, чем многим на воле. Например, о Мерещуне сам начальник говорит: «Да ничего тебе не надо. Ты же живешь лучше, чем на воле. На воле сейчас, я тебе скажу, голод. Не для всех, конечно. А ты на жратву не смотришь, баб у тебя хватает, спирта сам я у тебя беру» [С. 298].

Если «устроившиеся» придурки в основном борются между собой, то простому работяге часто приходится в полной мере сталкиваться с непреодолимыми обстоятельствами лагерной жизни, с ее всепоглощающим абсурдом, напоминающим «Миф о Сизифе» Альбера Камю, ибо его повседневное существование сродни бессмысленным усилиям Сизифа, катящего в гору камень. Причем начинается эта «титаническая» борьба с первых же минут пребывания лагерника в зоне, где его изначально не воспринимают как человека.

Когда в лагерь, изображаемый в пьесе, привозят очередной этап, то надзиратель Колодей сообщает о вновь прибывших как о некоем неживом грузе: «Четыре машины будет, пока одна пришла» [С. 258]. Более того, кормить их в этот день никто не собирается, потому что согласно сопроводительным документам эти заключенные «удовлетворены по восемнадцатое число включительно»

[С. 277], а вот на работу их погонят обязательно: «Пусть проценты несут» [С. 258]. И неважно, что реального дела для них пока нет, – будут с места на место мусор переносить или рыть никому не нужную канаву; главное, чтобы начальство не увидело «простоя». Им даже бани не видать, потому что нет ни мыла, положенного арестантам, ни воды, но, с точки зрения администрации, так даже лучше, меньше хлопот, а то, что люди вторую неделю не мылись, – это пустяки, хватит и сухой «прожарки».

Со второй картины первого действия драма «Республика труда» начинает напоминать ставшие в семидесятые годы модными производственные пьесы, но с обратным знаком. Автор так же, как впоследствии И. Дворецкий, А. Мишарин, Г. Бокарев, А. Гребнев, А. Гельман и другие сочинители подобного рода произведений, много внимания уделяет «производственным» вопросам (в каких условиях работают люди? что мешает работе? какова эффективность их труда? каково его качество? и т. д.). Однако необходимо помнить, что все эти проблемы рассматриваются А.И. Солженицыным через категорию подневольности труда, ведь эта работа – существенная часть мира каторги.

Труд в лагере, как правило, не приносит человеку ни радости, ни удовлетворения, хотя время от времени позволяет забыть на какое-то время о своем положении. Иногда заключенному даже удается поработать на себя, втайне от начальства, как, например, литейщикам, делающим «налево» всякий ширпотреб. Но и в этом случае эзков ждет разочарование, ведь «вольняшка» Фролов, выносящий товар из зоны, постоянно обманывает их при расчете.

Обман и насилие вообще являются альфой и омегой, составляют основу отношений в зоне. В работе же к ним прибавляются неорганизованность, бесполокность, мелкие склоки, некомпетентность, даже безграмотность начальства, особенно ярко запечатленные драматургом в картине шестой второго действия. Оказывается, что ни планировать, ни проектировать толком не умеют: то требуют полы деревянными сделать, то бетонными, а ведь работа с деревом уже частично закончена и ее необходимо не только как-то оформить, но и оплатить. В картине восьмой третьего действия бригаде Гая приказывают ломать почти достроенную стену, потому что десятник ошибся. И все это за счет работяг, труд которых не ценится, превращается в бессмыслицу: «Вы знаете, за три года по нарядам проверили: мы отнесли строймусора объемом больше, чем все это здание!» [С. 318–319]. Эту фразу бросает старший прораб, следовательно, начальство знает обо всем, но не стремится менять такое абсурдное положение. Расплачиваются же за все заключенные, которым уменьшают пайку: «Доходят люди. Это целый день с носилками, придут в лагерь, навару капустного похлебают – и ложись» [С. 303].

Выясняется, что начальство приказывает бухгалтерам урезать наряды и расценки, а бригадиры-зэки в ответ норовят написать «тухту», то есть вранье в отчетах по работам. Более того, начальство всячески притесняет каторжан, не разрешая получить посылку из дома, если не выполнено сто двадцать процентов нормы, не дает свиданий с родными и творит всяческий произвол.

Даже творческий подход к делу оборачивается для заключенных еще более тяжким ярмом. Когда литейщики по собственному почину построили печь

для плавки бронзы, оказалось, что не только обещанной премии им никто давать не собирается, не только слава изобретателей достанется бездарному начальству, но и работать придется еще больше, вечерами и даже в праздничные дни: «Чтоб через три дня чугунная плавка была! Причем тут бронза? Привыкли лоботрясничать. Не успевает Макар за день? – пусть вечерами формует, пусть на праздники. Я ему дополнительный конвой закажу» [С. 338].

Доминантой существования заключенного является страх. Эк боится любого начальства, даже своего бригадира: «Спаси нас, Боже, от такого бригадира! «Горой за работягу» – а сегодня, видели? – свалил работягу и ногами бил» [С. 276]. Боится отправки на северный этап: «Это еще – не завезли. Где картошка в поле растет – это еще лагерь считается *ближний*. Тут железная дорога близко, сюда – посылки круглый год и на свидания приезжают. Подожди, в Норильск отправят – там навигация полгода, закон» [С. 273]. Боится лесоповала: «У нас там санчасти нет... У нас без врача как-то и не болеют. Жив-жив, потом смотришь – помер. Без хлопот» [С. 289]. Боится зимы и общих работ: «Как задует буран, да землю эту скованную без рукавичек ломом долбать... Нет» [С. 308]. Боится голода: «...как говорится, если работяга в ложке нуждается – это еще лагерь хороший. Доходиловка – когда миску пьют через бортик» [С. 277]; «...вместо хлеба зерно выдавали. Смешаешь со снегом – вот и суп» [С. 286]. Боится общих работ: «Общие – это смерть!» [С. 287].

Бытие лагерника, по сути, сводится к постоянному балансированию на грани: на грани совести и подлости, верности и предательства, чести и бесчестия, сохранения человеческого облика и превращения в доходягу, собирающего отбросы, наконец, на грани жизни и смерти. И неудивительно, что людей порою охватывает отчаяние: «...как тут дожить? Как вообще тут можно – жить?!» [С. 272]; «Я тянулся – попасть в милость. Поманили меня какой-то иллюзией погонов, и я пошел. С такой высокой лестницы скатился, а на последней ступеньке хотел удержаться. Гнуть других, только б не гнуться самому» [С. 213]. «Что с моей головой? Я в каком-то злом сне... Зачем я полез в начальники? <...> Какой-то гадливый ужас – чтобы только самому не попасть на общие... Но начальником здесь быть – еще хуже смерти...» [С. 287]; «Нет уж, остаток срока пусть мне пахан сухим пайком выдает! <...> Девять грамм» [С. 336]. Такое перманентное пороговое состояние, подспудно, но неотвратимо требующее от человека выбора, в итоге заставляет его задуматься о смысле и содержании прожитой жизни, повернуться от быта к самому бытию. Главный герой драмы сделал свой выбор – выбор в пользу внутренней свободы и заново обрел способность любить: «С тех пор как я арестован, – я как в черном дыму, я улыбаться перестал. А с тобой мне так хорошо стало, будто ты меня освободила! На волю выпустила!» [С. 329].

Казалось бы, финал пьесы ставит под сомнение саму возможность существования в неволе такого хрупкого человеческого чувства, как любовь, ведь возлюбленная Нержина в заключительной мизансцене идет к всемогущему врачу зоны, неоднократно предлагавшему ей сожительство. Однако следует отметить, что истинные мотивы ее поступка неизвестны: то ли она отчаялась и сда-

лась, то ли такой шаг видится ей единственной реальной возможностью помочь Глебу, попавшему в санчасть с тяжелой травмой. Самому автору как гуманисту и продолжателю русской классической литературной традиции, вероятнее всего, важнее было не просто рассказать историю любви своих героев со счастливой или несчастливой развязкой, но утвердить систему истинных ценностей, которую человек способен сохранить в своей душе даже в самых нечеловеческих условиях. И любовь в этой системе для А.И. Солженицына имеет явно не второстепенное значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко, В. Александр Солженицын как русское явление [Текст]. – М., 2003. – 112 с.
2. Бушин, В.С. Неизвестный Солженицын [Текст]. – М. : Эксмо Алгоритм, 2009. – 560 с.
3. Герасимова, Л.Е. Этюды о Солженицыне [Текст]. – Саратов : Новый ветер, 2007. – 130 с.
4. Муромский, В.П. О драматургии А.И. Солженицына [Текст] // Вестник Волгоградского университета. Серия 8 : Литературоведение. Журналистика. – 2006. – № 5.
5. Сарнов, Б.М. Феномен Солженицына [Текст]. – М. : Эксмо, 2012. – 848 с.
6. Солженицын, А.И. Пьесы [Текст]. – М. : Новый мир, 1990. – 416 с.
7. Урманов, А.В. Солженицын [Текст] : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 384 с.
8. Чалмаев, В.А. Александр Солженицын: жизнь и творчество [Текст]. – М. : Просвещение, 1994. – 287 с.

S.N. Motorin

LIFE IN A PRISON CAMP IN A.I. SOLZHENITSYN'S PLAY «THE REPUBLIC OF LABOR»

The article treats A.I. Solzhenitsyn's drama works and briefly reviews the writer's dramatic heritage («The Feast of Victors», «Prisoners», «The Republic of Labor», «Tanks Know the Truth», «The Light Which is in Thee», «The Parasite»). The article centers on the play «The Republic of Labor». The author analyzes social and philosophical problems raised in the play, its literary characteristics, its architectonics, its system of characters, etc. to comprehensively understand major tendencies of A.I. Solzhenitsyn's literary style. The article closely analyzes the dramatic descriptions of the inner world of a person whose life is unsettled.

dramaturgy, play, drama, comedy, tragedy, character, hero, artistic image, remark, action, plot, conflict, cue, scene, motive, monologue, dialogue, mise-en-scène, life, landscape, interior, portrait, prison camp, prisoner, fear, abuse, labor, absurdity.

УДК 94 (410)

Р.А. Соколова

ТЕМА ГУЛАГА В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА И А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Исследуется тема ГУЛАГа, представленная в романе «Осударева дорога» М.М. Пришвина и в рассказе «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына. Анализ произведений писателей позволяет утверждать, что авторы рассмотрели не только тему репрессий в советской России – уничтожение властью народа, но и судьбу России и сохранение личности в условиях несвободы.

Победившая в стране советская идея покорения общества, природы, человека в ходе социалистического строительства, замысел устройства новой жизни за счет обычных людей воспринимается писателями как насилие и жестокость. Солженицын, оценивая один лагерный день своего героя, говорит о бесконечности и бесчеловечности его заключения. Пришвин безжалостную победу «всех» над «каждым» передает через картины покорения человеком природы и в результате ее уничтожения. Но главные герои, простые люди, носители народной нравственности, находясь в заключении, остаются свободными людьми, так как лагерная жизнь не изменила их внутреннего мира. Через выпавшие на их долю испытания проносят они чистой свою душу, в них воплотились крестьянская основательность и привычка к труду, терпение и умение приспособиться к нечеловеческим условиям, не унижаясь и не участвуя в творимом зле, оставаясь внутренне свободными и в обстановке несвободы, сохраняя свое имя, язык и родину.

ГУЛАГ, Пришвин М.М., Солженицын А.А., советская власть, репрессии, свобода личности.

М.М. Пришвин и А.И. Солженицын представили в своем творчестве тему ГУЛАГа – тему уничтожения советской властью народа России. Оба писателя знали, что «с коммунистами нельзя говорить: 1) о Боге, 2) о смерти и «Том свете», 3) о дурных явлениях нашей общественной жизни (например, столкновении поездов, заключенных, безработице и т. п.)»¹, однако оба утверждали, что русская литература не может перешагнуть через трагедию заключенных в Советской стране. Один забыл, что он – мастер охотничьих и детских рассказов, певец природы, и написал роман «Осударева дорога» о строительстве зэками Беломорско-Балтийского канала имени И.В. Сталина. Другой, покоренный пришвинской темой сотворчества человека и природы, писал Н. Решетовской в 1948 году: «Прочти «Фацелию» Пришвина – это поэма в прозе, написанная с задушевностью Чехова и русской природы, – ты читала ли вообще Пришвина? Огромный мастер. В этой «Фацелии» очень красиво проведена мысль о том, как автор... самое красивое и ценное в своей жизни только потому и сделал, что был несча-

¹ Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». Из Дневников 1931–1952 гг. // Наше наследие. 1990. № 2. С. 81.

стлив в любви»², все-таки стал повествовать о трагической русской истории, об «Архипелаге ГУЛАГ».

В основу книги Пришвина были положены материалы его поездки на Север страны в 1933 году, рассказывающие о знаменитой дороге, по которой «Петр ехал... и за ним везли виселицу», чтобы он смог протащить свои фрегаты из Белого моря в Балтийское³. Теперь «осударева» дорога оказалась на дне озера и по ней чередом пошли морские корабли, потому что Сталин «ломал страну не плоше Петра», бил людей «массами, не разбирая правых от виноватых»⁴. Пришвин создал пять редакций романа, множество их вариантов. Судить о книге читатель может по редакции 1948 года, которую Михаил Михайлович завещал издать с эпиграфом «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси», взятого из 138-го псалма Давида, но роман был опубликован без эпиграфа. Работа над произведением сопровождалась ведением Дневника, записи которого Пришвин назвал «лесами» к роману.

Пришвинский ГУЛАГ не приняли немногочисленные читатели рукописи. Жена писателя Валерия Дмитриевна, прошедшая советские тюрьмы и ссылки за верность православию, сказала: «Ты дерзнул без Вергилия странствовать по аду»⁵. Власти предпочитали не вспоминать об использовании принудительного труда. «Допускаю, что нынешние правящие коммунисты могут быть смущены моим романом и спросить: как же это так вышло, что принудительный труд, укрываемое и переживаемое преступление, может стать предметом восхищения поэта», – писал Пришвин, который был не в силах забыть о гулаговском аде и попытался найти из него выход⁶. Редакция журнала «Октябрь» потребовала «уничтожить труд заключенных» или сделать так, чтобы «события были именно не на Беломорском канале»⁷. О братьях-писателях, восхищавшихся его «зверскими» рассказами, автор вспоминал, что «все они опасаются, не примажусь ли я к большевикам»⁸, сочиняя общественный роман. Самая резкая и несправедливая оценка пришвинской книге принадлежит писателю О. Волкову: «Думаю, что никто из перемалываемых тогда в жерновах ГУЛАГа не вспомнит без омерзения книги, брошюры и статьи, славившие «перековку трудом». И тот же Пришвин, опубликовавший «Государеву дорогу», одной этой лакейской стряпней перечеркнул свою репутацию честного писателя-гуманиста»⁹.

А.И. Солженицын в отличие от М.М. Пришвина писательские поездки в лагерь не планировал, без них знал, что на двухстах граммах хлеба «Беломорканал построен»¹⁰; в своих книгах он представил лагерные зоны, в которых он сам и другие отбывали свои сроки заключения.

² Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: дневник любви. М., 1996. С. 346.

³ Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». С. 74.

⁴ Пришвин М.М. Дневник. 1930–1932 гг. // Мирская чаша. М., 1990. С. 118.

⁵ Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». С. 35.

⁶ Там же. С. 79–80.

⁷ Там же. С. 78.

⁸ Там же. С. 74.

⁹ Волков О. Погружение во тьму: из пережитого. М., 1990. С.168.

¹⁰ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича // Избранное. М., 1991. С. 108.

М.М. Пришвину и А.И. Солженицыну трудно было рассказать о трагедии русской жизни: их выталкивали из современности. У Солженицына – исправительно-трудовые «перековки», ссылки и несостоявшиеся публикации. Рассказ «Один день Ивана Денисовича», написанный в 1959 году, появился в печати только в 1962, а его главные книги «В круге первом», «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ», главы из эпопеи «Красное колесо», завершённые в 1960-е годы и имевшие несколько редакций, были опубликованы в России лишь в 1990-е. Пришвин, с трудом напечатавший книгу «Фацелия» 1941 году, записал об этом в Дневнике: «“Фацелия” не пришлась по вкусу ЦК, потому что она содержит в себе декларацию личности»¹¹. Писатель так и не увидел опубликованными книги «Корабельная чаша» (1954), «Повесть нашего времени» (1957), «Осударева дорога» (1957), «Мы с тобой» (1990). В связи с этим он спрашивал: «Между тем я все писал. Куда же девалось написанное? Очевидно, запахивалось и мое поле»¹². Надо отметить, что в этот период Пришвин почувствовал в своей жизни противостояние искусства и реальности: «Отдал свою жизнь на свое художество»¹³. Свой отход от действительности он передал в образах охотника и нищезанца: «Странническое блуждание по неустроенной стране в костюме охотника с дикаркой и детьми, вызов мещанскому обществу и т. д. – все до точности происходит от нищезанского сверхчеловека в русском издании»¹⁴. В 1940-е годы Пришвин ставит для себя новую задачу: вернуться из мира природы в мир человека: «...Я сейчас нахожусь накануне того же выхода из нравственного заключения, которым было мое путешествие в край непуганых птиц. С таким же чувством благоговения, как тогда в природу, я теперь направляюсь к человеку... Так и начну свой новый круг жизни»¹⁵. Хотя власть давала ему награды (в 1943 году – орден Красного Знамени в связи с семидесятилетием, в 1946 – медаль «За трудовую доблесть» во время массового награждения писателей), он ясно понимал причину своего отстранения от современности: «К чему я стремлюсь в наше время в литературе – противопоставить подлинность своей души, своего личного опыта дешевой литературе заданной темы: вместо этого я сам выхожу»¹⁶.

Наиболее полно борьба писателей за участие в современности, за подлинную литературу, за свой «выход» из «заданной темы» проявилась в их работе над лагерной прозой. Но анализ текстов позволяет определить еще одну волновавшую художников важную тему – судьбу России, всего народа и своей личной судьбы.

М.М. Пришвин писал: «На канале должен быть собран и показан народ: тут была вся Россия», «Мы все строим какой-то канал», «С этим каналом я, как писатель... сам попал на канал»¹⁷. В книге он дает картину всей России: «Ехали, будто падали, из неведомых недр разноплеменной страны десятками, сотнями, тысячами люди белые, желтые, черноглазые, голубоглазые, светловолосые, и черные, и рыжие.

¹¹ Архив В.Д. Пришвиной. Дневник М.М. Пришвина. 23.11.1941.

¹² Там же. 24.09.1951.

¹³ Там же. 15.02.1940.

¹⁴ Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: дневник любви. С. 279.

¹⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1905–1954 // Собр. соч. : в 8 т. М., 1982–1986. Т. 8. С. 426.

¹⁶ Архив В.Д. Пришвиной. Дневник М.М. Пришвина. 14.1.1951.

¹⁷ Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». С. 68, 67.

Были среди них худые и гибкие телом, с горящими как уголь глазами горцы, были коротенькие, на изогнутых ногах, жители степей, черкесы, киргизы, узбеки, были даже в чалмах, татары в халатах, раскосые монголы в своих тюбетейках, и русские смешивались в наречиях: орловские, рязанские, владимирские, ростовские, сибирские...»¹⁸. Он представил иерархию строивших канал. Это начальники и надзиратели, которые имеют неограниченную власть над людьми: «Приедет тысяча человек, и мы всех их бросим в лес. И так каждый день, тысячу за тысячей – в лес... и они там скоро сами себе выстроят жилища»¹⁹. Во время весеннего разлива начальники равнодушно губят эти тысячи, бросая их в ледяную воду канала. Это мужики – «олоонецкие сплавщики», «привычные к трудной земляной работе смоленские грабари», «орловские, там вон рязанские», «неумелые степные люди», непривычные к лесу, в мечтах «возле своих юрт в стадах бесчисленных баранов и верблюдов, пили кумыс у младшей жены, ели баранину в юрте старшей жены, подумывали о третьей жене, а деревья валялись по-своему»²⁰. На социалистической стройке «сверлят перфораторами первозданную породу скаль» и урки: «великий пахан», «скокари, домушники, «лепарды», шакалы, волчатники, медвежатники, мастера мокрого дела и самые мелкие воришки, мелкие люди – хорьки и мышата»²¹.

А.И. Солженицын через образы героев, указывая сроки их заключения, воспроизводит историю становления советской власти, ее тоталитаризма, начало которого связано с первыми послеоктябрьскими годами. Старый безымянный ээк Ю-81 «по лагерям да по тюрьмам сидит несчетно, сколько советская власть стоит, и ни одна амнистия его не прикоснулась, а как одна десятка кончалась, так ему сразу новую совали»²². Бригадиры Кузевин и Тюрин арестованы во время организации колхозов. Сибиряк Ермолаев «за плен десятку получил», а Сеньке Клевшину, узнику Бухенвальда, «четвертную закатали»²³. Кавторанг Буйновский арестован за то, что целый месяц был офицером связи на корабле союзников по второму фронту – английском крейсере. Алешка с баптистами – «горюны: Богу молились, кому они мешали? Всем вкруговую по двадцать пять сунули»²⁴. Латыш Ян Кильдигс, два эстонца – «шпионы деланные, снарошки»²⁵. Цезарь Маркович «картины снимал для кино, но и первой не доснял, как его посадили»²⁶. Автор через воспоминания заключенных передает жизнь в русской деревне до коллективизации, как крестьяне ели «картошку – целыми сковородками, кашу – чугунками, а еще раньше, по-без-колхозов, мясо – ломтями здоровыми. А молоко дули пусть брюхо лопнет»²⁷. Рассказывает о последствиях «великого перелома», когда мужики, работая на земле, оказались в нищете, поэтому

¹⁸ Пришвин М.М. Осударева дорога // Собр. соч. : в 8 т. М., 1982–1986. Т. 6. С. 61.

¹⁹ Там же. С. 55.

²⁰ Там же. С. 70, 111, 75.

²¹ Там же. С. 62.

²² Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 181.

²³ Там же. С. 178, 100.

²⁴ Там же. С. 198.

²⁵ Там же. С. 155.

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Там же. С. 98.

уходили «повально или в город на завод, или на торфоразработки», или в новый промысел – рисовать по трафарету ковры²⁸.

Характеризуя Советское государство, согнавшее в лагеря всю страну, писатели подчеркивают его бесчеловечность, рациональность, механичность. Пришвин пишет: «Вспоминаю, как в Кеми стрелок убил заключенного при попытке бежать... Человек тут не был, а только один механизм... В таком сцеплении всех, совершенно бесчеловечном, и происходит постройка канала»²⁹. Он размышляет: «Коммунизм есть распространение законов механики на человеческое общество. Так является один из планов «Падуна»: река Выг, дикая, порожистая, заключается в машины... Согласно с этим механизмом и люди организуются... и под предлогом коммунизма становятся механизмом»³⁰. У Солженицына заключенные Экибастузского лагеря, размышляя о своих сроках и возможности их отбыть в лагере, говорят о механичности советской системы наказания: «Это полоса была раньше такая счастливая: всем под гребенку десять давали. А с сорок девятого такая полоса пошла – всем по двадцать пять, невзирая. Десять-то еще можно прожить, не околеет, – а ну двадцать пять проживи?!»³¹. Время в лагере расписано по минутам: от подъема до отбоя, с обязательными утренними и вечерними проверками, пересчетом заключенных по головам, и все «объекты» счетных дощечек стремятся не нарушать механизм подсчета, потому что лишиться времени «уже не казенного, а своего»: времени на столовую, на получение посылки и писем, на санчасть, парикмахерскую, баню³².

Писатели, размышляя о трагической судьбе родины и народа, в то же время хотели бы понять, что происходит с человеческой душой, с личностью человека в условиях ее столкновения с государством, жестко и рационально строящим прекрасное будущее.

Пришвин пишет: «Канал не так интересен со своей внешней, прямо скажу, – щегольской стороны, как с внутренней, со стороны создавшего его человеческого творческого потока: тут соприкасаешься с чем-то огромным. Едва ли хватит у меня сил взяться за этот материал, но я его чувствую, и совокупность заключенных этических проблем в материале «Войны и мира», столь поразившая весь мир, в сравнении с тем, что заключено в создании канала, мне кажется не так уж значительной»³³. По его мнению, что бы ни строило общество, личность живет в нем по-своему, идет своим личным путем спасения, поэтому идее построения канала через «неизбежное затопление острова»³⁴, идее построения нового советского общества через «затопление» старой жизни писатель противопоставляет жизнь людей, проходящих путь обретения внутренней свободы. Он писал о главном герое своего произведения: «В повести я хочу показать рождение нового сознания русского челове-

²⁸ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 92–93.

²⁹ Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге». С. 66.

³⁰ Архив В.Д. Пришвиной. Дневник М.М. Пришвина. 01.09.1943.

³¹ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 113.

³² Там же. С. 152.

³³ Пришвин М. В краю непуганых птиц: онего-беломорский край. М., 1934. С. 47–48.

³⁴ Пришвин М.М. Осударева дорога. С. 99.

ка через изображение души крестьянского мальчика – помора»³⁵. Мальчик Зук (так поморы называли маленьких чаек) помог писателю понять самого себя, раздвоение своего внутреннего мира: «Один мир – это все, что мне самому хочется, другой мир, который больше меня... выступает как «надо»: надо и надо, а не то, что я сам хочу»³⁶. Его герой открывает государственное «надо», победу «всех» в материальном строительстве: «Мы за большое дело взялись: лес рубят – щепки летят... старые острова будут затоплены»³⁷. Он же различает человеческое «хочется», внутреннюю победу «каждого», верящего, что «последний потоп был при Ное праведном, и бог в ознаменование того, что потопа больше не будет, дал радугу»³⁸. «Надо» и «хочется» он соединит в «единого человека», в «простого хорошего человека, каких огромное большинство на земле», от которых зависит судьба всей России³⁹.

Счастье внутренней свободы Зук откроет в таких героях, как его дедушка и бабушка – старообрядцы Сергей Мироныч и Марья Мироновна, принявшие «затопление» старой жизни ради лучшей жизни людей на земле; зэк Рудольф, ведущий себя так, «будто вся власть была в его собственных руках»; «хороший, легкобычный» зэк Вася Веселкин, погибший при взрыве скалы; бывший купец Алексей Семенович Волков, который в заключении сумел испытать радость свободной мысли и «непрерывно все расцветал и расцветал изнутри»⁴⁰. Зуйку хорошо вместе с ними «идти на общее дело», видеть их счастье соединения «в одного человека»⁴¹. Исследователь русской литературы, лауреат Солженицынской премии А.Н. Варламов, анализируя роман Пришвина, удивительно точно заметил, что «в роли капризного дитяти, которому должно было перейти от изначального «хочется» к осмысленному «надо», оказывался не только лирический герой, но и брошенный за колючую проволоку народ. Этому народу Пришвин сострадал, мечтая о его освобождении за счет внутреннего душевного усилия»⁴².

Солженицын главным героем рассказа сознательно сделал рядового крестьянина – Ивана Денисовича Шухова, который уже восемь лет мыкается по лагерям. На фронте он был ранен, оказался в плену, бежал из него вместе с другими солдатами и попал в лагерь как выполняющий задание немецкой разведки: «Какое ж задание – ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь... В контрразведке били Шухова много. И расчет был у Шухова простой: не подпишешь – бушлат деревянный, подпишешь – хоть поживешь еще малость. Подписать!»⁴³. Шухов живет вековыми мужицкими правилами: честно трудится, себя не роняет, не унижается из-за пайки, не доносит на товарищей. По мнению Солженицына, человеческое достоинство, совесть, свобода духа устанавливаются в труде, поэтому народный ха-

³⁵ Пришвин М.М. Осударева дорога. С. 6.

³⁶ Там же. С. 8.

³⁷ Там же. С. 40.

³⁸ Там же. С. 99.

³⁹ Там же. С. 98, 191.

⁴⁰ Там же. С. 62, 120, 109.

⁴¹ Там же. С. 105.

⁴² Варламов А.Н. Пришвин. М., 2003. С. 391.

⁴³ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 114.

рактик его героя ярко вырисовывается в сценах работы. Иван Денисович трудится каменщиком, печником, сапожником, всякий раз проявляя мужицкий хозяйственный ум, рабочую сноровку. «Но так устроен Шухов по-дурацкому, и никак его отучить не могут: всякую вещь и труд всякий жалеет он, чтоб зря не гинули», – говорят о нем сокамерники и посмеиваются: «Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрьма плакать будет!»⁴⁴

Изображая жизнь людей в лагере, и М.М. Пришвин, и А.И. Солженицын показывают стремление заключенных укрыться в своих бараках, чтобы побыть собой, принадлежать самим себе, найти мгновения фактической свободы. В пришвинском бараке, называемом в лагере «конюшной», не только свершается «дальнейшее разграбление человека»⁴⁵, но и возможны победы на путях духовного сохранения личности. Идею о духовной победе человека писатель воплощает прежде всего в образе зека Волкова. У него только одна «мысль, чтобы на каждом месте и во всякое время как бы нам лучше сделать», и с этой мыслью ему нигде, даже в заключении, нет «ни скуки, ни обиды и даже неволи», только радость «свободе своей»⁴⁶. Зук называет «конюшню» лагеря «Кашеевым царством»⁴⁷, царством злобы, обиды, ругани, побоев, но при лунном свете зеки в бараке обретают свободу от Кашея, живут своей тайной жизнью. Здесь молятся татарин, китайцы, русский: «У окна показалась залитая лунным светом бритая голова человека с маленькой бородкой. Маленькие глазки светились, губы непрерывно шевелились, обе ладони время от времени поднимались вверх и охватывали все лицо, как бы умывали его, а из губ вылетали слова: «Алла, алла!»; «в лунном свете что-то похожее делали два китайца, и у них в руках было по желтому фонарю»; кто-то «шепотом молился и время от времени поднимал руку и крестил себя мелким крестом»⁴⁸.

У Солженицына лагерники торопятся как можно быстрее юркнуть в барак, который они называют «домом»⁴⁹. Здесь Иван Денисович всегда встает по подъему, за полтора часа до развода, он ценит один час после пересчета лагерников, потому что в это время «становится свободным человеком»⁵⁰, который может подработать, чтобы приобрести табак и лишний кусок хлеба, поговорить о вере с Алешкой-баптистом, вспомнить о семье; эти часы позволяют ему выжить как личности.

Писатели, воссоздавая образы простых русских людей, представляют почти полное слияние своих голосов и речи героев. Пришвин мог бы дать эпическое повествование от автора, а Солженицын рассказать о событиях от первого лица, выражая точку зрения своего героя. Но они используют такую форму выстраивания текста, как несобственно-прямая речь, которая позволяет сблизить народную точку зрения с авторской. При этом речь героев наполнена просторечиями и диалектизмами (поветерь, могутный, ловцы, полесники, ло-

⁴⁴ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 149, 148.

⁴⁵ Пришвин М.М. Осударева дорога. С. 103, 107.

⁴⁶ Там же. С. 65, 112.

⁴⁷ Там же. С. 95.

⁴⁸ Там же. С. 94.

⁴⁹ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 163.

⁵⁰ Там же. С. 167–168.

нись); суть народных характеров передается через пословицы и поговорки: пришвинские герои озвучивают закон крестьянской жизни: «Помирать собирайся – рожь сей»⁵¹; Иван Денисович объясняет природу лунного месяца: «Старый месяц Бог на звезды крошит»⁵². Герои используют лагерный жаргон (у Пришвина больше «легкобычных» зеков, а у Солженицына – «недобычных»), но авторы подчеркивает, что крестьянский язык по отношению к лагерному оказался более стоек, чем нейтральная лексика, поэтому их герои обо всех событиях рассказывают по-крестьянски: угрелся, доспел, обжать, в затишке, мглица, закрайком, самодумкой и т. п. Исследователь А.В. Сафронов отмечал, что для лагерной прозы Солженицына характерно «сталкивание» между собой слов из языка зеков и народных слов⁵³.

Таким простым людям писатели противопоставили лагерных бунтарей. У Солженицына протестует капитан Буйновский, за что получает десять суток карцера, после которого «на всю жизнь здоровья лишишься», получишь «туберкулез, и из больничек уже не вылезешь»⁵⁴. Пришвин представляет образ олонецкого мужика Куприяныча, который «духа своего не уташал», предлагающего Зуйку побег из лагеря в лес: «Там не работают, там все нам приготовлено, там мы цари»⁵⁵. В «конюшне» зеки рассуждают: «Не канал – цель легавых, а ненависть к свободному, как они, человеку», «канал – это придумка, это предлог, чтобы замучить и покончить с человеком свободным, это фикция»⁵⁶. Но главные герои Пришвина и Солженицына не думают о свободе, они и в заключении, и на воле всегда будут свободны, так как лагерная жизнь не изменила их внутреннего мира. Их задача не в том, чтобы стать вольными, а в том, чтобы и в бесчеловечных условиях остаться людьми. Пришвинский старик Волков живет «счастливым чувством победы» над скалой, перегородившей канал, и «как будто он даже счастливее всех»⁵⁷. Солженицынский Иван Денисович «уж сам не знал, хотел он воли или нет», потому что день был удачный: «в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый»⁵⁸.

Счастье таких людей в том, что каждый из них не перестал быть человеком, остался верным своей системе ценностей, хотя победила советская идея покорения общества, природы, человека ради социалистического строительства новой жизни. Однако писатели воспринимают замысел устройства новой жизни за счет обычных

⁵¹ Пришвин М.М. Осударева дорога. С.115.

⁵² Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 151

⁵³ Сафронов А.В. Комическое в книге о народной трагедии (пародийная глава в «Архипелаге Гулаг» А. Солженицына) // Вестник Рязанского государственного университета. 2012. № 1/34. С. 125.

⁵⁴ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 192.

⁵⁵ Пришвин М.М. Осударева дорога. С.13, 96.

⁵⁶ Там же. С.108, 111.

⁵⁷ Там же. С.109.

⁵⁸ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 200, 203.

людей как насилие и жестокость. Солженицын, оценивая день своего героя, говорит о бесконечности заключения: «Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов – три дня лишних набавлялось»⁵⁹. Пришвин безжалостную победу «всех» над «каждым» передает через картины тяжелой войны человека с природой. Он пишет: «Тогда вся природа со всем поглощенным ею древним человеком стала против новой деятельности нового человека, и началась война у природы за свой вечный покой и у человека за свое будущее»; люди с самого начала понимали, что это будет война, поэтому организовались в «боевые части», и рабочие «стали называться каналоармейцами», а конюшня назвалась их «тылом»⁶⁰.

В борьбе с природой советская власть реализовала свой замысел устройства нового порядка в природе: рационально расставить реки и озера, падуны и скалы. Но герои писателей воспринимают эту победу как насилие над природой. В рассказе Солженицына говорится о постановлении Советского правительства о введении декретного времени: к поясному времени конкретной местности прибавлялся один час с целью более рационально использовать светлое время суток. Но Иван Денисович задается вопросом: «Неуж и солнце ихним декретам подчиняется?»⁶¹. Героям Пришвина побежденная природа предстает смертельным зрелищем. Зуйку было страшно смотреть на «мертвый» Падун, подчиненный воле человека, «казалось, будто убили кого-то и вскрывают мертвое тело»; деревня, подлежащая затоплению, открывается как «картина какого-то особенного страшного кладбища», река, «перехваченная» камнями, видится в «мертвом поясе»⁶².

Жизнь природы и общества, воссозданная в произведениях о ГУЛАГе Пришвина и Солженицына, свидетельствует о том, что осударева дорога русской истории способна ее исказить и уничтожить, но люди даже в неволе находят возможность быть свободными и творить добро. Простые люди, носители народной нравственности, проносят через испытания свою душу чистой, в них воплотились крестьянская основательность и привычка к труду, терпение и умение приспособиться к нечеловеческим условиям, не унижаясь и не участвуя в творимом зле, оставаясь внутренне свободным в обстановке несвободы, сохраняя свое имя, язык и родину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варламов, А.Н. Пришвин [Текст]. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 848 с. : ил. – (Жизнь замечательных людей. Сер. Биограф. Вып. 548).
2. Волков, О.В. Погружение во тьму: из пережитого [Текст] / послесл. Э.Ф. Володина. – М. : Молодая гвардия ; Т-во рус. художников, 1989. – 460 с. : фот. – (Белая книга России. Вып. 4).

⁵⁹ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 203.

⁶⁰ Пришвин М.М. Осударева дорога. С. 105, 106.

⁶¹ Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. С. 112.

⁶² Пришвин М.М. Осударева дорога. С.128, 145, 121.

3. Пришвин, М.М. Дневник. 1930–1932 гг. [Текст] // Мирская чаша. – М. : Художественная литература, 1990. – 272 с. – (Сер. Роман-газеты для юношества).
4. Пришвин, М.М. Дневники. 1905–1954 [Текст] / сост., подгот. текста и коммент. Т. Бедняковой, Я. Гришиной, Л. Рязановой // Собр. соч. : в 8 т. – М. : Художественная литература, 1982–1986. – Т. 8. – 759 с. : ил.
5. Пришвин, М.М. Леса к «Осударевой дороге». Из Дневников 1931–1952 гг. [Текст] // Наше наследие. – 1990. – № 2. – С. 58–83.
6. Пришвин, М.М. Мы с тобой: дневник любви [Текст] / М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина ; подгот. текста и коммент. Л. Рязановой. – М. : Художественная литература, 1996. – 351 с. : фот.
7. Пришвин, М. В краю непуганых птиц: онего-беломорский край [Текст]. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1934. – 194 с.
8. Пришвин, М.М. Осударева дорога [Текст] // Собр. соч. : в 8 т. – М. : Художественная литература, 1982–1986. – Т. 6. – 439 с.
9. Сафронов, А.В. Комическое в книге о народной трагедии (пародийная глава в «Архипелаге Гулаг» А. Солженицина) [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета. – 2012. – № 1/34. – С. 120–126.
10. Солженицын, А. Один день Ивана Денисовича [Текст] // Избранное. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 349 с. – (Сер. Рус. писатели – лауреаты Нобелевской премии).

R.A. Sokolova

THEME OF THE GULAG IN CREATIVITY M.M. PRISHVIN AND A.I. SOLZHENITSYN

The paper concerns the GULAG represented in the novel «The Czar's Road» M.M. Prishvina and in the story «Ivan Denisovich» by A.I. Solzhenitsyn. Analysis of the works of writers suggests that the authors considered not only the theme of repression in the Soviet Russia – the destruction of the power of the people, but also the fate of Russia and the Russian people, the theme of conservation of the human personality in conditions of unfreedom.

Prishvin and Solzhenitsyn showed that the country won the Soviet idea of the conquest of society, nature, human beings in the course of socialist construction. Writers perceived intent of the new device life by ordinary people as violence and cruelty. Solzhenitsyn, assessing one camp day of his hero, talks about infinity and the inhumanity of its conclusion. Prishvin ruthless victory «all» over the «everyone» passes through pictures of conquest of nature, in which nature appears deadly spectacle. But the main characters are writers, while in custody, remain free men, as the camp life did not change their inner world. Ordinary people, native people's morality, sneaked through the trials of his soul pure, they embodied the solidity of the peasant and the habit of work, patience and the ability to adapt to the inhuman conditions, without being humiliated and not participating in tvorimom evil, while remaining inwardly free environment in captivity, keeping the name, language and homeland.

GULAG, Prishvin M.M., Solzhenitsyn A.I., the Soviet regime, repression, freedom of the individual.

УДК 8Р2

А.В. Сафронов

ПОСЛЕ «АРХИПЕЛАГА» (ПОЭТИКА ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ КОНЦА XX ВЕКА)

Рассматривается развитие традиций А.И. Солженицына в лагерной прозе конца XX века. Анализ произведений И.М. Губермана, Д.Ю. Шевченко, Э.В. Лимонова позволяет выявить взгляды автора на жанровое своеобразие лагерной прозы, на использование особенностей традиций жанра путешествий, особенности бытоописания, портретных и речевых характеристик персонажей, литературных реминисценций в указанных текстах, создать представление об особенностях поэтики книг о драматической судьбе России XX века, о приемах создания разными авторами трагически-гротескного образа Архипелага и населяющих его «туземцев».

лагерная проза, ГУЛАГ, путешествие, поэтика, Солженицын А.И., Лимонов Э.В., Губерман И.М., Шевченко Д.Ю., XX век, Россия.

Архипелаг ГУЛАГ» – самое значимое произведение А.И. Солженицына и в жизненном, и в творческом плане. Оно показало всю мощь таланта своего создателя, глубину его политических, исторических, философских воззрений. Высокий замысел писателя – рассказать правду о трагедии России, о преступлениях вождей государства перед народом и невиданных страданиях миллионов – был облечен автором в наиболее удобную для своего воплощения совершенную форму.

Жанр книги имеет синтетический характер, так как содержит в себе элементы различных жанров, но точнее было бы определить его как художественно-документальную эпопею. Основываясь на мнении исследователей (А. Ранчин, Л. Сараскина, А. Урманов, В. Чалмаев и др.) и замечаниях самого автора об особенностях его метода познания действительности, можно смело утверждать о преобладании художественного субъективного начала в «Архипелаге», которое выводит на центральное место тему правды о человеческом бытии, тему борьбы между добром и злом, между истиной и ложью.

Обращение А.И. Солженицына к «литературе факта» позволило ему сосредоточить внимание на, казалось бы, произвольно расположенной границе между реальным жизненным опытом и писательским воображением. Факты достоверные неизбежно преобразуются и видоизменяются в повествовании, в субъективном и объективном восприятии рассказчика. Свойственные литературе путешествий портреты, пейзажи, бытовые зарисовки, литературные реминисценции – все направлено на осмысление читателем действительности, на постижение внутреннего состояния персонажей, заключенных в жестокую и бесчеловечную систему ГУЛАГа.

«Архипелаг ГУЛАГ» по праву занял первое место в ряду ярких, правдивых произведений о нашем трагическом прошлом. Эпопея раздвигает наши духовные горизонты, помогает освоению нового идейно-художественного мира. Самое заветное произведение писателя стало книгой легендарной, глубинной, оказало как нравственное, так и эстетическое воздействие на «лагерную прозу» 70–90-х годов XX века.

Ранее мы указывали¹, что под «лагерной прозой» понимаем тематическое ответвление (течение) русской художественно-документальной прозы, возникшее в хрущевскую «оттепель», воспринявшее традиции «каторжной прозы» XIX века (С.В. Максимов «Сибирь и каторга», Ф.М. Достоевский «Записки из Мёртвого дома», сибирские очерки В.Г. Короленко, П.Ф. Якубович-Мельшин «В мире отверженных», А.П. Чехов «Остров Сахалин» и др.), опирающееся на традиции «этнографического реализма» и жанра путешествия. В первую очередь это «Погружение во тьму» О. Волкова, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Чёрные камни» А. Жигулина, «Голос из хора» А. Синаевского, «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына и другие воспоминания, мемуары, автобиографии.

В числе черт, унаследованных лагерной прозой от путевого очерка (жанра путешествий), назовем следующие:

1) «Дорога», «путь», «маршрут» в роли композиционной доминанты – героям «лагерной прозы» в прямом смысле предстоит совершить «путешествие»: кому в Сибирь, кому на Дальний Восток, кому на Соловецкие острова. Помимо того, всегда сильна была в русской литературе и в русской ментальности традиция восприятия человеческой жизни как некоего пути – пути поиска правды, счастья, пути страданий, пути искупления вины.

2) Восприятие тюрьмы, лагеря как особого мира, самостоятельного государства, «неведомой страны» (отдаленное географическое положение мест лишения свободы – это причина, но далеко не единственная).

3) Повествование «о туземцах» (заключенных): история, иерархия общества «туземцев», галерея тюремных и лагерных типов, исследование причин преступлений; отношения между «блатными» и «политическими», эстетика и жизненная философия; язык, фольклор.

«Лагерная проза», сохраняя присущий путешествиям быто- и нраво-описательный («этнографический») элемент, подробно и тщательно, стараясь не упустить даже второстепенные детали, описывает аресты, обыски, этапирование заключенных, «интерьер» тюремных камер и лагерных барачков, баню и общие

¹ Сафронов А.В. «Сибирь и каторга» С.В. Максимова и современная «лагерная» проза // Вестник Рязанского государственного педагогического университета имени С.А. Есенина. 1997. № 1/5 ; Сафронов А.В. «Правда без прикрас» в жанре «путешествий» в художественной документалистике «из жизни отверженных» // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Рязань, 2007. № 2/15 ; Сафронов А.В. Виноватые, отверженные, несчастные: проблемы преступления и наказания в русской художественной документалистике конца XIX – начала XX века : моногр. Рязань : Изд-во РГУ имени С.А. Есенина, 2001 ; Сафронов А.В. Комическое в книге о народной трагедии (пародийная глава в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына) // Вестник Рязанского государственного университета. 2012. № 1/34. С. 120–126.

работы, вплоть до способов приготовления чифиря и выноса параша». Роль автора-путешественника – связующая, но его образ редко предстает в ипостаси объективного, стороннего наблюдателя; авторские двойники нечасты, автор и герой обычно слиты в образе автобиографического героя-рассказчика, участника и комментатора событий.

Если в путевом очерке антитеза «свое – чужое» реализуется как противопоставление знакомого незнакомому, экзотическому, то в «лагерной прозе» для наиболее яркой характеристики явлений, увиденных по ту сторону тюремной решеткой, авторы сравнивают волю и тюрьму. В большинстве случаев это сравнение человека до преступления, на воле – с человеком на каторге, в тюрьме. Противопоставляются также заключенные и лагерное начальство. Среди характерных особенностей «лагерной прозы» можно назвать изображение лагерного мира как ада, отсутствие пейзажа или субъективно окрашенный пейзаж, обилие литературных реминисценций и др.

В лагерной прозе 70–90-х годов отчетливо прослеживается могучее влияние «Архипелага», проявляющееся как в следовании «путевой» традиции Солженицына, так и в полемике с великой книгой. Смысловая доминанта каждого художественного текста заключена в заглавии, которое в то же время жанрово ориентировано. Система заглавий жанра формируется постепенно, отражая его эволюцию.

На поэтику заглавий лагерной прозы, безусловно, оказали влияние вышедшие в советской печати, «самиздате» и «тамиздате» книги Солженицына, Гинзбург и других авторов, ранее обращавшихся к этой теме. Сидевшие в 70–90-е годы в своих мемуарах вынужденно соотносят уже возникший литературный миф о ГУЛАГЕ с реальным образом «неизвестной страны», например, «17 лет на островах ГУЛАГА» З.Д. Марченко, «На островах ГУЛАГА. Воспоминания заключенной» Евгении Федоровой, интернет-сайт «Воспоминания о ГУЛАГЕ и их авторы», созданный музеем и общественным центром «Мир, прогресс, права человека имени Андрея Сахарова (URL : <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/>), предлагает более 1 500 наименований книг, статей, интервью тех, кто прошел через систему «канализации» (определение Солженицына).

Уже анализ заглавий этих произведений даст основание сделать некоторые выводы. Наиболее часто повторяются в этом скорбном списке слова, связанные с понятием «память», характеризующие эти произведения, в первую очередь как мемуары, воскрешающие нелегкие годы страданий – воспоминания, хроники, письма, дневники, записки: М.И. Ильясова «Воспоминания», И.Ф. Ковалев «Воспоминания», В.Ю. Лисянский «Воспоминания», М.А. Мишин «Воспоминания», М.А. Мусс «Воспоминания», В.П. Роголев «Воспоминания», Ф.А. Родин «Из воспоминаний», Ю.В. Моргалин «Воспоминания и дневники», Н.Я. Рыкова «Из воспоминаний щепки», М.Б. Рабинович «Воспоминания долгой жизни», Т.П. Афолина «Воспоминания узниц АЛЖИРА», А.М. Абрикина «Письма издалека», А.В. Радугин «Послания на волю», Т.А. Аксакова-Сиверс «Семейная хроника», И.К. Ко-

вальчук-Коваль «Свидание с памятью», Н.Н. Кожин «Незабывкое», Е.С. Лебедева «Памятное», Р.Ф. Куллэ «Несколько дней из дневника».

Мотив путешествия, перемещения в пространстве также присутствует в значительном объеме в названиях: А. Амальрик «Нежеланное путешествие в Сибирь», А.Ф. Абель «На трассе лежневой дороги», А.В. Ангел «Дорога с пересидками», Д.М. Базер «Соловецкий исход», В.К. Буковский «Письма русского путешественника», «И возвращается ветер», Г.П. Винс «Тропой верности», А.А. Андреева «Плавание к небесному кремлю», С. Калниете «В бальных туфельках по Сибирским снегам», В.Г. Касатский «По гибельной дороге», Ю.В. Моргалин «Путешествие в страну ээка».

Часть наименований логично включается в этот список по принципу «географичности»: В.Ф. Боков «Сибирское сидение», Ю. Бичунайте-Масюляне «Юность на берегу моря Лаптевых», А.А. Александров «Чудная планета», В.К. Керро «Остров за колючей проволокой», Д.Г. Липняк «На Воркуте», Н. Лялькайте-Байке «Дорога в неизвестность».

Представление о лагерях и тюрьмах как о другом, страшном мире, куда попадает герой-путешественник, отразилось в таких названиях, как «Иной мир» Г.И. Грудзинского, «Кошмар параллельного мира» Н.А. Глазова, «Письмо из ада» С.Ф. Галанина, «Круги ада» И.П. Айтуганова, «Круги ледового ада» Ю.С. Гасюнаса, «В подполье можно встретить только крыс» П.Г. Григоренко, «Искушение адом» Ю. Шрейдера.

Встречаются заглавия литературно-реминисцентные или библейские: Г.К. Вагнер «Из глубины зываю», С. Виленский «Доднесь тяготееет», Р.Х. Гизатулин «Нас было много на челне», Б.В. Витман «Шпион, которому изменила Родина», А.Г. Гринглаз «Страдал, рыдал, исчез», А.В. Войлошников «Репортаж из-под колеса истории», М.Д. Гершман «Приключение американца в России», Н.П. Анциферов «Из дум о былом», М.М. Мордухович «Наказание без преступления», А.Г. Морозов «9 ступенек в небытие».

Заглавия предлагают и конкретные жанровые определения: воспоминания, письма, хроники, послания, репортажи: Л. Разгон «Непридуманное. Повесть в рассказах», Е.Гинзбург «Крутой маршрут. Хроника времён культа личности», С. Мавроди «Тюремные дневники. Бутырка. Матроска, спецблок...», В. Зубчинова «Повесть о прожитом».

Ряд примеров являет собой контаминацию мотивов: «Письма русского путешественника» В.К. Буковского – и рассказ о «пути» автора, и переключка с Н.М. Карамзиным; «Хожение по мукам» И.Б. Гридиной – к мотиву древнерусского жанра о «скитаниях» добавляется намек на одноименную книгу классика социалистического реализма А. Толстого; «Из воспоминаний щепки» Н.Я. Рыковой – отсылают к повести В. Зазубрина «Щепка» о массовых казнях в большевистских застенках начала 20-х годов и к произведению, развенчивающему романтику чекистской профессии; Р. Раценас в заглавии «Литва – Кольма – Литва. Записки спецпереселенца» обозначает мотив путешествия и в то же время отсылает читателя к другому «первичному» жанру записок; у А. Амальрика есть и мемуарные «Записки дис-сидента», и путевые «Нежеланное путешествие в Сибирь».

Изображение лагерного мира, как ада, совпадает с традицией предшественников – писателей XIX века, однако авторы лагерной прозы второй половины XX века, обогащенные опытом российской истории, пытаются расширить это толкование. Так, например, С.Д. Довлатов пишет: «Ад – это мы сами. Просто этого не замечаем»². Он же утверждает: «Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключенными и надзирателями. Между домушниками-рецидивистами и контролерами производственной зоны. Между зеками-нарядчиками и чинами лагерной администрации. По обе стороны запретки расстился единый и бездушный мир»³. «Создание Врага Рода Человеческого – лагерь, порожденный силами зла, – по природе своей не способен вместить начал добра и счастья», – отмечает О.В. Волков⁴. «Обе эти бани были сушим испытанием для нас, – вспоминает Н.А. Заболоцкий. – Каждая была похожа на преисподнюю, наполненную дико гогочущей толпой бесов и бесенят»⁵. «Когда соберешь мысленно все горе, причиненное тобою другим, сосредоточив его на себе, как если бы те, другие, все это тебе причинили, и живо вообразишь свое ревнивое, пронзенное со всех сторон твоим же злом, самолюбие, – тогда поймешь, что такое ад. Дьяволу все люди не нужны. Ему нужны некоторые. Я – ему нужен. Но я не поддамся», – размышляет об аде и дьяволе А. Синавский⁶.

Тема ада звучит и у Евгении Гинзбург: «Подвал на Черном озере. Это словосочетание вызывало ужас. И вот я иду в сопровождении конвоира в этот самый подвал. Сколько ступеней вниз? Сто? Тысяча? – не помню. Помню только, что каждая ступенька отдавалась спазмами в сердце, хотя в сознании вдруг мелькнула почти шутивная мысль: вот так, наверно, чувствуют себя грешники, которые при жизни много раз, не вдумываясь, употребляли слово «ад», а теперь, после смерти, должны воочию этот ад увидеть»⁷. И у А. Лариной-Бухариной: «Длинный коридор Саратовской тюрьмы с затхлым, потерявшим прозрачность дымным воздухом казался адом»⁸.

В «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова смерть, небытие человека являются композиционной основой всего произведения, тем миром, в котором разворачиваются сюжеты. Персонажи возникают из смерти и уходят туда, откуда явились, грань между жизнью и смертью исчезла для них в момент ареста. Образ лагеря у Шаламова – образ абсолютного зла, при этом лагерный ад мироподобен: в его устройстве, социальном и духовном, нет ничего, чего не было бы на воле. Лагерные идеи только повторяют переданные по приказу начальства идеи воли. Еще в «Одном дне Ивана Денисовича» А.И. Солженицына в размышлениях заглавного героя отмечено сходство «зоны» и «воли».

² Довлатов С.Д. Зона // Собр. соч. : в 3 т. СПб. : Лимбус Пресс, 1994. Т. 1. С. 127.

³ Там же. С. 63.

⁴ Волков О.В. Погружение во тьму: из пережитого. М. : Советская Россия, 1992. С. 68.

⁵ Заболоцкий Н.А. История моего заключения // Серебряный век : мемуары : сб. / сост. Т. Дубинская-Джалилова. М. : Известия, 1990. С. 671.

⁶ Синавский А. Голос из хора // Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. С. 486.

⁷ Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: хроника времен культа личности. М. : Книга, 1991. С. 36.

⁸ Ларина-Бухарина А.М. Незабываемое. М. : Вагриус, 2003. С. 34.

Если А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» открыто обличает режим, основанный на произволе, скрепляющий страну «стальными обручами» насилия, то В.Т. Шаламов демонстрирует другую точку зрения, «взгляд изнутри», и доказывает этот тезис от противного: раз лагерь подобен воле, то верно и обратное – общество, «мир воли» подобны лагерю. Лагерь не только убивает, но и растлевает людей. В шаламовском аду доходяга, зек, достигший предельной степени истощения, становится нравственно невменяемым. Унижение начинается с мук голода, постепенно человек превращается в опасного зверя, который будет рыться в отбросах, драться насмерть за кусок хлеба, дойдет до каннибальства: «Человек, который невнимательно режет селедки на порции, не всегда понимает (или просто забыл), что десять граммов больше или меньше – десять граммов, кажущихся десять граммов на глаз, – могут привести к драме, к кровавой драме, может быть. О слезах же и говорить нечего...»⁹.

Сборник рассказов и очерков Д.Ю. Шевченко «Прошу меня расстрелять...» о системе исправления в позднесоветскую эпоху (80-е годы) есть своеобразная попытка добавить к «Архипелагу ГУЛАГ» А.И. Солженицына факты из современности, показать неизменность советской карательной системы, разоблачение злоупотреблений внутри нее. Автор пробует создать положительный образ «вертухая», начальника колонии Ю.А. Комарова, бывшего тренера по боксу¹⁰, но основное место в очерках занимают судьбы невинно осужденных.

«История Ивана коротка. У него в поле заглох мотор: сел аккумулятор. Другого достать не удалось, трудно с аккумуляторами. Иван, чтобы выполнить план, тайно «позаимствовал» аккумулятор у соседнего тракториста...»

Другой сельский житель, Василий, стащил на колхозном складе... банку хлорофоса – травить на личном огороде колорадского жука. Злоумышленник (к тому времени отец троих детей) отправился по этапу»¹¹. Сравним у Солженицына: «Портной, откладывая иголку, вколол ее, чтоб не потерялась, в газету на стене и попал в глаз Кагановичу. Клиент видел. 58-я, 10 лет (террор)...

Заведующий сельским клубом пошел со своим сторожем покупать бюст товарища Сталина. Купили. Бюст тяжелый, большой. Надо бы на носилки поставить, да нести вдвоем, но заведующему клубом положение не позволяет: «Ну, донесешь как-нибудь потихоньку». И ушел вперед. Старик-сторож долго не мог приладиться. Под бок возьмет – не обхватит. Перед собой нести – спину ломит, назад кидает. Догадался все же: снял ремень, сделал петлю товарищу Сталину на шею и так через плечо понес по деревне. Ну, уж тут никто оспаривать не будет, случай чистый. 58-8, террор, 10 лет»¹².

⁹ Шаламов В.Т. Колымские рассказы // Собр. соч. : в 4 т. М. : Художественная литература, 1998. Т. 4. С. 196.

¹⁰ Шевченко Д.Ю. «Прошу меня расстрелять...» : рассказы и очерки. М. : Грааль, 1998. С. 128–137.

¹¹ Там же. С. 132.

¹² Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ : в 3 т. М. : Книга, 1990. Т. 2. С. 270.

В очерке «Особо опасные старухи»¹³ перед читателем появляются истории четырех советских каторжанок («Маня Гладышева», «Сильва», «Варвара-взрывчатка», «Сапер Люся»). «...Всего их больше ста, истории, которые мне поведали они сами, а также их лагерное начальство и страницы уголовных дел. Передаю их так, как услышал и понял, без изменений и комментариев»¹⁴.

«Помню годы голодные, тридцатые. А мне двенадцать. Пыталась так: залезу к кому-нибудь в дом, стащу хлеба, котелок картошек накопаю у соседей, яйцо из-под курицы выйму. Нажаловались на меня однажды соседи, пришел милиционер, забрал в КПЗ. Суд помню до сих пор... Вышла — снова на краже еды попалась. Дали уже три... Сидели мы как-то в карцере с девчонками за то, что на работу не вышли от усталости, совсем исхудали, роботы сваливаются. И решили от злости листовку сочинить против Сталина... я, дура, фамилию свою под листовкой нацарапала... Приходил следователь, бил меня больно, кричал, я плевала ему в лицо, а он меня на мороз — и холодной водой из ведра... Вишь ты, как Сталина жалели. Понятно, он им друг был...»

Дали тогда семнадцатилетней Мане Гладышевой за злостную антисоветскую агитацию и пропаганду высшую меру. По 58-й статье... Однако не расстреляли. Описывать лесоповал, осуществляемый женскими руками, Мария Петровна не стала¹⁵. «Сейчас заключенной Гладышевой 69 лет, 52 года из них она сидит в тюрьмах и лагерях Советского Союза вместо того, чтобы быть его, Советского Союза, героиней»¹⁶.

«Тане Ильичевой было четырнадцать, когда арестовали родителей». Она попала к базарным ворами, попалась на первом же «деле» — ей велели отнести какой-то сверток по указанному адресу. Суд «учел», что девочка — дочь «врагов народа» и осудил по 58-й статье. Ее взяли на фронт, когда началась война, там она познакомилась с будущим мужем — вором в законе, вернувшимся после войны к «воровскому делу». «И стала белокурая красавица Таня воровской женой»¹⁷. «Вы видели мои статьи в «деле», у меня там ничего страшного, все это — борьба за существование»¹⁸.

«Особо опасные старухи Березниковской колонии не кланут свое последнее пристанище. Наоборот, похваляют зону. Она, выходит, по словам старух, — единственное место на земле, где о них как-то заботятся, где их все же одевают и кормят.

Печальная, печальная ирония судьбы, непредсказуемая гримаса нашего сумасшедшего века: ГУЛАГ в роли сердобольной богадельни для своих же жертв...

Александр Исаевич, что вы скажете на это?»¹⁹. Прямое обращение к автору «Архипелага ГУЛАГ» подчеркивает преемственность и следование традиции.

¹³ Шевченко Д.Ю. «Пропу меня расстрелять...». С. 110–122.

¹⁴ Там же. С. 110.

¹⁵ Там же. С. 110–111.

¹⁶ Там же. С. 113.

¹⁷ Там же. С. 115.

¹⁸ Там же. С. 116.

¹⁹ Там же. С. 122.

И.М. Губерман считает свое повествование «Прогулки вокруг барака» дневниками, отдельные главы, начиная с главы 2 – письма жене, написаны в эпистолярном жанре. Отпечаток творческой манеры А.И. Солженицына отчетливо виден в этой книге, время создания которой – 1980 год. Автор, хотя срок свой получил за спекуляцию иконами, принадлежал к диссидентствующей московской интеллигенции, был активным читателем и распространителем самиздата, «Архипелаг ГУЛАГ» входил в круг его чтения.

И.М. Губерман заявляет: «...о страданиях – заранее извиняюсь – тоже мне нечего написать, ибо не было их здесь особо тяжких»²⁰, «не было в нашем лагере ужасов»²¹. Однако, несмотря на авторскую иронию, составляющую один из важных элементов стиля, на показной оптимизм его героев – автора-повествователя и его двойников, «адское начало» проступает сквозь описание «мерзости монотонной бессмысленности, глупой и по-глупому жестокой»²². В другом случае он говорит о крахе гуманистического сознания: «Нет, никаких особых трагедий не было, просто с четкостью взводимой пружины срабатывала логика непереносимого наказания за добро. Отвечая той же мерзостью, что сменила гибельный кошмар былых лагерей грязным растлением человека в лагерях сегодняшних»²³.

Мрачными красками описывает Губерман пейзаж: «От забора лагерного невдалеке, выбегая на взгорок перед озером-болотом, скатывалась к нему по склону тесно сгрудившаяся молодая поросль тайги. То сплошная серо-синяя зубчатая стена в мрачное утро или пасмурные сумерки, то густо-черная при ярком закате из-за взгорка, то желто-зеленая в свете ясного дня, но всегда не очень веселая – странно для молодой рощицы. Или это я так видел ее? Или это сделали с ней тысячи глаз, которые столько лет с тоской смотрели на нее из-за колючей проволоки, что окрасили ее своими чувствами? Не знаю. Только печально выглядел этот видимый нам кусочек воли... это мы были повинны в жалком виде рощицы, очень мы уж часто там стояли, глядя на нее»²⁴.

Губерман исследует причины преступления, в этнографическом стиле рисует иерархию лагерного мира, лагерные типы, психологию блатных, их язык²⁵. «Не преступники здесь сидят, а несчастные», – делает он вывод²⁶. Лагерь представляется герою отражением страны: «Удивительно (здесь нет иного слова), как наш лагерь представляет собой страну в миниатюре. Всё грубее, обнаженнее, конечно, многое смещено и чуть иначе. Но модель! Образ. Карикатура... Нет не зря матрёшка изобретена именно в России: удивительно похож наш лагерь на свой величественный прообраз»²⁷.

²⁰ Губерман И.М. Пожилые записки. Прогулки вокруг барака. М. : Эксмо, 2003. С. 364–365.

²¹ Там же. С. 368.

²² Там же. С. 387.

²³ Там же. С. 381.

²⁴ Там же. С. 530–531.

²⁵ Там же. С. 370, 408, 595.

²⁶ Там же. С. 407.

²⁷ Там же. С. 414–415.

Встречаем здесь и антитезу «зеки – начальство», снижение образов «вертухаев»: «В наш штрафной изолятор ничего не стоило попасть, до пятнадцати суток срок давался: за расстегнутую пуговицу на одежде, за небритость и нестриженность, за водку или карты, за найденные утаённые деньги, за коллективную драку, по доносу. Даже и такой был параграф: «За угрожающий взгляд в сторону офицера, проходящего по плацу»... Лично я трое суток просидел, не зная, за что торчу, и меня даже вытащить пытался один начальник, только никто моей причины не знал. Но вернулся с охоты наш заместитель по режиму капитан Овчинников, сразу дернули меня к нему наверх, и он сказал с похмельной угрюмостью:

– Почему ты, сукин сын, такие письма своей теще пишешь, что я их понять не могу?»²⁸

В диалоге с автором «кум», неглупый молодой старший лейтенант Данченко, заявляет: «...почти все наши офицеры... скоты в чистом виде»²⁹.

В «Архипелаге ГУЛАГ» в отличие от тех очерковых циклов, где герой и автор неразрывно слиты, образ автора раздваивается. С одной стороны, это капитан Солженицын, арестованный в конце войны и проходящий по кругам гулаговского ада, с другой – писатель, историк, публицист Солженицын, рассказывающий об этом, комментирующий воспоминания других героев, оценивающий с позиций жизненного опыта факты из истории Архипелага, из истории нашей страны, из собственной биографии и личного духовного опыта.

И.М. Губерман, создававший свои записки после знакомства и под влиянием «Архипелага» идет еще дальше, он предстает перед читателем в качестве трех персонажей – Деляги, Писателя, Бездельника, каждый из которых наделен автобиографическими чертами, причем все они выступают собеседниками рассказчика во время его «прогулок вокруг барака». Перед окончанием срока и освобождением «...растаяли в холодном воздухе, исчезли сразу же мои верные лагерные собеседники. И Деляга, и Писатель, и Бездельник. Потому что не было их, потому что сам себе вспоминал я всяческие истории, одиноко или в компании гуляя вокруг барака, потому что именно так именовал бы я себя в трех жизнях, тех трех руслах, по которым текла уже много лет моя троящаяся судьба... И тюрьма с лагерем, этот бесценный опыт, не даваемый больше ничем на свете, тоже воспримется мной, я знаю, неоднозначно, а через сознание этих трех»³⁰.

Многие слова, входящие в «блатную музыку» – «феню», Губерман, попавший в лагерь после знакомства с лагерной прозой Солженицына, уже и не объясняет читателю (к примеру, «придурок»), но зато дополняет тюремный словарь своими наблюдениями: «Можно было, например, «подкричать на решку» – перекликнуться со знакомым через решетку»³¹; «А на третий день с утра его вызвали (по фене – дернули) из камеры, чтобы везти в суд»³²;

²⁸ Губерман И.М. Пожилые записки. Прогулки вокруг барака. С. 540.

²⁹ Там же. С. 594.

³⁰ Там же. С. 604–605.

³¹ Там же. С. 375.

³² Там же. С. 379.

«...тяжелой железной миской (шленками называются они на фене) ударил его наотмашь по голове»³³; «...наступил он – нечаянно, разумеется, – на край подушки своего же приятеля (кента, по-тюремному)³⁴; «Отогревшись, только что разошлась бригада, а я остался – с понтом, чтобы караулить инструмент. (Понт – это любая показуха. Понтуются, создавая видимость работы, усердия, прилежания, благоразумия, с понтом все мы твердо стояли на пути исправления и перековки.)»³⁵; «Кивалами называются всюду народные заседатели – очень точное отыскалось слово для бессмысленных и бесправных этих двух лиц, представителей якобы общественности (вот уж понт!), могущих на заседании суда разве что кивать головой, когда судья ради соблюдения формы вопрошает их, во всем ли они с ним согласны»³⁶.

Губерман приводит и анализирует примечательный факт, отражающий процесс изменения лексического значения жаргонного слова, вызванный необходимостью выразить психологическое состояние, для которого нет аналогов на воле: «Так вот *гонки* – понятие, ничего не имеющее общего со спортивным смыслом этого слова. И нет общего у него со словом «гнать» (тоже из уголовной фени), означающим, что человек что-то утверждает – гонит... Но бывает, очень часто здесь бывает – ясно видишь, как тускнеет и уходит человек в себя. От общения уклоняется, не поддерживает разговор, нескрываясь стремится побыть в одиночку с самим собой... Что-то думает человек тяжело и упорно, что-то переживает, осмысливает, мучается, не находит себе места, тоскует. Сторонится всех, бродит сумрачный или лежит, отключенно глядя в пространство, но вокруг ничего не видит, вроде и не слышит тоже. Гонки. Это после свидания с родными почти у всех бывает, это вдруг из-за каких-то воспоминаний, это мысли могут быть пустячные, но неотвязные. Гонки» (курсив мой. – А.С.)³⁷.

«Многим новым словам обучился я уже на зоне. Часть из них теперь останется со мной. Например, прекрасное здесь бытует слово – тащиться. Но не в смысле изнуренного медленного движения, а как понятие удовольствия, блаженства, отдыха и покоя. Тащатся от водки и чая, от каликов и колес (таблеток), тащатся от тепла и солнца (балды), просто растянувшись блаженно и на полчаса забыв обо всем – тащатся»³⁸.

Литературные реминисценции, характерные для каторжной и лагерной прозы, у Губермана встречаются нечасто: подлинные истории преступлений и наказаний, «лагерные байки» оказываются более интересны, хотя есть и упоминание и Достоевского, и Солженицына, и бравого солдата Швейка (в том случае, когда автор счел необходимым в разговоре с начальником прикинуться полным идиотом).

³³ Губерман И.М. Пожилые записки. Прогулки вокруг барака. С. 430.

³⁴ Там же. С. 440.

³⁵ Там же. С. 442.

³⁶ Там же. С. 454.

³⁷ Там же. С. 392.

³⁸ Там же. С. 441.

Следование традиции в «лагерной прозе», хотя и является в определенном смысле доминантой, проявляется и в полемике, в том числе и с Солженицыным. Так, Эдуард Лимонов («По тюрьмам») сознательно и демонстративно прокламирует отказ от изображения «пути», делает попытку освободиться от ряда элементов, присутствующих в книгах предшественников: «Тюрьма – это империя крупного плана. Тут все близко и вынужденно преувеличено. Поскольку в тюрьме нет пространства, тюрьма лишена пейзажа, ландшафта и горизонта»³⁹. Однако позже читаем: «И тюрьма, как большой пароход о четырех палубах, плыла в Вечность»⁴⁰.

Присутствует и сравнение тюрьмы с адом: «Но в тюрьме все равны – и разбойник, и мытарь, и святой, – все мы корчимся на наших крестах, на нашей Голгофе. И горцы, и русские мальчишки. На преступление уходит мгновение, если оно необдуманное, и несколько дней, ну недель в жизни, если оно приготовлялось. А в мрачных чистилищах тюрем люди живут годами, а впереди ещё дисциплинарный ад зон...»⁴¹.

Возвращаясь со «свиданки» с гражданской женой, приехавшей к нему в Саратовскую тюрьму, автор видит, как «штук шесть шнырей перебирали кучу толстой моркови с ботвой, вываленной из рядом стоящего со вздыбленным ящиком самосвала. Еще пара шнырей ворочала вилами в ванной, сидящей ножками в траве, там в воде они мыли морковь». Ему вспомнилось собственное, сочиненное еще в 1968 году стихотворение, которое он истолковывал как зарисовку Дантова ада:

Морковь заброшена, багром ее мешают,
И куча кровавых больших костей,
И вот сигналом крика собирают
На пароходе несколько гостей
И раздают им кружки с черным соком,
Дымящеюся жижею такой.
А пароход скользит по речке боком,
А берег дуновенный и пустой...

Теперь же он сцену из ада увидел в тюремном дворе: «Морковь мешали не багром, но вилами, вилы – атрибут Ада... Двор был дуновенный и пустой. Шныри не в счет, черные, они сливались с природой. Небо было дикое, осеннее, чувственное... И тюрьма, как большой пароход о четырех палубах, плыла в Вечность»⁴².

Коллективный портрет заключенных также обрисован в inferнальном духе: «На тыквах и щетинистых яйцах голов в зэках прорезаны рваные отверстия глаз. Они мохнаты и, как пруды – камышом, обросли ресницами и бровями.

³⁹ Лимонов Э. По тюрьмам. М.: Ад Маргинем, 2004. С. 6–7.

⁴⁰ Там же. С. 137.

⁴¹ Там же. С. 71.

⁴² Там же. С. 136–137.

Это мутные, склизкие пруды и дохлый камыш. Отверстия глаз окружены ущельями морщин на лбу и рытвинами морщин под глазами. Нос с пещерами ноздрей, мокрая дыра рта, корешки зубов или молодых и свежих, или гнилых пополам с золотыми. И далее пошли серые ущелья морщин подбородка. Таким зэковское личико предстает таракану, ползающему по нему во сне, но можно увидеть его и такому специальному зэку, как я»⁴³.

И в то же время, рисуя в подобном духе различные типы «сидельцев», (уголовники, бытовики, диссиденты, невинно осужденные), Лимонов возвышает их, в некоторой степени сближая с собой – революционером, вождем: «...зэки такие же простые люди, как и обыватель. Они лишь смелее. Они дерзкие, «пассионарные», как сказал бы Лев Гумилев, а обыватель – мямля, тюха, тюлень»⁴⁴. Революционеры же у него – высший разряд преступников и вообще людей, заслуживающий особого отношения, вплоть до оправдания.

Характеризуя преступный мир в целом, Лимонов сопоставляет его структуру с советской партийной иерархией: «Старый воровской мир спешно уходит. Он возник в двадцатые годы XX века (на развалинах воровского мира царских времен) как реакция на строго, просто и определенно устроенный советский социум. Воровской мир являлся зеркальным, но перевернутым отражением советского социума. Потому и возможна была кастовость, определенность воровской иерархии, поскольку строго кастовым и определенным был Большой Советский Мир. Аристократия партии, партия, интеллигенция, рабочие и крестьяне (мужики) и изгой-преступники. Соответственно, и уголовный мир иерархически делился на: воров в законе (аристократия партии, ее ЦК и секретари обкомов и горкомов – «положенцы»), простых воров, составляющих блатной мир (партия), мужиков (рабочие и крестьяне в тюрьме) и неприкасаемых (суки, козлы, опущенные) – своего рода преступники преступного мира»⁴⁵.

В художественном исследовании Солженицына быто- и нравоописательный элемент естественным образом сочетается с анализом политических, философских, нравственных проблем. В главе «Голубые канты» автор пытается понять психологию «ночных катов, терзающих нас», и делает вывод об отсутствии у них высших духовных интересов: «Они по службе не имеют потребности быть людьми образованными, широкой культуры и взглядов – и они не таковы. Они по службе не имеют потребности мыслить логически – и они не таковы... владели ими и направляли их сильнейшие (кроме голода и пола) инстинкты нижней сферы: инстинкт власти и инстинкт наживы. (Особенно – власти. В наши десятилетия она оказалась важнее денег)»⁴⁶. У Лимонова привычная для лагерной прозы антитеза «зэки – начальство» порождает запредельное снижение образов служителей закона, эпатажную критику власти без попытки анализа: «soldaten», «свиноподобные»⁴⁷, «ржано-

⁴³ Лимонов Э. По тюрьмам. С. 7.

⁴⁴ Там же. С. 255.

⁴⁵ Там же. С. 265.

⁴⁶ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. С. 149.

⁴⁷ Лимонов Э. По тюрьмам. С. 20.

усый хряк», свиносолдаты, олухи-менты⁴⁸, «прокурор Вербин, похожий на поставленную на попа двуручную пилу»⁴⁹.

Лидер национал-большевиков уголовникам противопоставляет революционеров, прежде всего самого себя; авторская рефлексия направлена на поэтизацию и романтизацию тюремного сидения и той драматической обстановки, в которой страдает «вождь».

В тюремной камере Лимонов ведет диалог с мировой литературой, вспоминает аббата Фариа⁵⁰, Тараса Бульбу⁵¹, Жюстину из книги де Сада⁵², но наиболее примечательным выглядит рефрен, проходящий через всю книгу, характеризующий взаимоотношения главного автобиографического героя с «народом», населяющим Саратовскую тюрьму: я – «брат их, мужичок в пугачевском тулупчике»⁵³. «Пугачевский тулупчик», видимо, призван иллюстрировать уровень политических претензий лидера партии национал-большевиков.

Более подробные и обстоятельные размышления о литературе, писателях, деятелях культуры Лимонов включил в написанную им в тюрьме книгу «Священные монстры». В ней он старательно принижает А. Пушкина («поэт для календарей»), М. Булгакова («льстит обывателю»), Дж. Оруэлла («ренегат»), В. Маяковского («позёр»), возвышает Ж. Жене и Ш. Бодлера, выражает сочувствие О. Уайльду, Э. Пресли и печально знаменитому убийце Ч. Мэнсону, делает сомнительные комплименты Л. Гумилёву («мистический фашист»), А. Блоку, Л. Толстому («писатель для хрестоматий»), восхищается Н. Гоголем – на уровне девятиклассника после изучения «Мёртвых душ» под руководством хорошей учительницы. Многие размышления автора о мировой культуре порождены именно тюрьмой, примечателен в этом смысле выбор героев (Ф. Достоевский, де Сад, В. Ленин, А. Гитлер, С. Милошевич, Че Гевара, О. Уайльд), внимание к «составу преступления» в их биографиях (Савинков, По, Мисима, Селин, Пазолини, Эдит Пиаф, Юлиус Эвола), приветствуются деяния и помыслы (иногда – вымышленные автором), которые направлены на разрушение устойчивого миропорядка, морали, художественных канонов.

В целом лагерная проза «после «Архипелага»» тяготеет к эпичности, претендует на раскрытие описываемого мира во всей совокупности его бытийных элементов, в развитии (хотя в последнем случае можно говорить и об «антидинамике», ибо ад не может эволюционировать по определению). Исследуется своеобразная философия каторги в соотношении с религиозным мировоззрением и официальной идеологией. Авторы стремятся запечатлеть реальных людей, встреченных ими на «крутых маршрутах», воссоздать типичные характеры «сажавших» и «сидевших». Индивидуальные и коллек-

⁴⁸ Лимонов Э. По тюрьмам. С. 22–23.

⁴⁹ Там же. С. 143.

⁵⁰ Там же. С. 15.

⁵¹ Там же. С. 136.

⁵² Там же. С. 167.

⁵³ Там же. С. 8, 15, 21, 29, 40.

тивные портреты свидетельствуют о стремлении авторов воплотить черты национального характера. Описывая жизнь «отверженных» XX века, писатели-документалисты остаются верными реалистическим принципам обрисовки тяжелой, кошмарной действительности, отдавая при этом некоторую дань и натурализму, в том смысле, что натурализм правдоподобно воспроизводит действительность, изучает человека во взаимодействии со средой, однако человек рисуется как существо биологическое, подчиненное внешним обстоятельствам. Как писала еще в XIX веке М.К. Цебрикова, «человека заставили пресмыкаться по земле, заковали в мир грубых тактов, отняли у него беспредельное, и он стал жалким ограниченным существом, неспособным видеть далее минуты и того уголка, в котором он пресмыкается»⁵⁴.

Во многих эпизодах, в самой структуре этих книг, в целом складывающихся в художественно-документальную эпопею о народных страданиях, встречаются присутствующие в «Архипелаге ГУЛАГ» категории Пути, Испытания, Судьбы, звучит мотив стойкости и силы человека в нечеловеческих условиях, вера в идеалы гуманизма. Нельзя не отметить во многом принципиально иную проблематику современной «лагерной» прозы, в том числе и вершины ее – «Архипелага ГУЛАГ», и ее последователей, по сравнению с произведениями XIX – начала XX века о тюрьмах, каторге и ссылке. Опыт трагической истории России позволяет авторам выдвинуть на первый план проблему власти, совершающей преступления против своего народа. Отсутствует в связи с этим и проблема исправления, ибо наказание героев – это, как правило, наказание без преступления.

Основанные на личном опыте, произведения «лагерной» прозы отличаются большим лиризмом и философичностью. Внутренний монолог автора-рассказчика встречается здесь гораздо чаще, авторская позиция – и гражданская, и эстетическая – отличается большей определенностью. Важной чертой рассмотренных нами произведений следует признать стремление к эпичности: авторы рассматривают скитания и страдания героев на историческом фоне, насыщают тексты множеством подробностей из истории, политики, географии, населяют книги множеством невыдуманных героев со схожими судьбами, при этом судьба отдельного персонажа, как и в «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына, рассматривается в контексте «судьбы народной».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков, О.В. Погружение во тьму: из пережитого [Текст]. – М. : Советская Россия, 1992.
2. Воспоминания о ГУЛАГЕ и их авторы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth>.
3. Гинзбург, Е.С. Крутой маршрут: хроника времен культа личности [Текст]. – М. : Книга, 1991.
4. Губерман, И.М. Пожилые записки. Прогулки вокруг барака [Текст]. – М. : Эксмо, 2003.

⁵⁴ Цебрикова М.К. Беллетристы-фотографы // Отечественные записки. 1873. № 11. С. 4.

5. Довлатов, С.Д. Зона [Текст] // Собр. соч. : в 3 т. – СПб. : Лимбус Пресс, 1994. – Т. 1.
6. Жигулин, А.В. Черные камни [Текст] : автобиографическая повесть. – М. : Московский рабочий, 1989.
7. Заболоцкий, Н.А. История моего заключения [Текст] // Серебряный век : мемуары : сб. / сост. Т. Дубинская-Джалилова. – М. : Известия, 1990. – 672 с. – С. 659–671.
8. Ларина-Бухарина, А.М. Незабываемое [Текст]. – М. : Вагриус, 2003.
9. Лимонов, Э. По тюрьмам [Текст]. – М. : Ад Маргинем, 2004.
10. Лимонов, Э. Священные монстры [Текст]. – М. : Ад Маргинем, 2004.
11. Михайлик, Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100.
12. Разгон, Л.Э. Непридуманное [Текст] : повесть в рассказах. – Ставрополь, 1989.
13. Ранчин, А.М. «Архипелаг ГУЛАг» как художественный текст: некоторые наблюдения [Электронный ресурс] // СЛОВО : православный образовательный портал. – Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/philology/40042.php>.
14. Сараскина, Л.И. Александр Солженицын [Текст]. – М. : Молодая гвардия, 2009.
15. Сафронов, А.В. «Правда без прикрас» в жанре «путешествий» в художественной документалистике «из жизни отверженных» [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2007. – № 2/15.
16. Сафронов, А.В. «Сибирь и каторга» С.В. Максимова и современная «лагерная» проза [Текст] // Вестник Рязанского государственного педагогического университета. – 1997. – № 1/5.
17. Сафронов, А.В. Виноватые, отверженные, несчастные: проблемы преступления и наказания в русской художественной документалистике конца XIX – начала XX века [Текст] : моногр. – Рязань : Изд-во РГУ имени С.А. Есенина, 2001.
18. Сафронов, А.В. Комическое в книге о народной трагедии (пародийная глава в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына) [Текст] // Вестник Рязанского государственного университета. – 2012. – № 1/34. – С. 120–126.
19. Синявский, А. Голос из хора [Текст] // Собр. соч. : в 2 т. – Т. 1. – С. 437–669.
20. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ [Текст] : в 3 т. – М. : Книга, 1990.
21. Сохряков, Ю. Нравственные уроки «лагерной прозы» [Текст] // Москва. – 1993. – № 1.
22. Сухих, И. Эта тема пришла... (лагерная тема в современной литературе) [Текст] // Звезда. – 1989. – № 3.
23. Тимофеев, Л. Поэтика лагерной прозы [Текст] // Октябрь. – 1991. – № 3.
24. Цебрикова, М.К. Беллетристы-фотографы [Текст] // Отечественные записки. – 1873. – № 11. – С. 4.
25. Шаламов, В.Т. Колымские рассказы [Текст] // Собр. соч. : в 4 т. – М. : Художественная литература, 1998.
26. Шевченко, Д. Ю. «Прошу меня расстрелять...» [Текст] : рассказы и очерки. – М. : Грааль, 1998. – С. 99–159.

A.V. Safronov

AFTER THE «ARCHIPELAGO» (PRISON CAMP LITERATURE OF THE 20TH CENTURY)

The article centers on the development of A.I. Solzhenitsyn's literary traditions in prison camp literature of the 20th century. The analysis of I. Guberman's, D. Shevchenko's, and

E. Limonov's works shows the peculiarities of the new genre of prison literature. The author analyzes the traditions of depicting daily life, of sketching characters' portraits, of creating their speech characterization. The author analyzes the peculiarities of prison camp literature as literature devoted to the tragic period in modern Russian history. The author analyzes literary devices used by different writers for creating the grotesque image of the Archipelago and its «natives».

prison camp literature, GILAG, travel literature, Solzhenitsyn A.I., Limonov E., Guberman I., Shevchenko D., 20th century, Russia.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1

А.А. Злобин

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

В статье рассмотрены особенности реализации смыслового потенциала ключевого для А.И. Солженицына слова «свобода». Рассмотрена его семантика, представленная в толковых словарях русского языка, определена иерархия значений и соотнесена с функционированием в произведениях писателя. Охарактеризованы основные синтаксические позиции, в которых актуализируются те или иные значения ключевого слова. Также проанализировано, как реализуются различные компоненты, входящие в семантическую структуру слова «свобода», в значениях производных от него лексических единиц. Исследованы особенности семантики и функционирования таких лексем, как освободить, освободиться, освобождение.

Солженицын А.И., семантический потенциал, словарные дефиниции, синтаксические позиции, производные лексические единицы.

Особый интерес в современной когнитивной лингвистике представляет собой языковая картина мира писателя, раскрывающаяся в его произведениях и творчестве. В связи с этим по-прежнему актуальны работы, связанные с изучением ключевых слов в художественном тексте.

По мнению В.Н. Ерохина, «самым очевидным признаком при выделении художественного слова в тексте является его частотность»¹.

Анализ произведений А.И. Солженицына показал, что ключевым для него является слово *свобода*, которое обнаруживает высокую частотность употребления. В произведениях писателя («Архипелаг ГУЛАГ», «Бодался телёнок с дубом», «В круге первом», «Красное колесо», «Матрёнин двор», «Один день Ива-

¹ Ерохин В.Н. Ключевое слово в художественном тексте. Тверь, 2004. С. 10.

на Денисовича», «Раковый корпус» и др.) данное слово и производные от него лексические единицы зафиксированы в 3 721 случае.

Л.Г. Хижняк, исследуя лагерную прозу А.И. Солженицына, также пришел к выводу, что слово *свобода* является ключевым и несет особую смысловую нагрузку в произведениях писателя².

В толковых словарях русского языка³ у слова *свобода* фиксируется 12 значений. Рассмотрим, как реализуется семантический потенциал данного слова в произведениях А.И. Солженицына (результаты наблюдений представлены в таблице 1).

Таблица 1

Отражение семантического потенциала слова *свобода*
в произведениях А.И. Солженицына

№ п/п	Значение слова <i>свобода</i> в толковых словарях русского языка	Значение слова <i>свобода</i> в произведениях А.И. Солженицына (всего 1 858 примеров)
1.	Возможность беспрепятственно, без стеснений и принуждения действовать в какой-нибудь области общественной жизни	<i>Два-три обыска – и сколько переполоха, раскаяния, даже одиночества! Так оказалась хлипкая и зыбка наша свобода разговоров и рукописей, дарованная нам и истекающая при Хрущёве («Бодался телёнок с дубом»)</i> (767 примеров)
2.	Отсутствие политического и экономического гнета, стеснений и ограничений в общественной жизни и деятельности какого-либо класса или общества в целом	<i>До того люди задурены, что стань сейчас посреди улицы, крикни: «Долой тирана! Да здравствует свобода!» – так даже не поймут, о каком тиране и о какой свободе идёт речь («В круге первом»)</i> (248 примеров)
3.	Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе	<i>Смеётся бригадир: – Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя же тюрьма плакать будет! («Бодался телёнок с дубом»)</i> (226 примеров)
4.	В философии: возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества	<i>Это не значит, что Бог нас покинул! Бог дал нам свободу воли, и мы вправе делать так или иначе («На Западе»)</i> (182 примера)

² Хижняк Л.Г. Ключевые слова в прозе А.И. Солженицына // Филология : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. С. 63–67.

³ Словарь русского языка : в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 52–53 ; Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М., 1962. Т. 8. С. 394–398 ; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 728 ; Толковый словарь русского языка / под ред. Б.М. Волина, Д.Н. Ушакова : в 4 т. М., 1940. Т. 4. С. 95–96.

Окончание таблицы 1

5.	Личная независимость, самостоятельность, отсутствие зависимости от кого-, чего-либо или в связи с кем-, чем-либо мешающим, стесняющим	<i>От 1917 и по сегодня у населения уже никогда не бывало ни безопасности, ни сытости, ни личной свободы</i> («Колхозная полынь и гибель») (96 примеров)
6.	Государственная независимость, суверенитет	<i>Французская коммунистическая партия стоит прежде всего из французов, и в случае угрозы французской свободе она будет биться до последней капли крови за Францию!</i> («На Западе») (81 пример)
7.	Раздолье, простор, воля	<i>Банкеты в складчину, разлив. Ах, это был пир свободы! Как привольно лились общественные речи</i> («Архипелаг ГУЛАГ») (30 примеров)
8.	Легкость, отсутствие затруднений в чем-либо	<i>Только на третий день Троицы узналось об удаче. Свобода! Лёгкость! Весь мир обоими</i> («Бодался телёнок с дубом») (22 примера)
9.	Отсутствие крепостной зависимости	<i>Если уж говорить о свободах – то не самая ли бы первая русская свобода была бы: от крепостного права, от закрепощения крестьянства, от паспортного режима?</i> (Бодался телёнок с дубом») (19 примеров)
10.	Непринужденность, отсутствие привязанности	<i>Именно сейчас, облачась в лагерное и едуци в лагерь, Нержин и сам ощутил, что возвращается к важному элементу мужской свободы: каждое пятое слово ставить матерное</i> («В круге первом») (15 примеров)
11.	Избавление	<i>Часы свободы! Пуды цепей свалились с рук и плеч. Нет, всё равно не жаль! – Этот день стоил того</i> («Архипелаг ГУЛАГ») (11 примеров)
12.	Свободное, незанятое время, досуг	<i>Тут было недалеко, и Государь охотно пошёл пешком. Он любил ходить в церковь пешком, так верней, да не было всегда на то свободы</i> («Красное колесо») (7 примеров)

Как видим, в произведениях А.И. Солженицына реализуются все 12 значений. Основными значениями, которые фиксируются всеми словарями, являются следующие:

- отсутствие политического и экономического гнета, стеснений и ограничений в общественной жизни какого-либо класса или общества в целом;
- состояние того, кто не находится в заключении, в неволе;
- возможность беспрепятственно, без стеснений и принуждения действовать в какой-нибудь области общественной жизни.

На первом плане у автора те же самые три значения, что и в словарях русского языка. Рассмотрим каждое из них применительно к текстам А.И. Солженицына.

Значение «возможность беспрепятственно, без стеснений и принуждения действовать в какой-нибудь области общественной жизни» служит целям конкретизации широкого понятия «область общественной жизни» (политическая свобода, гражданская свобода, экономическая свобода, интеллектуальная свобода). Ср., например: *Я считаю, что эта партия сыграла роковую роль в истории нашей молодой политической свободы («Красное колесо»); Именно при гражданских свободах Швейцарии, ее эффективном демократизме облегчается революция («Красное колесо»); В России была полная экономическая свобода («Архипелаг ГУЛАГ»); В этот заголовок вынесена ещё интеллектуальная свобода. Именно в ней видит Сахаров «ключ к прогрессивной перестройке государственной системы в интересах человечества» («На Западе»).*

Актуализация данного значения в текстах А.И. Солженицына обусловлена тем, что, будучи не только писателем, но и общественным деятелем, он обсуждает вопросы, связанные с разными сферами жизни: политической, экономической, духовной и т. д.

Слово *свобода*, употребленное в значении «отсутствие политического и экономического гнёта, отсутствие стеснений и ограничений в общественной жизни и деятельности какого-либо класса или общества в целом», выступает у А.И. Солженицына в контекстах, где соотносится с такими словами, как *братство*, *равенство*, *равноправие* и другими тематически близкими ему словами. Ср., например: *Через несколько дней на митинге инженеры и заводские служащие восторженно произносили речи о братстве, равенстве и свободе и рабочие хлопали им сочувственно («Красное колесо»).*

В контекстах, где слово *свобода* употребляется в значении «состояние того, кто не находится в заключении, в неволе», дается положительная оценка *свободы* как состояния, лишение которого оценивается как факт отрицательный. Ср., например: *Если есть в мире вообще счастье, то оно обязательно находит каждого зэка в первый год его жизни на свободе («Архипелаг ГУЛАГ»).*

Все отмеченные выше значения слова *свобода* указывают на то, что для А.И. Солженицына главной является проблема свободы или несвободы личности. Это обнаруживают и его произведения.

Например, анализируя роман «В круге первом», М.М. Голубков пишет, что проблема свободы и несвободы – центральная проблема романа: «Проблема личной свободы и несвободы человека обуславливает этическую и философскую проблематику романа. Она же и определяет концепцию личности, предложенную Солженицыным»⁴.

В указанном романе находим размышления заключенного Бобынина, одного из героев романа, который формулирует смысл *свободы*: «Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть её не в ваших силах, ибо её нет у вас самих. Лет мне от роду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять, на каторге я уже был, в номерах ходил, и в наручниках, и с собаками, и в бригаде усиленного режима – чем ещё можете мне грозить? Чего ещё лишит? <...> Вообще,

⁴ Голубков М.М. А.И. Солженицын // Солженицын А.И. В круге первом. М., 2002. С. 28.

поймите и передайте там, кому надо выше, что вы сильны лишь постольку, поскольку отбираете у людей не всё. Но человек, у которого вы отобрали всё – уже не подвластен вам, он снова свободен» («В круге первом»).

Совершенно естественно, что при употреблении А.И. Солженицыным слова *свобода* актуализируются значения, непосредственно связанные с тематикой его произведений, отражающие интересы писателя, его мироощущение. Эти значения являются актуальными и для современной российской действительности.

Обратимся к анализу периферийных значений слова *свобода*, отмеченных в произведениях А.И. Солженицына.

Весьма заметным (182 примера из 1 858) является использование А.И. Солженицыным слова *свобода* в значении «возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества». Слово *свобода* в данном значении функционирует как абстрактное философское понятие. Ср., например: *Истинная свобода состоит в том, чтобы постоянно иметь над собой высший нравственный принцип: могу делать всё, что хочу, а не буду!* («На Западе»).

Менее характерными для текстов А.И. Солженицына являются случаи использования слова *свобода* в следующих значениях:

- личная независимость, самостоятельность, отсутствие зависимости от кого-, чего-либо, или в связи с кем-, чем-либо мешающим, стесняющим;
- государственная независимость, суверенитет;
- раздолье, простор, воля;
- лёгкость, отсутствие затруднений в чем-либо;
- отсутствие крепостной зависимости;
- непринужденность, отсутствие привязанности;
- избавление;
- свободное, незанятое время, досуг.

Обратим внимание на то, что не все употребления слова *свобода* в текстах А.И. Солженицына находятся в четком соотношении со словарными дефинициями. В 52 высказываниях слово *свобода* выражает значения, которые мы затруднились подвести под словарные определения. В большинстве такого рода примеров мы имеем дело с метафорическим употреблением слова *свобода*. Например: *Речь его прозвучала лаконично, но как ясно осветила она вперёд проектором всю его многообещающую программу! И какие переливы святого волнения свободы теснились в струе этого голоса при несколько отрывистой дикции* («Красное колесо»); *Нужно ли оглядываться назад, когда всё устремилось вперёд, к засиявшему свету свободы* («Красное колесо»); *Всё думали раньше: да когда же массы сдвинутся?! А вот, пожалуй, и слишком сдвинулись. Не в таких красках рисовался прежде восход свободы* («Красное колесо»); *Но позвольте! Но кажется же с тех пор восходило солнце свободы? И простирались руки к обездоленным* («Архипелаг ГУЛАГ»); *Это были – враги народа, которые хотели бы утопить в крови величественное дело свободы* («Красное колесо»).

Поиски наиболее объективных критериев для выявления особенностей семантики слова *свобода* привели нас к осознанию целесообразности описания его

значений у А.И. Солженицына с опорой на синтаксические условия в рамках конкретных высказываний.

Как отмечает Л.В. Брикотнина, «на настоящем этапе развития лингвистической науки необходимо рассматривать, как взаимосвязаны семантика слова и его функции и что позволяет слову с определенным типом лексического значения выполнять определённую синтаксическую роль и, с другой стороны, как определённая синтаксическая функция способствует актуализации лексического значения слова»⁵. В таблице 2 на основе 1 858 примеров представлена общая картина закреплённости слова *свобода* за определенной синтаксической позицией в предложении.

Таблица 2

Синтаксические позиции слова *свобода* в произведениях А.И. Солженицына

Синтаксические позиции		Примеры
Предикативное сочетание слов (232 примера)	подлежащее	<i>Свобода нравится всем</i> (215 примеров)
	сказуемое	<i>Жизнь – это свобода</i> (17 примеров)
Непредикативное подчинительное словосочетание (1 626 примеров)	дополнение	<i>Он хотел получить свободу</i> (1 096 примеров)
	несогласованное определение	<i>Союзники верны принципу свободы</i> (404 примера)
	обстоятельство	<i>Вчера он был на свободе</i> (126 примеров)

Как видим, интересующее нас слово в произведениях А.И. Солженицына может употребляться в составе предикативного сочетания слов, выполняя функцию подлежащего и сказуемого, а также в составе непредикативных подчинительных словосочетаний в функции дополнения, несогласованного определения, обстоятельства. Ср. соответственно: *Свобода нужна ограниченная, иначе не будет слаженного общества* («В круге первом»); *Твоя выдержка – твоя свобода* («Красное колесо»); *Они выступали как будто по приказу, совершенно законно, но офицеры-то знали, что они идут добывать свободу* («Красное колесо»); *Русское общественное мнение к началу века составляло воздух свободы* («Архипелаг ГУЛАГ»); *Заклученный оьянял от счастья, потому что впервые за столько лет был на свободе* («Архипелаг ГУЛАГ»).

Как показали наблюдения, в позиции подлежащего реализуются 5 из 12 значений слова *свобода*.

Чаще всего слово *свобода* в данной синтаксической позиции употребляется в значении «возможность беспрепятственно, без стеснений и принуждения

⁵ Брикотнина Л.В. Особенности семантики абстрактных имён качества и их экспликация в синтаксисе // Реальность. Язык. Сознание : междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 2005. С. 557.

действовать в какой-нибудь области общественной жизни» (113 примеров из 215). Ср., например: *Но теперь мы видим, что 30 лет западная свобода сама добровольно отдавала позицию за позицией насилия* («На Западе»).

В позиции подлежащего существительное *свобода* может не иметь каких-либо подчиненных компонентов (139 высказываний), составляющих вместе с ним группу подлежащего. Семантика данного слова выступает в таких случаях как ориентированная на предтекст и непосредственным образом соотношенная с семантикой предикативного члена. Ср., например: *Я заметил: в любой камере по любому мельчайшему вопросу – о мытье мисок, о подметании пола, вспыхивают оттенки всех противоположных мнений. Свобода погубила бы людей* («В круге первом»).

Если же при подлежащем *свобода* выступают согласованные и несогласованные определения (76 высказываний), то они сужают и конкретизируют смысловую объем данного слова, перетягивают смысловую акцент на себя, отодвигая на второй план момент семантического согласования со сказуемым. Ср., например: *Мы изголодались по свободе, и нам кажется: нужна безграничная свобода* («В круге первом»); *Пиши, пожалуйста! – у нас свобода слова. А уж мы тут разберёмся, что куда кому* («Архипелаг ГУЛАГ»).

В функции сказуемого без конкретизирующих его определений слово *свобода* указывает на то, что свойство, признак, принадлежащий предмету, названному подлежащим, будучи частным, выдается за общее. Ср.: *Жизнь – это свобода* («В круге первом»). В данной синтаксической позиции анализируемое слово не соотносится ни с одним из значений, представленных в словарях русского языка.

При наличии атрибутивных распространителей значение слова *свобода* в предикативной позиции сужается и конкретизируется. Ср., например: *Твоя выдержка – твоя свобода* («Красное колесо»). В качестве таких конкретизаторов существительного *свобода* в рамках рассматриваемой синтаксической позиции А.И. Солженицыным используются согласованные и несогласованные определения, которые делают высказывание соответствующим реальному положению дел. Ср., например: *А хитрость в том, что автомобилями так много, что для них даже гаражей не строят. Всё это – свобода информации* («В круге первом»).

Функционирование абстрактного существительного *свобода* в позиции сказуемого сопровождается, таким образом, его конкретизацией (так же, как и при его употреблении в качестве подлежащего), за счет чего оно получает разнообразное смысловое наполнение.

Все 12 значений слова *свобода* реализуются в позиции дополнения. Глаголы, при которых употребляется данное слово в этой синтаксической позиции, очень разнообразны по своей семантике: *бороться, влиять, вырываться, выдавать, грозить, добиться, достичь, использовать, осуществлять, отдать, отказываться, лишать, обеспечить, обладать, обрести, одарять, оставлять, отвыкнуть, отнять, потерять, привыкнуть, прини- мать* и др.

Опираясь на «Толковый словарь русских глаголов» под редакцией Л.Г. Бабенко ⁶, мы представили их семантическую классификацию и выделили три основные группы в соответствии с рубриками словаря: 1) глаголы, обозначающие действие и деятельность (587 примеров из 985), 2) глаголы, выражающие отношения (273 примера из 985), 3) глаголы, обозначающие бытие, состояние, качество (135 примеров из 985). Ср. соответственно: *Столыгин... установил свободу* молитвенных зданий, религиозных общин («Красное колесо»); *Ждали от него, чтоб он отстаивал справедливость, свободу* («Красное колесо»); *Надо было 50 лет завоевывать свободу, чтоб составить какой-то сброд близоруких* («Красное колесо»).

Выполняя функцию несогласованного определения, слово *свобода* реализует 4 из 12 значений:

- возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества;
- отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений и ограничений в общественной жизни и деятельности какого-либо класса или общества в целом;
- состояние того, кто не находится в заключении, в неволе;
- возможность беспрепятственно, без стеснений и принуждения действовать в какой-нибудь области общественной жизни.

Опорный компонент (существительное) в подобных случаях конкретизирует смысловые грани слова *свобода*. Наиболее частотными являются существительные, обозначающие время (*год* свободы, *декада* свободы, *день* свободы), сферу распространения свободы (*мир* свободы, *область* свободы). Ср., например: *Так вот почему такой углублённый и сфинксоподобный сидел он сегодня на своём мешочке в кузове: у него не только был первый день свободы, но и возврат в страну своей юности, в страну вдохновения* («Архипелаг ГУЛАГ»).

В позиции обстоятельства слово *свобода* употребляется только в двух значениях:

- состояние того, кто не находится в заключении, в неволе,
- легкость, отсутствие затруднений в чем-либо.

В абсолютном большинстве случаев слово *свобода* в данной синтаксической позиции (120 примеров из 126) используется А.И. Солженицыным в значении «состояние того, кто не находится в заключении, в неволе» и обозначает реальность за пределами системы лагерей. Ср., например: *Ну как тебя на свободу отпустить? Без тебя же тюрьма плакать будет?* («Один день Ивана Денисовича»).

Словообразовательное гнездо слова *свобода* очень объемно. Оно включает 56 производных. В произведениях А.И. Солженицына нами отмечены восемь членов данного гнезда. Приведем их с указанием частотности употребления: *освободить* (524), *свободный* (411), *освобождение* (178), *свободно* (166), *освободиться* (161), *освободитель* (5), *несвободный* (4), *свободолюбие* (3).

⁶ Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М., 1999.

предложения. Ср., например: *В Верхнее-Уральском, например, из двухсот заключённых освободили половину* («Архипелаг ГУЛАГ»). Как видим, в подобных конструкциях на первый план выходит само действие, а не лица, которые его производят. Они мыслятся неопределенно. Ср., например: *Он покорно и молча просидел ещё сутки – и тогда его освободили как ни в чём не бывало* («Архипелаг ГУЛАГ»). А.И. Солженицын, таким образом, подчеркивает, что субъектом освобождения является государственный строй, политическая система.

Лишь в 19 случаях из 360 субъект освобождения конкретизирован. Это круг лиц, связанных со службой исполнения наказаний – *начальник тюрьмы, охранка, караул тюрьмы*. Ср., например: *Караул тюрьмы поднял красный флаг и освободил политических заключённых* («Красное колесо»).

Тюремные и лагерные надзиратели, представители правоохранительных органов, политические деятели могут быть названы в произведениях А.И. Солженицына пофамильно (13 примеров): *Сталин, Курлов, Пешехонов, Яконов* и др. Ср., например: *Сталин не знает об этих арестах!!! Вот он узнает – он всех их разгромит, а нас освободит* («Архипелаг ГУЛАГ»). В роли освобожденных у А.И. Солженицына выступают люди, находящиеся в тюремном или ссыльном заключении, под следствием или под арестом. Это *арестанты, заключенные, эки, политические заключенные, каторжники, священники, узники, мужчины, офицеры, инженеры, преступники, уголовники, малолетки, растлители*. Ср., например: *На улицах арестанты и каторжники, в халатах, в тюремном, прогуливались весело, целовались друг с другом и с солдатами. Всех до одного освобождали, не спрашивая* («Красное колесо»).

В качестве объектов, которые стремятся получить свободу, могут выступать и целые группы людей: *крестьяне, массы, человечество, духовенство*. Ср., например: *Наша задача – освободить человечество от духовной перегрузки* («В круге первом»).

В результате действия, обозначенного глаголом *освободить*, объект становится свободным, то есть избавляется от каких-либо ограничивающих или стесняющих его обстоятельств или факторов. Освобождение предполагает устранение нежелательного фактора, мешающего человеку делать то, что он хочет и желает.

От глагола *освободить* образовано существительное *освобождение* (178 примеров). Наибольшее количество примеров (134 примера из 178) приходится на значение «*сделать свободным кого-нибудь, предоставить свободу кому-нибудь*». Ср., например: *В 1938 Прохоров-Пустовой при освобождении оставался вольнонаёмным инженером Бамлага* («Красное колесо»). Заметим, что и у глагола *освободить* на первый план выходит именно это значение, а оно соотносится со значением существительного *свобода*: «*возможность беспрепятственно, без стеснений и принуждения действовать в какой-нибудь области общественной жизни*».

Существительное *освобождение* в данном значении обозначает процесс обретения объектом свободы. В подобных высказываниях акцент делается только на объекте, который стремится к получению свободы. В 134 примерах из

148 объект освобождения назван. Это *крестьяне, народ, арестанты, эски, каторжники, Россия, политические заключённые, беглецы, ССС, Александр Евдокимыч Багров, Бобынин, еврей, каторжане, Литва, малолетки, немцы, русский народ, советский народ* и т. д. — всего 115 примеров, 60 лексем. Как видим, состав лексических единиц, называющих объект освобождения, весьма разнообразен.

Весьма частотны (32 примера, 9 лексем) лексические единицы, называющие объект освобождения по состоянию несвободы: *каторжники, арестант, эск, политические, политический заключенный, беглецы, заключенный, малолетки, ссыльные*. Ср., например: *Коснулись вопроса об освобождении политических* («Красное колесо»).

В произведениях писателя используются также лексические единицы, называющие целые народы, нации, социальные классы: *крестьяне, народ, евреи, немцы, русский народ, советский народ, вьетнамский народ, греческий народ, народности Австро-Венгрии, славяне, эстонцы, южные славяне* (30 примеров, 12 лексем). Ср., например: *На какое-то время он разделит и всеобщественное увлечение освобождением южных славян и станет санитаром тылового госпиталя* («Красное колесо»).

Объектами освобождения здесь могут быть и целые государства: *Россия, СССР, Эстония, Литва, Галиция, Германия, Латвия* (14 примеров, 7 лексем). Ср., например: *Надо было видеть всю широкую картину начавшего освобождения России и в этой картине удержать Балтийский флот до просветления* («Красное колесо»). Отмечаются у А.И. Солженицына и словосочетания, которые называют должности, род деятельности объектов освобождения. Это самая малочисленная группа: *греческий писатель, военный министр, городовые* (3 примера, 3 лексем). Ср., например: *Поручить Шехтеру лично объявить Керенскому о недопустимости освобождения городовых* («Красное колесо»). В 14 случаях из 148 объект освобождения не назван. На него содержится указание в контексте. Ср., например: *С нашим «фашистским» приездом тотчас начались в Новом Иерусалиме ежедневные освобождения* («Архипелаг ГУЛАГ»).

В значении «избавить от чего-нибудь, предоставить кому-нибудь возможность не делать чего-нибудь, не подвергая чему-нибудь» анализируемая лексема через посредство глагола *освободить* соотносится с существительным *свобода* в значении «избавление».

В подобных случаях (44 примера) внимание акцентируется на факторах, которые ограничивают свободу объекта. Ср., например: *Промышленности давали освобождение от повинностей, деревне не давали* («Красное колесо»). В 30 случаях из 44 этот фактор автором конкретизирован. Препятствиями для освобождения являются: *коммунизм, крепостное право, тоталитаризм, война, внешние силы, государственные повинности, диктат, диктат безбожия, категория заработков, контроль, коммунистическая чума, ложь, милитаристское иго, министерские мнения, наемное рабство, наряды, повинность, подати, политические перемены, социалистическая зараза*. Как видим, факторы, ограничивающие *свободу* объекта, различны. Однако наиболее часто в качестве тако-

вых выступают те, которые связаны с государственным строем, с господствующим политическим режимом и идеологией. Ср., например: *Могли бы эти события пройти раньше и гораздо мягче, но всё равно освобождение от коммунизма длительно* («На Западе»).

В 14 из 44 случаев фактор, благодаря которому объект становится свободным, А.И. Солженицыным не конкретизируется. В подобных случаях представляется важным сам факт освобождения. Ср., например: *Он убеждённо шёл к духовному и религиозному освобождению* («Бодался телёнок с дубом»); *Тут они впервые увидели неопишущую радость освобождения* («Красное колесо»).

Производное слово *освобождение* в произведениях А.И. Солженицына выступает как лексическая единица, позволяющая представить процесс обретения свободы в динамике как деятельностный.

От глагола *освободить* образуется и глагол *освободиться* (161 случай). Семантический потенциал слова *освободиться* в произведениях А.И. Солженицына реализуется полностью. На первый план у писателя выходят следующие значения: *«избавляться от неволи, выходить из заключения»*; *«избавляться от угнетения или рабства»*; *«избавляться от власти, владычества кого-либо»*; *«избавляться от чего-либо мешающего, стесняющего свободу действий»*¹⁰.

Данные значения слова *освободиться* соотносятся с соответствующим значением глагола *освободить* (*«избавить от чего-нибудь, предоставить кому-нибудь возможность не делать чего-нибудь, не подвергая чему-нибудь»*). Специфика глагола *освободиться* в том, что он представляет этот смысл более дифференцированно. Существительное *свобода* также употребляется в значении *«избавление»*. Ср., например: *Он освободился через три месяца после вынесения приговора* («Архипелаг ГУЛАГ»). В результате мы получаем следующую цепочку: *свобода* (= *избавление*) – *освободить* (= *«избавить от чего-нибудь, предоставить кому-нибудь возможность не делать чего-нибудь, не подвергая чему-нибудь»*) – *освободиться* (= *«избавляться от неволи, выходить из заключения»*; *«избавляться от угнетения или рабства; избавляться от власти, владычества кого-либо»*; *«избавляться от чего-либо мешающего, стесняющего свободу действий»*).

Наибольшее количество примеров (75 из 161) приходится на значение *«избавляться от неволи, выходить из заключения»*. В 14 случаях указывается на место, откуда объект освобождается: *ссылка, тюрьма, заключение, остров, Экибастус, Особлаг, Озерлаг*. Ср., например: *Ему предстоит ещё лагерная судимость, 25 лет, и из Озерлага он освободится только в 1957* («Архипелаг ГУЛАГ»). В 8 примерах акцент делается на факторе, который до момента избавления ограничивал свободу объекта. Это *арест, амнистия, заключение, оковы*. Ср., например: *По сталинской амнистии дезертир освобо-*

¹⁰ Словарь современного русского литературного языка. Т. 8. С. 1076–1078.

дился, не отсидев и трёх лет, он уже забыл об этом маленьком эпизоде из своей жизни («Архипелаг ГУЛАГ»).

Однако в большинстве случаев (53 примера из 75) важен сам факт освобождения объекта из мест заключения. Ср., например: *К другому стрелку, на вахте, подбежал ээк с обходным листком (завтра ему освободиться)* («Архипелаг ГУЛАГ»).

При употреблении глагола в значениях «*избавляться от угнетения или рабства*» и «*избавляться от власти, владычества кого-либо*» акцент делается на тех моментах, которые препятствуют свободе объекта (34 примера). Перечислим их. Ср.: *война, идеология, владычество, коммунизм, коммунистическая зараза, власть, догмы, коммунистическая система, коммунистический центр, марксизм, революции, тираническая власть, колониальное наследство, колония, петля полицейского режима, тиски, тоталитарная система, эсеры*. Ср., например: *Может рабочий класс освободиться от петли полицейского режима?* («Красное колесо»).

Если глагол *освободиться* употребляется в значении «*избавляться от чего-либо мешающего, стесняющего свободу действий*», то внимание фокусируется на причинах и факторах, которые каким-то образом стесняют свободу объекта (33 примера). Ср.: *враги, боль, позор, порок, скорбь, тело, плоть, чужое мнение, искусственное переотмещение, пространнодержавное мышление, постановление, решение, самоупрек, сибирские тундры, чужое влияние*. Ср., например: *Освободиться от позора, от боли, от груза* – от всего («Красное колесо»).

В значениях «*получать возможность не делать чего-либо, не подвергаться чему-либо*», «*высвободиться, устраняя что-либо стесняющее, мешающее движению*», «*делаться незанятым какими-либо предметами*», «*лишаться чего-либо, оставаться без чего-либо*»¹¹ слово *освободиться* употребляется в единичных случаях. Данные значения являются самостоятельными и не обнаруживают непосредственной связи со значениями слова *свобода*.

Таким образом, функционирование слова *свобода* в художественно-публицистических текстах А.И. Солженицына в целом отвечает общезыковой норме. Смысловый потенциал анализируемого слова полностью реализован в произведениях рассматриваемого автора. Тем не менее, специфические особенности употребления слова *свобода* высвечиваются достаточно ярко. Эти особенности обнаруживаются в том, что язык А.И. Солженицына отражает его мировосприятие как писателя, гражданина, общественного деятеля, поэтому слово *свобода* используется писателем чаще всего в значениях, которые связаны с разными областями общественной жизни, с деятельностью какого-либо класса, общества или с правовой сферой.

Производные от слова *свобода* лексические единицы хотя и по-разному, но реализуют его значения. Производящая основа является тем мостиком, который «человеческое сознание перебрасывает от известного к неизвестному».

¹¹ Словарь современного русского литературного языка.

Производные лексические единицы «то опускают кое-что из своего первоначального значения, то, напротив, кое-что добавляют к нему»¹².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брикотнина, Л.В. Особенности семантики абстрактных имен качества и их экспликация в синтаксисе [Текст] // Реальность. Язык. Сознание : междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов, 2005.
2. Гак, В.Г. К диалектике семантических отношений в языке [Текст] // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.
3. Голубков, М.М. А.И. Солженицын [Текст] // А.И. Солженицын. В круге первом. – М., 2002.
4. Ерохин, В.Н. Ключевое слово в художественном тексте [Текст]. – Тверь, 2004.
5. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст] // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1992.
7. Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. – М., 1984. – Т. 4. – С. 52–53.
8. Словарь современного русского литературного языка [Текст] : в 17 т. – М., 1962. – Т. 8. – С. 394–398.
9. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ [Текст] // Малое собр. соч. – М., 1991. – Т. 5–8.
10. Солженицын, А.И. Бодался телёнок с дубом [Текст] // Новый мир. – 1991. – № 6–12.
11. Солженицын, А.И. Публицистика. [Текст]. – Ярославль, 1995. – Т. 1–3.
12. Солженицын, А.И. Раковый корпус [Текст] // Малое собр. соч. – М., 1991. – Т. 4.
13. Солженицын, А.И. Рассказы [Текст]. – М., 1991.
14. Солженицын, А.И. В круге первом [Текст] // Малое собр. соч. – М., 1991. – Т. 1–2.
15. Тихонова, В.Я. Концепт «борьба» в русской языковой картине мира [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005.
16. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы [Текст] / под ред. Л.Г. Бабенко. – М., 1999.
17. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. Б.М. Волина, Д.Н. Ушакова. – М., 1940. – Т. 4. – С. 95–96.
18. Хижняк, Л.Г. Ключевые слова в прозе А.И. Солженицына [Текст] // Филология : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 1999. – С. 63–67.

A.A. Zlobin

THE SEMANTIC POTENTIAL OF A KEY WORD IN A.I. SOLZHENITSYN'S LITERARY WORKS

The article centers on the semantic potential of the Russian word 'svoboda' (freedom) used by A.I. Solzhenitsyn as a key word. The author compares the semantic interpretations of

¹² Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 8.

the word given by various Russian-Russian explanatory dictionaries. The article investigates the hierarchy of the meanings of the word and analyzes their usage in A.I. Solzhenitsyn's works. The author analyzes the realization of the semes of the key word in its derivatives, such as 'osvobodit' (to free, to liberate), 'osvoboditsya' (to gain freedom), 'osvobozhdenie' (liberation).

Solzhenitsyn A.I., semantic potential, dictionary definitions, syntactic patterns, derivatives.

УДК 811.162.4

В.С. Князькова

ТВОРЧЕСТВО А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В ВОСПРИЯТИИ СЛОВАЦКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Статья посвящена восприятию творчества А.И. Солженицына в Словакии. Представлен исторический обзор переводов произведений писателя на словацкий язык; дана информация о переводчиках и их переводческих концепциях; рассмотрено отношение читательской аудитории к текстам А.И. Солженицына с момента появления первого его произведения в Словакии и до сегодняшнего дня. Показаны основные подходы к передаче авторской лексики на словацкий язык, проиллюстрированы наиболее трудные для перевода лингвистические черты солженицынского языка.

художественный перевод на словацкий язык, «Один день Ивана Денисовича», перевод окказионализмов, восприятие художественного произведения.

Многогранность личности и творчества А.И. Солженицына, уникальность ситуации, в которой появились его первые произведения, последующая судьба этих произведений и их автора – все это обусловило неоднозначное, но всегда очень живое восприятие его книг за рубежом. С момента публикации «Одного дня Ивана Денисовича» творчество А.И. Солженицына вышло за рамки литературы, а фигура самого писателя стала чуть ли не более значимой, чем сами тексты произведений, что сказалось и на восприятии переводов. С одной стороны, большой интерес к творчеству писателя (в частности, в Словакии он является одним из самых читаемых русских авторов), с другой стороны, нередко воспринимается лишь фактическая сторона его книг, а художественное своеобразие уходит на второй план.

История переводов и исследования произведений А.И. Солженицына в Словакии – это отражение истории взаимоотношений двух славянских народов, сменяющие друг друга периоды политического давления, слепого восторга, неприятия и отрицания. Русская литература оказывала влияние на словацкую литературу на всем протяжении ее развития. Наиболее интенсивным

воздействие оказалось в момент формирования реалистической литературы в конце XIX века и в период соцреализма в середине XX века. В интересующий нас период – со второй половины XX века – происходит перелом, обусловленный политической оттепелью в Советском Союзе. «Тогда вступило в литературу новое поколение, которое своими яркими талантами (Аксенов, Евтушенко, Вознесенский) смогло стереть дурные последствия только что ушедшего периода и оживить интерес не только к советской классике, но и к русскому модерну и авангарду. О политическом и литературном значении Солженицына нет необходимости напоминать, оно неопределимо (здесь и далее перевод мой. – В.К.)», – пишет М. Грала¹.

Знакомство словацких читателей с А.И. Солженицыным началось, как и во многих других странах, с рассказа «Один день Ивана Денисовича». В начале 1963 года, то есть всего несколько месяцев спустя после русского издания, вышли переводы рассказа в Голландии, Португалии, Швеции, Швейцарии, ФРГ, Корею, Дагрии, Испании, США, несколько позже, но в том же году, в Финляндии, Венгрии, Исландии, Италии, Японии, Норвегии. Славянские страны не были исключением. Всего два месяца после советского издания рассказ был переведен на болгарский язык (Венцел Райчев, 1963). В Чехословакии вышел чешский (Сергей Махонин, 1963) и словацкий переводы (Ян Ференчик, 1963). В Югославии в конце 1963 года опубликованы сербские переводы сразу трех рассказов: «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор» и «Случай на станции Кречетовка» (Зоран Жуёвич, Ана Грдан, Светомир Дурбич, 1963). Хорватский и словенский переводы «Одного дня Ивана Денисовича» появились только через несколько лет – в 1971 и 1982 годах соответственно. Что касается польского перевода, то сначала был издан рассказ «Случай на станции Кречетовка» в журнале «Literatura radziecka», а несколько позже «Один день Ивана Денисовича» в варшавском еженедельнике «Polityka»: название журнала уже само по себе свидетельствует о характере восприятия фигуры А.И. Солженицына и его творчества в Польше.

«Один день Ивана Денисовича» не сразу для словацкого читателя был издан в виде книги: в самом начале 1963 года он выходил по частям в переводах разных переводчиков в журнале «Slovenské pohľady», фрагменты рассказа издавались также в еженедельниках «Svet socializmu» и «Živob», на что «Slovenské pohľady» отреагировали упреком в адрес указанных журналов. Редакция журнала «Slovenské pohľady» утверждала, что публикация фрагментов произведения А.И. Солженицына служила лишь поводом для привлечения читателей после повышения цены на журналы и стремлением произвести сенсацию, а не проявлением глубокого, правдивого и всестороннего интереса к советской литературе.

Первое полное словацкое книжное издание «Одного дня Ивана Денисовича», вышедшее в 1963 году, было осуществлено Яном Ференчиком, известным переводчиком русской литературы. Его работы о теоретических вопросах перевода стали основой для современной словацкой переводческой

¹ Hrala M. České překlady z ruské literatury // Kapitoly z dějin českého překladu. Praha, 2002. S. 236.

школы и отразились в его собственных переводах. После публикации переводов в Словакии статьи об этом рассказе вышли практически во всех основных периодических изданиях того времени. Характерным признаком этих статей, однако, являлось повышенное внимание лишь к идеологической стороне произведения и к личности автора как фигуре политической. В этих статьях не просто не обращается внимание на художественные достоинства произведения, а вовсе отрицается какое бы то ни было стилистическое своеобразие рассказа. Один из таких примеров – статья М. Дрозды, в которой он превозносит заслуги автора в «публицистической реабилитации невиновных», но в то же время пишет: «Его проза не блещет ни яркими стилистическими средствами, ни необычными композиционными приемами»². Или другой пример из статьи З. Матейовой о том, как политическая сенсация затмевает объективный анализ произведения: «Несмотря на несомненный вклад этой книги в идейном отношении, в области художественной формы можно заметить определённые недоработки»³.

В 1960-е годы интерес к А.И. Солженицыну в Чехословакии достигает своей вершины. Об этом свидетельствуют следующие слова, сказанные о писателе весной 1965 года ответственным сотрудником посольства Чехословакии в Москве: «В Чехословакии он любимый писатель, его называют “русский Фу-чик”. Популярность его очень велика. Мы в посольстве это чувствуем, так как через посольство направляем Солженицыну много приглашений о посещении нашей страны. Мы передаём их в Союз писателей, в общество дружбы с ЧССР. Но нам обычно отвечают через МИД, что Солженицын тяжело болен, что у него рак, что он не может далеко выезжать за пределы Рязани. А ведь как жаль, такой талантливый писатель...»⁴. О высоком интересе к творчеству А.И. Солженицына в Словакии свидетельствует и тот факт, что в 1967 году именно в словацкой газете «Pravda» была впервые напечатана одна глава из «Ракового корпуса», опередив все другие публикации романа.

Периодом сильнейшего идеологического давления со стороны советской культуры, которое сказывалось не только на внутренней продукции Словакии, но и на выборе произведений для перевода, были 1968-й год и последующие два десятилетия. Интерес к творчеству А.И. Солженицына в Словакии заметно снижается, перестают публиковаться переводы и какие-либо критические статьи. В конце 60-х годов произведения А.И. Солженицына оказываются под запретом в Советском Союзе, а сам писатель отправлен в эмиграцию. В 70–80-х годах публикация его произведений и изучение его творчества продолжают на Западе. Так, романы «Раковый корпус» и «В круге первом» выходят на русском языке в парижском издательстве «YMCA-PRESS». Там же в 1973 году печатается книга «Архипелаг ГУЛАГ», после чего сразу появ-

² Drozda M. Jeden deň Ivana Denisoviča // Východoslovenské noviny. 1964. 25 červ. S. 4.

³ Máteiová Z. Vidieť ponad osobné krivdy presný cieľ // Učiteľské noviny. 1963. 22 srp. Roč. 13. Č. 31–33. S. 4.

⁴ Медведев Ж.А. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича». Лондон, 1973. С. 49.

ляются французский, немецкий и английский переводы. В 1974 году в Цюрихе издается словацкий перевод книги, осуществленный Эмилом Богданом Штефаном, журналистом, редактором, автором нескольких политических романов и исторических публикаций. Хотя признанным является перевод, изданный уже в самой Словакии после бархатной революции, но и работа Э.Б. Штефана также заслуживает внимания как первый словацкий перевод «Архипелага ГУЛАГ». Э.Б. Штефан до отъезда в эмиграцию работал в Министерстве иностранных дел Чехословакии, на телевидении, был главным редактором газеты «Práca», а после 1968 году, будучи в эмиграции в Германии, работал в словацкой редакции радио «Свободная Европа», сотрудничал с эмигрантским журналом «Horizont», подготовил к изданию несколько антологий словацкой прозы, переводил с русского и украинского языков. Публикация словацкого перевода книги А.И. Солженицына стала одной из важнейших работ издательства «Poľana», главной целью которого было издание представительного эмигрантского журнала в Западной Европе (журнал «Horizont» выходил ежемесячно с 1972 по 1991 год). В публикации «Архипелага ГУЛАГ» принял участие в качестве иллюстратора известный художник словацкой эмиграции Ян Мраз, что сделало книгу одним из самых красивых изданий словацкого зарубежья⁵. В этот период продолжается изучение творчества А.И. Солженицына и в Западной Европе, и в Америке. Научные монографии, посвященные творчеству писателя, выходят во Франции (Ж. Нива), Англии (Ж.А. Медведев), США (В. Карпович). Ни в Советском Союзе, ни в социалистической Чехословакии А.И. Солженицына как будто не существовало.

После «бархатной революции» 1989 года условия для развития русско-словацких литературных отношений снова изменились радикальным образом. С одной стороны, падение политического давления позволило переводить и издавать произведения, находившиеся до этого под запретом, с другой стороны, последствием десятилетий «обязательной» дружбы было неизбежное снижение интереса к русскоязычной литературе. Целые блоки книг, отмечает М. Грала, действительно популярные в свое время, теряют всякую привлекательность для читателей. Они становятся лишь историческими документами не только из-за своей тематики (пропагандистского характера), но и из-за методов перевода, отношения к оригиналу и качеству языка. Соответствовать современной переводческой норме, сформировавшейся в настоящее время, могут лишь немногие из старых переводов. Но и в новых переводах, часто соответствующих данной норме, в некоторых случаях обнаруживается влияние современных тенденций (вульгаризация текста, смысловые смещения и т. д.)⁶. О влиянии раннего творчества А.И. Солженицына на словацких писателей конца XX века словацкий литературовед А. Червеняк пишет: «Мы глубоко убеждены, что новое идейно-эстетическое сознание таких авторов, как П. Ярош, Л. Фелдек, Р. Слобода, П. Виликовский, Л. Баллек <...> формировалось и в орбите неотразимого воз-

⁵ Slovenské tlačené slovo v zahraničí. URL : www.viks.sk/dkk/kniha91_92_19_34.doc (дата обращения: 10.04.2013).

⁶ Hrala M. České překlady z ruské literatury. S. 239.

действия»⁷ рассказов русского писателя. Исчезновение политических ограничений позволило за очень короткий период времени издать переводы предыдущих десятилетий, но по известным причинам до сих пор нереализованные. Так, подготовленные еще в 70-х годах вышли в 1991 году на словацком языке «Раковый корпус» (пер. Магда Такачова) и «Архипелаг ГУЛАГ» (пер. Душан Слободник, Игор Слободник и Элена Линзботова).

В последнее десятилетие в Словакии возрождается интерес к русской культуре, причем особым вниманием пользуются книги о «темных» страницах прошлого России. Так приходит новая волна популярности солженицынских текстов о ГУЛАГе.

В 2003 году появляется новый словацкий перевод «Одного дня Ивана Денисовича», созданный словацкой переводчицей Ольгой Гирнеровой. Как известно, вариант рассказа 1962 года, опубликованный в «Новом мире», отнюдь не является первоначальной авторской версией. Чтобы появился шанс на публикацию, рассказ пришлось существенно обработать: сократить и смягчить некоторые эпизоды. Восстановленный первоначальный вариант был издан в Собрании сочинений А.И. Солженицына издательства «УМСА-PRESS» в 1978 году. Именно эту версию рассказа сам автор считает верной (так отмечается и в самом издании)⁸. И именно эта версия стала подлинником для перевода Ольги Гирнеровой. Примером текстологических изменений является информация о таких сторонах советской действительности, как, например, упоминание об ущербе, нанесенном советскому хозяйству организацией колхозов:

... ничего так жалко не было за восемь лет, как этих ботинков. В одну кучу скинули, весной уж твои не будут⁹.

... ničoho mu za tých osem rokov nebolo tak ľúto ako tých bagančí. Na jednu hľbu ich nahádzali, na jar už tvoje nebudú¹⁰.

В восстановленной версии возвращено последнее предложение:

... ничего так жалко не было за восемь лет, как этих ботинков. В одну кучу скинули, весной уж твои не будут. Точно, как лошадей, в колхоз сгоняли¹¹.

Za celých osem rokov mu za ničím nebolo tak ľúto ako za tými bagančami. Všetky nahádzali na jednu kopu, na jar už veru jeho nebudú. Celkom ako keď kone zháňali do kolchozu¹².

Не говорится в версии 1962 года и о том, как сажали в тюрьмы всех, кто возвращался на родину из-за границы:

А он вырос и самодумкой назад – в Эстонии институт кончать¹³.

⁷ Червения А. «Малый триптих» А. Солженицына // А.И. Solženicyн v kontexte európskej literatúry. Zborník príspevkov zo sympózia o tvorbe А.И. Solženicyна. Bratislava, 1992. S. 59.

⁸ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Собр. соч. : в 20 т. Т. 3. Вермонт ; Париж, 1978. С. 5.

⁹ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. № 11. С. 12.

¹⁰ Solženicyн А. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 1963. S. 14.

¹¹ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. Т. 3. С. 1

¹² Solženicyн А. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 2003. S. 12.

¹³ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. С. 26.

Keď vyrástol, hybaj svojvoľne nazad, do Estónska, študovať inštitút¹⁴.

В восстановленной версии предложение звучит так:

А он вырос и назад, дурандай, на родину, институт кончать. Тут его и взяли¹⁵.

No len čo vyrástol, zmyslel si hlupák, že sa vráti do vlasti a doštuduje techniku. A tam ho hneď zobrali¹⁶.

В 2012 году переиздан словацкий перевод книги «Архипелаг ГУЛАГ». Выход этого нового издания отметили многие словацкие газеты. В отзывах книга снова оценивается как «одно из важнейших свидетельств XX века»¹⁷. Новое издание дополнено не только новыми примечаниями, но, что особенно ценно, новым послесловием в третьем томе книги, в котором «Игор Слободник предпринял попытку осветить словацкую историю ГУЛАГа»¹⁸. Интересными также являются отсылки к последним работам о лагерях в словацком и чешском контекстах: упоминаются такие книги, как «Odvlečení» Петра Юшчака (2001) и «Gulag. Dějiny» Аннэ Аппленбаумовой (2004)¹⁹. Эти сведения, а также освещение исторических событий той эпохи делает издание особенно актуальным для современного словацкого читателя.

Что касается научных исследований творчества А.И. Солженицына в Словакии, они так же, как и переводы, стали появляться после 1989 года. Неслучайно первый после «бархатной революции» симпозиум Ассоциации русистов Словакии был посвящен именно творчеству А.И. Солженицына. Задача этого симпозиума, как прозвучало во вступительном слове, не подвести итог исследования творчества русского писателя, а, наоборот, дать толчок к его будущему изучению. Словацкие исследования произведений писателя принадлежат таким ученым-литературоведам, как М. Дрозда, М. Куса, О. Марушьяк, Д. Слободник, А. Червеняк и некоторые другие. Однако работы по лингвистическим особенностям творчества А.И. Солженицына практически отсутствуют. А между тем с художественной точки зрения особый интерес представляет язык произведений А.И. Солженицына, который отражает позицию писателя как продолжателя традиций классической русской литературы и в то же время большого реформатора. В солженицынском художественном языке переплетены глубокая закорененность в национальной традиции и яркое новаторство, стремление приблизить русский язык народной речи, освободить его от штампов советского времени. Автор добивается этого путем внедрения в ткань произведения большого объема нелитературных элементов (окказионализмов, архаизмов, диалектных форм, просторечия, жаргонизмов), а также новых синтаксических и композиционных форм организации текста.

¹⁴ Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 1963. S. 44.

¹⁵ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. Т. 3. С. 33.

¹⁶ Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 2003. S. 41.

¹⁷ Alexander Solženicyn: Súostrovie Gulag. URL : http://www.premedia.sk/slk/sk/literatura_faktu/novinka_alexander_solzenicyn_suostrovie_gulag (дата обращения: 18.04.2013).

¹⁸ Súostrovie Gulag. Recenzie. Knižná revue. 2013. 06. únor. URL : <http://www.floowie.com/sk/nahlad/309631289511119a9865de#/strana/2/> (дата обращения: 10.04.2013).

¹⁹ Priehrdtie pravdy o fenoméne gulag. Katolícke noviny. 2013. 26. Marec. URL : <http://www.katolickenoviny.sk/1314-2013-priehrdtie-pravdy-o-fenomene-gulag/> (дата обращения: 10.04.2013).

Приведем краткий обзор наиболее характерных черт языка писателя и принципов передачи их на словацкий язык. Одна из них – яркая фонетическая форма. Семантика слов у А.И. Солженицына во многих случаях связана с определенной интерпретацией их формальной стороны. В этом смысле очень характерен пример объяснения семантики слова *острог* в книге «Архипелаг ГУЛАГ»:

Ах, доброе русское слово – острог – и крепкое-то какое! И сколочено как! В нем, кажется, – сама крепость этих стен... И все тут стянуто в этих шести звуках – и строгость, и острога, острота (ежовая острота, когда иглами в морду, когда мёрзлой роже метель в глаза, острота затесанных кольев предзонника и опять же проволоки колючей острота), и осторожность (арестантская) где-то рядышком тут прилегает, а рог? А рог прямо торчит, выпирает! Прямо в нас наставлен... стало это все опять подниматься, сужаться, строжить, рожить... И только как колокол сторожевой, ночной и дальний...²⁰

Это пример использования А.И. Солженицыным паронимии для расширения значения слова. Имея в виду эти особенности языкового творчества А.И. Солженицына, приходим к выводу о чрезвычайной сложности его произведений как задачи для переводчика. Однако это не означает невозможность их перевода, хотя и требует не только глубоких знаний всего творчества писателя, реалий и истории страны, но и значительной изобретательности при их переводе. Рассмотрим, каким принципам следовал переводчик при воспроизведении этого отрывка на родственном славянском языке и насколько ему удалось передать всё многообразие языковых средств писателя.

Ach, dobré ruské slovo – ostrog (pevnostné zariadenie, temnica) – a aké je len pevné! Aké je nerozborné! Zdá sa, že v ňom je sama pevnosť tých stien... Všetko je zovreté, stiahnuté do tých šiestich hlások – aj strogosť (t.j. prísnosť), aj ostroha, aj ostrota (ježia ostroma, keď človeku ihlami d'obú do tváre, keď metelica naráža do tváre, ostroma otesaných kolov zahradzovacieho pásu pred múrmi väznice a aj pichajúci ostnatý drôt). Ani slovo ostorožnosť (t.j. obozretnosť, opatnosť väzňov) nemá ku koreňu slova ostrog d'aleko, no a slovo roh? Roh priam trčí, vydúva sa, akoby mieril priamo na nás! <...> sa to všetko začalo dvíhať, zužovať, prísniť, nadobúdať podobu rohu... A znie to ako strážny zvon, nočný a vzdialený...²¹

Во многих случаях переводчику приходится отказываться от русских слов (*острог*, *строгость*, *осторожность*) в их оригинальном звучании, чтобы сохранить связь между фонетической и смысловой стороной слова. В этом случае перевод слова приводится в скобках, что значительно снижает динамичность повествования. На словацкий переведены ключевые слова, схожие в своем звучании в обоих языках: *острога* – *ostroha*, *острота* – *ostrota*, *рог* – *roh*. Перевод менее метафоричен, более эксплицитен из-за описательных конструкций. Так, лексема *рожить* переведена как *nadobúdať podobu rohu* (букв. 'приобретать форму рога'); предложение *где-то рядыш-*

²⁰ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ : в 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 441.

²¹ Solženicyn A. Súostrovie Gulag : 3 diel. BA, 1991. Roč. 1. S. 285.

ком тут прилегает переведено как *netá ku koreňu slova ostrog ďaleko* (букв. 'близко к корню слова острог'). Перевод менее экспрессивен и из-за замены эмоциональных слов нейтральными, как, например, слов *морда* и *рожа* в обоих случаях переведенных словом *tvár* (букв. 'лицо'). Эти потери переводчик старается возместить, усиливая иной мотив этого пассажа, о крепости острога, повторяя его несколько раз: *pevnostné zariadenie* (букв. 'крепостное сооружение'), *aké je len pevné* (букв. 'какое крепкое'), *v ňom je sama pevnosť týchto stien* (букв. 'в нем сама крепость этих стен').

Во многих случаях перевод на иностранный язык помогает глубже понять и прочувствовать подлинник. Текст романа «Раковый корпус» буквально насыщен яркими словесными образами, что можно продемонстрировать на следующем примере:

...он (Олег Костоготов. – В.К.) так ухо приклонял, чтобы гордости не ущербнуть – слушал вбирчиво, а вроде не очень это ему и нужно²².

Авторские новообразования и экспрессивный синтаксис (например, разговорная усеченность синтаксических конструкций) сразу обращают на себя внимание, но в то же время звучат абсолютно естественно. При сопоставлении оригинала с переводом, где появляются дополнительные конструкции, сразу раскрывается необычность авторского склада:

...*natŕčal ucho tak, aby si tým nezadal* – *počúval dychtivo, ale tváril sa, akoby mu na tom veľmi nezáležalo*²³.

Интересны и переводческие решения в области лексики. Солженицынские новообразования всегда выполняют функцию концентрирования наибольшего содержания в наименьшем объеме. Наречие *вбирчиво* образовано писателем от прилагательного *вбирчивый*, зафиксированного в словаре В.И. Даля.

ВБИРЧИВЫЙ (от гл. вбирать 'втягивать, всасывать, впивать, брать в себя, набирать, наполняться') впивчивый, вбирающий, всасывающий в себя много²⁴.

Глагол *вбирать* находим и у Д.Н. Ушакова с переносным значением 'воспринимать'²⁵. Наречие *вбирчиво* передает не только то, с каким вниманием слушает главный герой все интересное и новое, но и как собирает по крупинкам и впитывает новые знания при любой представившейся возможности. Подобное авторское новообразование практически не поддается переводу. Переводчица выбирает стилистически нейтральную лексику словацкого языка, наиболее близкую по значению, – наречие *dychtivo*, то есть 'жадно, страстно, нетерпеливо': *DYCHTIVÝ veľmi žiadostivý, vášnivo túžiaci po niečom, nedočkavý*²⁶.

Словосочетание *приклонить к чему-нибудь ухо* имеет библейское происхождение и встречается в Ветхом Завете неоднократно: «...словам моим внимай,

²² Солженицын А.И. Раковый корпус. М., 2001. С. 118.

²³ Solženecyn A. Rakovina. BA, 1991. S. 103.

²⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. М., 1880–1882. С. 171.

²⁵ Толковый словарь русского языка. / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. М., 1935–1940. Т. 1. С. 230.

²⁶ Slovník Slovenského Jazyka : 5 diel. Bratislava, 1959–1965. Diel. 1. S. 357.

и к речам моим приклони ухо твое» [Притч. 4:20]; «...внимай мудрости моей, и приклони ухо твое к разуму моему» [Притч. 5:1]; «Приклоните ухо ваше и придите ко Мне: послушайте, и жива будет душа ваша» [Ис. 55:3] и др. У В.И. Даля мы находим это устойчивое словосочетание со значением 'слушать со вниманием'²⁷. Оно есть и в словаре Д.Н. Ушакова с пометой *книжное и устаревшее* и значением 'внимательно прислушиваться'²⁸. *Приклонять ухо* имплицитно противопоставляется словосочетанию *совать нос*, чем подчеркивается ненавязчивость героя, отсутствие грубого любопытства. Словацкая переводчица также дает устойчивое словосочетание, используя экспрессивный глагол *natrčat'* ('совать, тыкать'):

NATRČAŤ UŠI (hovor.) pozorne počúvať, snažiť sa počúť²⁹;

NATRČAŤ UŠI (hovor.) – навастривать уши, настораживаться³⁰.

Так, в переводе утрачивается библейская стилистика и семантика, чего вполне можно было избежать, употребив соответствующее словацкое библейское выражение *nakloniť ucho* («všimni si moju múdrosť, k mojej rozumnosti nakloň svoje ucho» [Prís. 5:1]).

Чтобы уравновесить оттенок некоторой унижительность, присутствующей в глаголе *приклонять* ('пригибать, наклонять к земле, к низу'³¹), вводит-ся писателем словосочетание *гордости не ущербнуть*, используя глагол, устаревший с точки зрения современных словарей, заимствованный А.И. Солженицыным у В.И. Даля:

УЩЕРБНУТЬ – убываться, умалять³².

Выбор переводчицы выпал на литературную лексему, близкую по значению: ZADAŤ SI svojím konaním, správaním (obyčajne nedôstojným) stratiť na vážnosti, utrpieť ujmu ha cti, povesti apod³³.

Новаторство А.И. Солженицына состоит не только в расширении возможностей лексики, но и в обогащении стиля и его выразительности. Ведь «авторский стиль проявляется не только в выборе слов и словоупотреблении, но еще более в компоновке слов, распорядке и композиции словесных цепей»³⁴. А.И. Солженицын часто совмещает в одном произведении средства различных функциональных стилей. Научная, публицистическая или административная лексика и синтаксис применяются автором, например, в книге «Архипелаг ГУЛАГ», в некоторых рассказах, таких как «Для пользы дела» и других, для придания тексту достоверности, научной обоснованности. Кроме того, смешение элементов разных стилей часто применяется для противопоставления языка советской власти языку простого народа. Характерными чертами последнего является принадлежащий складу устной народной речи сло-

²⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 418.

²⁸ Толковый словарь русского языка. Т. 3. С. 803.

²⁹ Slovník Slovenského Jazyka : 5 diel. Bratislava, 1959–1965. Diel. 2. S. 298.

³⁰ Veľký slovensko-ruský slovník : 6 diel. Bratislava, 1979–1995. Diel. 2. S. 403.

³¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 418.

³² Там же. Т. 4. С. 530.

³³ Slovník Slovenského Jazyka. Diel. 5. S. 395.

³⁴ Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. С. 220.

варный запас и строй языка. Образность, тональность, ритм повествования в произведениях А.И. Солженицына часто близок народным сказкам: И кто-то дал такое разрешение. И Фаддей собрал своих уцелевших сыновей, зятей и племянников и достал лошадей в колхозе – и с того бока развороченного переезда, кружным путем через три деревни, обвезил остатки горницы к себе во двор³⁵.

Этот отрывок из «Матрёниного двора» необыкновенно богат со стилистической точки зрения. Строение его характерно для сказки или народной песни (каждое новое предложение начинается союзом *и*). Используются знакомые сказочные образы, например, как царь собирает своих сыновей, которые должны пройти через три моря, три горы и три деревни, чтобы достичь своей цели. Словацкий текст в этом смысле намного беднее оригинала: *A ktosi mu také povolenie dal. Tu Faddej zhromaždil synov, zaťov a synovcov, čo mu ešte ostali, požičal si od kolchozu kone – a spoza železničného príchodu, okľukou cez tri dediny, pozvával zvyšky svetlice na svoj dvor*³⁶.

В речи героев часто используются пословицы, поговорки, приметы, которые также придают особый колорит повествованию. В словацком тексте они часто переданы эксплицитной интерпретацией содержания:

Незнайка на печи лежит, а зайку на веревочке вудут...³⁷

Beda tomu, kto veľa vie...³⁸

...дверью ногу прищемишь – быть гостю³⁹

...ak si privrzneš nohu medzi dvere, prídu hostia⁴⁰

Говорят у нас: умная выходит после Покрова, а дура – после Петрова⁴¹

U nás sa hovorí: múdru začerčia pred zimou, hlúpu pred žatvou⁴²

Важной особенностью стиля писателя является употребление таких звуковых средств выражения, как ритмизация прозаического текста, синтаксическая симметрия, рифма, многократный повтор, аллитерация и ассонанс, анафора и эпифора, фольклорная интонация. Особенности звучания речи прекрасно удалось передать переводчице «Матрёниного двора» в описании оплакивания усопшей. Она не старалась воспроизвести точный смысл плача, а использовала фонетические особенности словацкого языка. В этом случае большим преимуществом является не только близость славянских языков, но и традиции славянских народов, унаследованные с языческих времен.

Ах нянька-нянька! Ах лелька-лелька! И ты ж наша единственная! И жила бы ты тихо-мирно! И мы бы тебя всегда приласкали! <...>

Ах тетанька-тетанька! И как же ты себя не берегла! И, наверное, теперь они на нас обиделись! И родимая ж ты наша, и вина вся твоя! <...>

³⁵ Солженицын А. И. Матрёнин двор // Рассказы. М., 1990. С. 143.

³⁶ Solženicyn A. Matrimonina chalupa. Bratislava, 2003. S. 38–39.

³⁷ Солженицын А. И. Матрёнин двор. С. 138.

³⁸ Solženicyn A. Matrimonina chalupa. S. 33.

³⁹ Солженицын А. И. Матрёнин двор. С. 126.

⁴⁰ Solženicyn A. Matrimonina chalupa. S. 20.

⁴¹ Солженицын А. И. Матрёнин двор. С. 131.

⁴² Solženicyn A. Matrimonina chalupa. S. 25.

Да ты ж моя сестричечка! Да неужели ж ты на меня обидишься? Ох-ма!.. <...>
И прости ты меня горемычную! Ох-ма!..⁴³

Ach, dadulienka naša, dadulienka milá! Ach, vypel'chala si nás, vychovala!
Teba jedínú sme mali na svete! A mohla si si tu ešte pobudnúť! Ved' by sme ťa my
boli prichýlili! <...>

Ach, tetuška naša, tetulienka milá! Čože si si nedala lepši pozor! A oni teraz akiste
majú na nás ťažké srdce! A ktože ťa mal radšej ako my, a len sama si si na vine! <...>

Ved' si mi bola ako vlastná sestra! Hádam sa len na mňa nehneváš? Óvi!... <...>
Odpusť mi, odpusť, stvore nešťastlivej!...⁴⁴

Язык рассказа «Один день Ивана Денисовича» ярко свидетельствует о том, что писатель претворяет в жизнь свой масштабный замысел по лексическому расширению русского языка. В тексте рассказа представлены все наиболее характерные черты солженицынского стиля. При анализе двух словацких переводов необходимо учитывать не только то, что они сделаны с двух отличающихся оригинальных текстов, но и то, что в каждом из них представлена своя переводческая концепция. Автор перевода 1963 года Я. Ференчик придерживается концепции экзотизации, то есть предпочтения иностранных заимствований средствам языка перевода, О. Гирнерова – концепции нейтрализации, то есть значительной адаптации современному словацкому языку. Ее переводческие решения отличаются большей фантазией и оригинальностью, что, однако, не всегда обеспечивает адекватность перевода. Примерами разных переводческих решений в области лексики является перевод жаргонизмов, которыми изобилует рассказ. Так, жаргонизм *кондей*, или *карцер*, Я. Ференчик в большинстве случаев передает заимствованным *karcer*, тогда как О. Гирнерова предпочитает передавать его сленговым *basa* (букв. 'тюряга'). Русский жаргонизм *зона* также по-разному воспроизведен в словацких текстах. Я. Ференчик придерживается во всех случаях его употребления заимствования *zóna*, О. Гирнерова же выбирает различные эквиваленты в зависимости от контекста: *tábor*, *ohrada*, *dvor*, *vnútro tábora*, *stavenisko* и т. д. То же самое происходит и с переводом таких жаргонизмов, как *кум* или *onep*. На протяжении всего текста 1963 года используются нейтральные эквиваленты *vyšetrujúci / vyšetrovateľ* (букв. 'следователь'). В переводе 2003 года при первом упоминании о куме О. Гирнерова вводит переводческий окказионализм *strýček* (букв. 'дядька', перен. 'властный покровитель'), далее используются такие варианты, как *náčelník bezpečnosti*, *vyšetrovateľ*, *dozorca*, *eštebák*.

Кроме социально обусловленной лексики – жаргонизмов, диалектизмов и т. д., особую трудность для перевода представляют собой авторские слова. Острее всего звучат солженицынские окказионализмы, воплотившиеся в форме наречий – наречий образа действия. Именно в этой части речи наиболее полно

⁴³ Солженицын А.И. Матрёнин двор. С. 141.

⁴⁴ Solženicyn A. Matronina chalupa. S. 36.

сочетаются для писателя возможность словотворчества и насыщенность выражаемого ею явления. В «Объяснении» к «Русскому словарю языкового расширения» А.И. Солженицын пишет: «...повышенное внимание я уделял наречиям и отглагольным существительным мужского и женского рода, ценя их энергию. Я опирался на личное языковое чутьё, примеряя, какие слова ещё не утратили своей доли в языке или даже обещают гибкое применение»⁴⁵.

Напересёк через ворота проволочные, и через всю строительную зону, и через дальнюю проволоку, что по тот бок, – солнце встает большое, красное, как бы во мгле⁴⁶.

Несмотря ни на что – ни на существование лагеря, проволоки, зоны, солнце все равно продолжает вставать каждое утро. В наречии *напересёк* кроется, безусловно, не только свойство солнечных лучей, пересекающих лагерь. Пользуясь принципом скорнения, автор заставляет читателя услышать здесь и *поперёк*, и *пересечь*, и *наперекор*. Наперекор злу, страху и насилию жизнь продолжает идти по своим законам. Нелегко передать на другой язык всю коннотативную гамму значений такой лексемы. Слово сочетание *spoza brány* (букв. *из-за ворот*) нельзя считать адекватным выбором. Наречие *naprieč* ('поперек, наперерез, напрямик')⁴⁷ в некоторой степени передает свойства окказионализма. Кроме того, оно созвучно наречию *napriek* – 'назло, наперекор, несмотря на'⁴⁸.

*Na priech cez drôtenú bránu, cez celú stavebnú zónu a pomedzi vzdialené drôty na druhej strane vychádza slnko – veľké, červené, akoby v hmle*⁴⁹.

*Spoza brány z ostnatého drôtu, ponad celé stavenisko a drôty na druhom konci, akoby v hmle, vychádza veľké červené slnko*⁵⁰.

Особенно сочный окказионализм – наречие *напрожог*:

*Сидит он второй срок, сын ГУЛАГа, лагерный обычай знает напрожог*⁵¹.

Мы видим, как лагерь прожог бригадира, оставил на его теле и в сердце неизгладимые следы ожога, как он прошел в лагере огонь и воду, как, несмотря на все, горит в нем сила духа. В переводах находим бесцветные фразы о том, что он в совершенстве знает обычай лагеря:

*Одрукáва si už druhý výmer trestu, hlavná správa táborov ho prijala za svojho, táborové zvyky pozná dokonale*⁵².

*Tento syn gulagu si odrukáva už druhý trest, dokonale ovláda táborové zvyky*⁵³.

Перевод в данном случае можно считать одним из способов изучения и интерпретации авторских новообразований. «Важно подчеркнуть принципиальную художественную незаменимость «необычных» слов, используемых Солжени-

⁴⁵ Солженицын А.И. Объяснение // Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. М., 1995. С. 4.

⁴⁶ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. Т. 3. С. 33.

⁴⁷ Словацко-русский словарь. М.; Братислава, 1976. С. 229.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 1963. S. 38.

⁵⁰ Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 2003. S. 37.

⁵¹ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича. Т. 3. С. 34.

⁵² Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 1963. S. 39.

⁵³ Solženicyn A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 2003. S. 37.

цным. Стоит только попытаться вставить вместо них "обычные" – немедленно обнаруживается, что множество семантических и стилистических оттенков исчезает невозвратно»⁵⁴. Данный факт подтверждается и на примере анализа переводов.

На всех уровнях текста можно проследить различную линию переводческих решений, находящихся в прямой зависимости не только от личностей самих переводчиков, но и от развития словацкой переводческой школы в целом, от изменившихся социально-политических условий, от изменившегося читателя. Появление новых переводов, переиздание книг А.И. Солженицына в Словакии свидетельствует о том пути, которым прошло и до сих пор проходит творчество А.И. Солженицына в сознании словацкого читателя. Новые дополненные и переработанные издания, новые переводы являются средством, способствующим сближению переведенного произведения и принимающей культуры и одновременно служат доказательством того, что этот процесс происходит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. М., 1880–1882.
2. Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя [Текст]. – Л., 1974.
3. Медведев, Ж.А. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича» [Текст]. – Лондон, 1973.
4. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича [Текст] // Новый мир. – 1962. № 11. С. 8–74.
5. Солженицын, А.И. Матрёнин двор [Текст] // Рассказы. – М., 1990. – С. 112–146.
6. Солженицын, А.И. Раковый корпус [Текст]. – М., 2001.
7. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича [Текст] // Собр. соч. : в 20 т. – Париж ; Вермонт, 1978. Т. 3. С. 7–122.
8. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ [Текст] : в 3 т. – М., 1990.
9. Солженицын, А.И. Объяснение [Текст] // Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. М., 1995. С. 3–6.
10. Спиваковский, П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд (к 80-летию со дня рождения) [Текст]. – М., 1998.
11. Словацко-русский словарь [Текст]. – М. ; Братислава, 1976.
12. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935–1940.
13. Червеняк, А. «Малый триптих» А. Солженицына [Текст] // A.I. Solženicyn v kontexte európskej literatúry. Zborník príspevkov zo sympózia o tvorbe A.I. Solženicyna. – Bratislava, 1992. S. 50–60.
14. Alexander Solženicyn: Súostrovie Gulag [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.premedia.sk/slk/sk/literatura_faktu/novinka_alexander_solzenicyn_suostrovie_gulag (дата обращения: 18.04.2013).
15. Drozda, M. Jeden deň Ivana Denisoviča [Text] // Východoslovenské noviny. 1964. 25. 7.

⁵⁴ Спиваковский П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд (к 80-летию со дня рождения). М., 1998. С. 91.

16. Hrala, M. České překlady z ruské literatury In: Kapitoly z dějin českého prekladu [Text]. Praha, 2002. S. 185–241.

17. Mátejová, Z. Vidieť ponad osobné krivdy presný cieľ [Text] // Učiteľské noviny. 1963. 22. srp., Roč. 2013. Č. 31–33. S. 4.

18. Priehrštie pravdy o fenoméne gulag [Text] // Katolícke noviny. 2013. 26 marec. – Режим доступа : <http://www.katolickenoviny.sk/1314-2013-priehrstie-prav-dy-o-fenomene-gulag/> (дата обращения: 10.04.2013).

19. Slovenské tlačené slovo v zahraničí [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.viks.sk/dkk/kniha91_92_19_34.doc (дата обращения: 10.04.2013).

20. Solženicyн A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 1963.

21. Solženicyн A. Matronina chalupa. Bratislava, 2003.

22. Solženicyн A. Rakovina. BA, 1991

23. Solženicyн A. Súostrovie Gulag: 3 diel. BA, 1991.

24. Solženicyн A. Jeden deň Ivana Denisoviča. Bratislava, 2003.

25. Slovník Slovenského Jazyka: 5 diel. Bratislava, 1959–1965.

26. Súostrovie Gulag. Recenzie. Knižná revue. 2013. 06. únor. [Электронная версия журнала]. – Режим доступа : <http://www.floowie.com/sk/nahlad/309631289511119a9865de-#/strana/2/> (дата обращения: 10.04.2013).

27. Vel'ký slovensko-ruský slovník: 6 diel. Bratislava, 1979–1995.

V.S. Knyazkova

A.I. SOLZHENITSYN'S WORKS IN SLOVAKIA

The paper analyzes Slovak readers' attitude to A.I. Solzhenitsyn's works. It provides a historical review of translations of A.I. Solzhenitsyn's works into the Slovak language. The author speaks about different translators and their translation policy. She analyzes the changing attitude of Slovak readers to A.I. Solzhenitsyn's works. The author shows the main approaches to the translation of A.I. Solzhenitsyn's vocabulary into the Slovak language and provides illustrations of the most difficult cases of A.I. Solzhenitsyn's unique usage of words.

literary translation into the Slovak language, «One Day in the Life of Ivan Denisovich», translating occasionalisms, readers' interpretation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азинцев Сергей Ефимович – доктор педагогических наук, член Союза российских писателей, профессор кафедры математических и естественнонаучных дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В.Ф. Маргелова.

Сфера научных интересов: физика как учебная дисциплина, физика в вооружении и военной технике, лабораторный практикум с применением информационных технологий, синергетика и функционирование сложных систем, эволюция Вселенной, биофизические основы работы мозга, философия, психология, история религий.

Контактная информация: fonon-41@mail.ru

Azintsev Serghey Yefhimovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Member of the Union of Russian Writers, Professor in the Department of Mathematics and Natural Sciences at Ryazan Higher Airborne Command School named for General V. Margelov.

Research interests: physics as an academic discipline, physics in armaments, new information technologies in laboratory practice, synergetics and complex systems functioning, evolution of the Universe, biophysical laws of brain work, philosophy, psychology, history of religion.

Contact information: fonon-41@mail.ru

Аркатова Анна Евгеньевна – аспирантка кафедры славистики Иллинойского университета, Урбана-Шампейн, США.

Сфера научных интересов: творчество А.И. Солженицына, русская поэзия Серебряного века.

Контактная информация: e-mail: arkatov1@illinois.edu, arkatova_anna@yahoo.com

Arkatova Anna Yevghenyevna – Postgraduate Student of the Department of Slavic Languages and Literatures at the University of Illinois at Urbana-Champaign, USA.

Research interests: A.I. Solzhenitsyn's literary work, Russian poetry in the Silver Age.

Contact information: e-mail: arkatov1@illinois.edu, arkatova_anna@yahoo.com

Белопольская Елена Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой отечественной литературы факультета филологии и журналистики Южного федерального университета.

Сфера научных интересов: творчество А.И. Солженицына, православие и русская литература.

Контактная информация: e-mail: koli@sfedu.ru, elebel00@mail.ru

Belopolskaya Elena Vadimovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Literature at Southern Federal University.

Research interests: A.I. Solzhenitsyn's work, orthodox culture, Russian literature.

Contact information: e-mail: koli@sfedu.ru, elebel00@mail.ru

Гуськов Вячеслав Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Благовещенского государственного педагогического университета.

Сфера научных интересов: современная русская литература, творчество А.И. Солженицына.

Контактная информация: тел. (4162) 52-41-64; e-mail: slavagus@mail.ru

Guskov Vyacheslav Vladimirovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in the Department of Literature at Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Research interests: modern Russian literature, A.I. Solzhenitsyn's work.

Contact information: Phone No. (Ofc.) (4162) 52-41-64, e-mail: slavagus@mail.ru

Злобин Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и журналистики Вятского государственного университета.

Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика.

Контактная информация: e-mail: zlobin_andrei@mail.ru

Zlobin Andrey Aleksandrovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in the Department of Culturology and Journalism at Vyatka State University.

Research interest: cognitive linguistics.

Contact information: e-mail: zlobin_andrei@mail.ru

Климушина Юлия Александровна – учитель русского языка и литературы МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 35 г. Рязани», аспирант кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: творчество А.И. Солженицына, литературное краеведение, методика преподавания литературы.

Контактная информация: julya.klimushina@yandex.ru

Klimushina Yulia Alexandrovna – teacher of Russian language and literature at school № 35 (Ryazan), Postgraduate of the Department of Literature at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Research interests: A.I. Solzhenitsyn's work, literary local history, methodology of Literature teaching.

Contact information: julya.klimushina@yandex.ru

Князькова Виктория Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Сфера научных интересов: теория и практика перевода, словацкая лингвистика.

Контактная информация: тел. (812)328-95-24; e-mail: kniazkova@yahoo.com

Knyazkova Victoria Sergheyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in the Department of Slavonic Philology at Saint Petersburg State University.

Research interests: theory and practice of translation, Slovak linguistics.

Contact information: Phone No. (Ofc) (812)328-95-24; e-mail: kniazkova@yahoo.com

Козляков Вячеслав Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: отечественная история.

Контактная информация: v.kozliakov@rsu.edu.ru

Kozlyakov Vyacheslav Nikolayevich – Doctor of History, Professor in the Department of History at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Research interests: Russian history.

Contact information: v.kozliakov@rsu.edu.ru

Лазарев Юрий Васильевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: педагогическая журналистика, публицистика, методика преподавания литературы.

Контактная информация: тел. 8-920-971-00-50; e-mail: jurnalist.rgu@gmail.com

Lazarev Yuriy Vasilyevich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor in the Department of Journalism at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Research interests: pedagogical journalism, social and political journalism, literature teaching methodology.

Contact information: Mob. No. 8-920-971-00-50; e-mail: jurnalist.rgu@gmail.com

Моторин Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: современная русская литература, русская драматургия XX века, драматургия А. Вампилова.

Контактная информация: тел. 8(4912)25-35-49, 8-910-631-40-27.

Motorin Serghey Nikolayevich – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Literature at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Research interests: modern Russian literature, Russian drama of the 20-th century, A. Vampilov's drama.

Contact information: Phone No. (Ofc) 8(4912)25-35-49, Mob. No. 8-910-631-40-27.

Сафронов Александр Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: художественно-документальная «лагерная» проза.

Контактная информация: тел. (4912) 25-35-49, (4912) 44-58-05, 8-915-618-75-37; e-mail: a.safronov@rsu.edu.ru

Safronov Aleksandr Viktorovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in the Department of Literature at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Research interests: gulag documentary fiction.

Contact information: Phone No. (4912) 25-35-49, (4912) 44-58-05, 8-915-618-75-37; e-mail: a.safronov@rsu.edu.ru

Смыковская Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Благовещенского государственного педагогического университета.

Сфера научных интересов: русская литература XX века (творчество В.И. Белова, Л.И. Бородина, А.И. Солженицына и др.).

Контактная информация: e-mail: tarkatova@yahoo.com

Smykovskaya Tatyana Yevghenyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in the Department of Literature at Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Research interests: Russian literature of the 20th century (V.I.Belov's, L.I. Borodin's, A.I. Solzhenitsyn's works).

Contact information: e-mail: tarkatova@yahoo.com

Соколова Регина Алгиманто – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: творчество М.М. Пришвина и литературный процесс XX века.

Контактная информация: тел. 26-63-07, 8-910-564-03-15; e-mail: r.sokolova@rsu.edu.ru

Sokolova Regina Alguimanto – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Literature at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Research interests: M.M. Prishvin and his works, 20th century literature.

Contact information: Phone No. 26-63-07, 8-910-564-03-15; e-mail: r.sokolova@rsu.edu.ru

Стрелец Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Сфера научных интересов: историческая германистика, история науки.

Контактная информация: тел. 8-375(162)43-66-02; e-mail: mstrelez@mail.ru

Strelets Mikhail Vasilyevich – Doctor of History, Professor in the Department of Social and Political Sciences and History at Brest State Technical University.

Research interests: germanistics, history of science.

Contact information: Phone No. (Res) 8-375(162)43-66-02; e-mail: mstrelez@mail.ru

Темпест Ричард – профессор отделения славянских языков и литератур Иллинойского университета, Урбана-Шампейн, США.

Сфера научных интересов: творчество А.И. Солженицына, русская и болгарская литература, культура и история, теория культуры, телесность.

Контактная информация: e-mail: rtempest@illinois.edu

Richard Tempest – Associate Professor in the Department of Slavic Languages and Literatures at the University of Illinois at Urbana-Champaign, the USA.

Research interests: Alexander Solzhenitsyn's literary work, Russian and Bulgarian literature, culture and history, cultural theory, body studies.

Contact information: e-mail: rtempest@illinois.edu

Щетинина Наталья Павловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и педагогических технологий Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: постдипломное педагогическое образование в России (вторая половина XIX – начало XXI века).

Контактная информация: тел. (4912)28-05-83; e-mail: n.shetinina@mail.ru, vlasov-an@mail.ru

Shchetinina Natalya Pavlovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor in the Department of Pedagogy and Pedagogical Technology at Ryazan State University named for S.A. Yessenin.

Research interests: postgraduate education in Russia (the late 19th – early 21st centuries).

Contact information: Phone No. (Ofc) (4912)28-05-83; e-mail: n.shetinina@mail.ru, vlasov-an@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ АВТОРАМ

Журнал «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина» – многопрофильное издание, которое принимает к публикации статьи ученых-исследователей, докторантов, аспирантов и соискателей по следующим научным направлениям:

«Гуманитарно-общественные науки»: история, филология, культурология, философия, психология, педагогика, методика и теории преподавания, политология, социология, юриспруденция, экономика, менеджмент.

«Естественнонаучные дисциплины»: физика, математика, информационные технологии, химия, биология, физиология, география, экология, природопользование.

Периодичность выхода «Вестника Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина» – 4 раза в год.

Электронная версия журнала размещается на сайте Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина www.rsu.edu.ru

Требования к статьям и правила предоставления рукописей авторами

Редакция журнала «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина» просит авторов руководствоваться предлагаемой ниже информацией и правилами.

1. Комплектность материалов.

1.1. Рукопись статьи на электронном носителе (CD-R(RW) или электронной почтой) и в печатном виде (требования к оформлению см. ниже) с указанием индекса УДК.

1.2. Заявка, содержащая сведения обо всех авторах статьи на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы/учебы, занимаемая должность (с точным указанием кафедры и вуза), сфера научных интересов, отрасль науки и специальность предполагаемой защиты (для аспирантов, докторантов, соискателей); почтовый адрес с индексом (рабочий и/или домашний), e-mail, телефоны).

1.3. Рецензия от специалиста в научной области, соответствующей направлению статьи, или экспертное заключение с места работы/учебы (кроме докторов наук). Для аспирантов и соискателей обязательно наличие положительного отзыва научного руководителя. Для электронных вариантов используется формат, воспроизводящий подпись и печать.

2. Правила оформления статей.

2.1. К публикации принимаются научные статьи, выполненные в соответствии с техническими требованиями. Файлы, которые при проверке показывают наличие вирусов или подозрение на вирусы, не принимаются.

2.2. Рукопись статьи должна быть подготовлена в редакторе Word для Windows 1997–2003 или в формате RTF и распечатана.

Компьютерный вариант статьи оформляется в виде единого файла, включающего полный текст, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), формулы, таблицы, иллюстрации с обязательными ссылками на них в тексте, ссылки, библиографический список. Сопроводительные документы (заявка, рецензия, отзыв) прилагаются отдельными файлами.

Объем статьи – от 0, 5 до 1,5 п. л. (8–24 машинописные страницы).

2.3. Параметры страницы: верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, правое – 20 мм, левое – 30 мм. Шрифт New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзацный отступ – 1, 25 см. Номера страниц проставляются в центре нижнего колонтитула.

На первой странице статьи помещаются: развернутый шифр УДК, на русском языке название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова.

Аннотация должна адекватно представлять содержание и результаты статьи. Рекомендуемый объем аннотации – 100–150 слов.

Ключевые слова. Максимальное количество – 5–10 слов.

2.4. Формулы помещаются в тексте с использованием формульного редактора Microsoft Equation, диаграммы располагаются с помощью программы Microsoft Excel. Формулы должны быть тщательно выверены автором. Иллюстрации (рисунки и графики) должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg, выполненные с соблюдением ГОСТ 2.3.04-81 ЕСКД «Шрифты чертежные», должны иметь разрешение не менее 300 dpi (штриховые рисунки – не менее 1200 dpi) и располагаться в тексте статьи. Под рамкой рисунка на расстоянии не менее 1 см располагается его номер и подрисовочная подпись (шрифт Times New Roman, кегль 10). В подписях к таблицам и в самих таблицах не допускаются сокращения слов. Ссылки в тексте на таблицы и на рисунки должны быть выполнены следующим образом: табл. 1, табл. 2, рис. 1, рис. 2 и т.д. Цифровые обозначения на кривых следует давать курсивом.

2.5 Названия химических соединений должны быть выполнены по номенклатуре, рекомендованной ИЮПАК (Номенклатурные правила ИЮПАК по химии [Текст]. М. : Винити, 1979. Т. 1. 660 с. ; Т. 2. 896 с.). Для обозначения некоторых химических соединений, терминов, растворителей, заместителей в тексте (но не в названии статьи и аннотации) можно пользоваться общепринятыми аббревиатурами и устоявшимися сокращениями.

Латинские названия видов растений, животных и других биологических объектов даются *курсивом*, название рода с заглавной буквы, название вида – со строчной буквы. При первом упоминании вида указывается автор данного названия.

Размерности всех физических величин следует давать только в международной системе СИ.

Математические формулы нумеруются (при необходимости) арабскими цифрами в круглых скобках справа от уравнений. Латинские буквы в урав-

нениях, схемах, тексте, таблицах, рисунках даются курсивом, а греческие – обычным шрифтом.

2.6. В статье обязательны ссылки на научную литературу. Ссылки на неопубликованные работы (за исключением диссертаций) не допускаются. Запрещаются заимствования без цитирования и ссылок. Нумерация производится арабскими цифрами (1, 2, 3 и т.д.). Постраничные ссылки (шрифт Times New Roman, кегль 10, единичный интервал) должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008.

2.7. Список литературы помещается в конце статьи в алфавитном порядке (сначала на русском языке, затем на иностранном) и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.

2.8. В тексте напротив цитат (в том числе стихотворных) на полях слева следует ставить свою подпись, подтверждающую точность цитаты источнику, на который дается ссылка. Указание страниц на цитаты обязательно. Цитирование не на первоисточник, как правило, запрещается, за исключением, если: 1) первоисточник недоступен или его разыскание затруднено; 2) цитируется публиковавшийся архивный документ и воспроизведение текста по этому документу может неправомерно придать цитированию характер архивного разыскания; 3) цитируемый текст стал известен по записи слов автора в воспоминаниях другого лица.

2.9. В конце статьи автор ставит подпись, удостоверяющую то, что статья публикуется впервые. В случае, если статья коллективная, обязательны подписи всех авторов. Для электронного варианта используется формат, воспроизводящий подпись. Подпись сканируется и вставляется в текст в формате *.tif или *.jpg.

С требованиями к оформлению статей также можно ознакомиться на сайте Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина www.rsu.edu.ru
Статьи присылать по адресу: i.erlihson@rsu.edu.ru; a.reshetova@rsu.edu.ru

Научное издание

Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени С.А. Есенина

2013

№ 3/40

Научный журнал

Главный редактор
Эрлихсон Ирина Мариковна

Редактор *Т.Н. Свитнева*
Технический редактор *Ю.А. Самойлова*
Переводчик *Ж.Д. Томина*

Подписано в печать 28.08.2013. Поз. № 25. Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 15,48. Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 100 экз. Заказ № **295**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано в редакционно-издательском центре РГУ имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Ленина, 20а

